

The background of the entire page is a scenic landscape painting. It shows a view of a mountain valley seen through a natural rocky archway. The sky is a pale blue with soft, white clouds. In the distance, there are rolling hills and mountains, some covered in dense evergreen forests. In the lower-left foreground, a group of people, including what appears to be a person on horseback, are standing on a rocky outcrop, looking out over the valley. The overall tone is peaceful and majestic.

Ольга Кавецкая

КОМАРИК

**история
необыкновенной дружбы**

Ольга Кавецкая

КОМАРИК

История необыкновенной дружбы

2018

Ольга Кавецкая, «Комарик»
[Olga Kawecka, *Komarik*]

Edited by Olga Kawecka

Published in the USA by Kindle Direct Publishing

‘Komarik’ (literally ‘My little mosquito’) is a novel about an extraordinary friendship. One sunny evening in July 2014, two persons met in Tver (Russia). One of them was the author of this book, Olga Kawecka – a poet, prose writer, translator, and historian, aged twenty-seven. She loved music of half-forgotten classical composers and poetry of little-known European poets, and had authored six books ranging from a collection of philosophical poems to a voluminous work on the First World War. The other person was a fourteen-year-old boy, wonderfully cheerful and intelligent. These two persons seemed different, but they had their leading feature in common: the need for a friend. They would be pleasantly surprised at what their friendship would give them...

The book is published in the Russian original. The author intends to translate it into English.

ISBN: 9781798014592

Text, illustrations, design, layout © 2018 by Olga Kawecka

Коля, Комарик и автор. 29 августа 2015 г.

*Артёму Кузнецову,
моему названому брату,
с благодарностью за Жизнь*

Артёму Кузнецову

В людской пустыне только ты со мной,
Меж безразличными – единственно живой,
Из отступившихся – один, кто не ушел.
Мой лучший друг!.. И – сумрак над душой.
Другие были – пылью на ветру,
На гибельном тщеславия юру,
Считали за полет паденье в пустоту
И блеском мнили тлена черноту.
То гниль была, желавшая сиять.
Сколь мне милее простота твоя,
И живость, и находчивый ответ,
И безыскусность, и пятнадцать лет...
Живая искорка на сумрачном пути!
И свет неугасимый – впереди.

2015

Вступление

Говорят, противоположности сходятся. Более удивительного сочетания, чем я и Комарик, не найти.

В свои двадцать семь лет я была автором шести книг – от объемного сборника стихотворений и поэтических переводов с девяти языков до биографии английского полководца Первой Мировой войны; разбиралась в зарубежной истории, классической музыке, искусстве и литературе; владела девятью языками, которые изучила самостоятельно; восхищалась трагической поэзией незаслуженно забытого шведского гения Эрика Юлиуса Шьоберга; искала глубинный смысл в музыке Йозефа Мартина Крауса; любила драматическую красоту кавказских гор; интересовалась архитектурой католических кладбищ; стремилась нести добро своим словом и мучительно тосковала о друге. Дружба являлась для меня наивысшей ценностью.

Друга – настоящего, надежного, верного – у меня не было никогда. Знакомых было множество. Я семь лет вела обширную переписку, общаясь с молодыми и пожилыми, студентами и профессорами, простыми и интеллектуалами... Я писала по двадцать пять бумажных писем в ночь, разговаривая со своими знакомыми на их темы и об их жизни, тщательно выверяя каждую фразу и избегая помарок... Но рядом с ними были живые люди, и мое имя на конверте не значило для них ничего.

Я искала вокруг, используя каждую возмож-

ность, но одни завидовали мне, думая, что творческий талант – большая удача, а знания – достоинство само по себе, другие отворачивались равнодушно, не понимая, третьи не нуждались в дружбе вообще. Когда неудачи стали исчисляться сотнями, я поняла: надо что-то менять. Отвернувшись с досадой от взрослых, я обратилась к подросткам. Мне хотелось найти мальчика, которого я назвала бы братом. Из этой самой «неподходящей» категории мне попался самый «неподходящий» мальчик. Мы подружились.

Автор

12 декабря 2015 г.

Знакомство с Комаром

Вечером 20 июля 2014 года я шла пешеходной улицей Твери. Солнце скрылось за крышами старых малоэтажных домов, прохожих было немного, по розовым плиткам неспешно расхаживали серые голуби, издали доносились монотонные звуки незамысловатой музыки. Я присела на свободную скамью через дорогу от кафе. Это был тридцатый пятый день поисков мальчика. Поскольку было лето, не существовало ничего иного, кроме как знакомиться на улице. Но школьники разъехались на каникулы, немногие оставшиеся не откликались на предложение «познакомиться с тверским писателем, историком и поэтом», и мои искания не приносили ничего, кроме усталости и досады.

Через несколько минут на противоположной стороне улицы, за побеленными искривленными стволами лип, появились два мальчика на велосипедах, ехавшие друг за другом. Переднего я не рассмотрела, зато успела мельком, сквозь пелену близорукости, отметить ехавшего позади. На вид лет тринадцати, он был небольшим, стройным и светловолосым, а его легкая одежда имела неопределенный табачно-серый цвет. Яркими пятнами мелькали салатные задники кроссовок и такого же цвета полосы на велосипеде. «Если ребята остановятся, познакомлюсь», – решила я. «А теперь – налево», – донеслось до меня звонкое сопрано светленького мальчика, и оба велосипедиста скрылись за углом, оставив меня с ощущением выпущенной из рук веревки. Вот и все. Можно выискивать взглядом других.

В какой-то надежде я не сводила взгляда с уг-

ла, за которым исчезли ребята. Из-за него появлялись мужчины, женщины, дети и шли мимо меня – такими же ненужными случайностями, какой была я сама для окружающих.

Вдруг оттуда вынырнул мой светловолосый мальчик, а за ним – его товарищ. Мне было видно, как они спешили за стволами лип возле дверей кафе, беленький мальчик быстро привязал велосипеды под темным навесом, и оба скрылись в дверях.

Помню, как второй мальчик (тоже лет тринадцати) стоял у прилавка, спиной ко мне: неподвижная фигура в темно-синей футболке, с копной каштановых волос, остриженных по кругу. Его более расторопный приятель делал покупки.

Помню, как они миновали меня, выходя на улицу: мальчик в синем, ростом с меня, прошел деревянной походкой игрушечного болванчика, а другой – поменьше – юркнул мимо маленьким комариком.

Помню, как меньший на вопрос, будут ли они «общаться с писателем, историком и поэтом», с радостной готовностью звонко ответил: «Будем!»

Помню его деловитое копошение возле велосипедов: снующие острые локотки, склоненная светлая головка, белые пакеты с покупками, укрепляемые на руле. Второй стоял прямо и недвижимо подле него.

Комарик назвался Игорем.

– Правда, что ли?

Некий Игорь был накануне.

– Ну не Вася же! – улыбнулся мальчик, бросив темный взгляд поверх своих пакетов.

– А тебя как зовут? – последовал вопрос к его

товарищу.

– Вася, – ответил тот альтом, стоя прямо и неподвижно.

– Да никакой он не Вася, он Коля, – тотчас поправил его Игорь.

Как с ними связаться?

– А мы есть во «ВКонтакте» и в «Одноклассниках», – живо сообщил Игорь, продолжая хлопотливую возню с пакетами на руле. – Только я там пароль забыл. Давайте я Вам свой номер телефона дам. Только у меня на телефоне деньги закончились.

– Как же тебе помочь?

Игорь задумался на мгновение. Я ожидала, что он воспользуется представившейся возможностью. Но вместо этого он дал свой номер и попросил позвонить на следующий день. Я отметила его порядочность. Условившись о звонке, мы попрощались.

Помню долгий путь в пыльном автобусе, серые сиденья, навязчивую музыку и ликующий солнечный свет. Небо было необычайного ясно-синего цвета. Или просто я впервые за долгое время заметила это? В сумке лежала бумажка с телефонным номером нового знакомого. Радостное «Будем!» звучало в ушах.

В полдень следующего дня Игорь, к моему удивлению, согласился прийти на встречу. В Городском саду. Тем же вечером, в 18 часов. Один. От радости, я едва верила этому.

За пару часов я рассказала ему о себе, своих книгах, поездках на Северный Кавказ, стоянии там на краю незамечаемой мною пропасти, своем катании на лыжах в бабушкином вымирающем селе

в Тверской области, изобилии волков в лесах, окружавших то село, и кровавом скелете съеденной ими собаки на моей лыжне и закончила беседу своей версией о причинах Первой Мировой войны. Мальчик заинтересованно слушал, смирно сидя рядом со мной на скамье возле ажурной чугунной ограды, за которой синела волжская гладь и серебряными вспышками мелькали чайки.

Внезапно хлынул холодный дождь. Я с готовностью дала Игорю свой зонтик. Он мило поблагодарил меня и съежился на пронизывающем ветру. Я с удовольствием отдала ему свою куртку, оставшись в одной рубашке. Теперь ему стало тепло, а мне – радостно.

... Так отрепетировав встречу, я отправилась на нее, захватив зонт и для Игоря.

Долгое ожидание на остановке, переполненная маршрутная «Газель», стущающиеся тучи, порывы ветра. Наконец, Городской сад. Солнце сквозь сизые тучи, шум листвы, волнение, приступ головокружения. Серые дорожки, светотени, набережная. Мальчика нет.

«А я у бабушки... В поселке... Скоро поеду на море...» – сдавленный, будто от слез, голос в трубке. Обратно я шла, как с похорон.*

* Игорь не мог предупредить о том, что не придет, так как звонок ему в полдень 21-го был сделан с рабочего телефона моей мамы. К вечеру в ее кабинете никого не осталось, и на звонок Игоря никто не мог ответить. Номера мобильного телефона у него не было.

Телефонные беседы

Мысли о комарике Игоре не покидали меня. «Будем!.. Позвоните в двенадцать... Конечно, придут!» Ловкая фигурка и звонкий голос с серебряным налетом. Деловитые движения. Живость. Жизнь... Нет, не мог он обмануть.

«Ты куда?» – «На встречу с писателем». – «Сейчас я покажу тебе писателя!» – и несчастный малыш был возвращен с порога, отруган до слез и посажен под ключ. Так мне представлялось.

22 июля, в 14.30., я позвонила ему.

– Игорь? (И – страх: вдруг положит трубку?)

– Да, – поникший голос в полной тишине (впечатление пустой комнаты).

– Привет! – говорю я радостно.

– Привет, – отвечает Игорь с той же подавленностью.

Я начинаю любезно:

– Мое имя Ольга Кавецкая; я тот человек, который хотел пообщаться с тобой...

Продолжаю мягко:

– Знаешь, меня немножко обидело то, что ты не пришел вчера...

Добавляю уверенно:

– Но на обманщика ты не похож...

И сочувственно спрашиваю:

– Скажи, тебя не пустили на встречу, да?

Игорь отвечает уныло:

– Нет, просто я сейчас за городом.

Я – с надеждой:

– А когда вернешься?

Он – уныло:

– Как вернусь, опять уеду.

– Хорошо, – откликаюсь я так же уныло, – я тоже уезжаю в августе, в Гродно.

И добавляю с надеждой:

– Но ведь потом ты все равно вернешься в Тверь: ты же здесь живешь...

– Да, – соглашается Игорь уныло.

– Может быть, встретимся в сентябре?

– Может быть, – отвечает Игорь немного живее.

Меня осеняет, что у моего собеседника наверняка еще смутное представление обо мне, и я спрашиваю:

– А ты понял, кто я? – и на одном дыхании:

– Поэт, писатель, историк; пишу рассказы, стихи, биографию Лоуренса Аравийского; мой сборник стихотворений есть в Тверской областной библиотеке; сегодня получила тираж новой книги. У меня нет ни одного друга; ищу по улицам школьников; странное предприятие, конечно... Когда я увидела тебя, ты показался мне интересным и приятным человеком, с которым можно было бы хорошо пообщаться; жаль, что не получилось... – пауза и потом – просяще-ласково:

– Может быть, заведешь почтовый ящик?

– А мы есть в «Одноклассниках» и во «ВКонтакте», – говорит Игорь, вдруг оживившись.

– О, я плохо разбираюсь в них. Лучше заведи ящик.

– Хорошо, – с готовностью соглашается Игорь.

– А у тебя есть Скайп?

– Нет.

– У меня тоже. Ну что ж, пока!

– Пока, – звучит с той же подавленностью, в полной тишине.

Вечером продолжаю искать на улицах: что

если общение с Игорем не удастся?.. Поиски ничего не приносят. Сквозь серый калейдоскоп бессмысленных лиц, улиц и машин вспоминается обнадеживающее «Будем!», как обещание какого-то счастливого лета, и видится в памяти хрупкая фигурка, полная искренней жизни.

В 21.30. того же дня опять звоню Игорю. В трубке – оживленно-ожидающе:

– Алё!

– Игорь? – осторожно спрашиваю я.

В ответ – странное молчание.

– Игорь, ты?

Молчание. Потом неуверенно:

– Да.

– Это опять я беспокою тебя – Ольга...

Страшный громкий шепот:

– У меня сейчас нет времени... А что Вы хотели?

Я, из исключительной вежливости:

– Тогда – задаю свои вопросы быстро: та-та-та...

Игорь – недоуменно:

– Что?

Я повторяю, оставив исключительную вежливость:

– Ты не пробовал завести ящик?

– Еще нет.

Я – просяще:

– Ты не забудь, ладно?

– Ладно, – отвечает Игорь почти ласково (чувствуется, что он улыбается по-хорошему). Я спрашиваю с надеждой:

– Ты не против, если я буду иногда звонить тебе?

– Нет, – отзывается Игорь мягко. Я радуюсь:

– Точно?

- Да.
- А когда лучше звонить?
- Утром.
- Хорошо. Ну, всего доброго!
- Пока.

Слава Богу, это закончилось! Ненавижу говорить по телефону.

Неожиданная встреча

На следующий день, около полудня, я опять позвонила Игорю, но поговорить не удалось: его телефон оказался выключенным. Впоследствии у меня также не получалось звонить по утрам, как советовал Игорь, и он то сбрасывал мой вызов, то отвечал «Вы ошиблись номером». Потом он всегда перезванивал, говоря, словно из-под подушки. Что-то мешало ему.

Так прошла половина августа. Все это время я на всякий случай искала других. Но других не было. Был только мой недостижимый Комарик, а точнее – его образ, увиденный в сумраке сквозь дымку близорукости. Правильное личико, высокий лобик, зачесанные на левую сторону мягкие золотистые волосы, внимательные темные глаза, небольшой прямой носик, аккуратный подбородок. Легкая фигурка, быстрые движения: маленькое копошение над велосипедом. И это всё.

Одиночество было невыносимым. Вечером 15 августа я ушла на берег Волги. Прошла через березовую рощу, в которой не было никого, обогнула расположенную там трехэтажную гостиницу и по

длинной узкой деревянной лестнице спустилась к воде. Над водою была устроена просторная деревянная площадка с ограждением, на которой летом проводились празднества. Сейчас там было пусто и чисто. На противоположном берегу с охристой осыпью зеленел лес. По обеим сторонам от меня простиралась полоса булыжников, занесенная высохшим илом. Над головой склонялись ветви старых берез, судорожно ухватившихся искривленными корнями за осыпавшийся песок обрывистого берега. Нигде не было ни души.

Я остановилась у ограждения и, опершись о него грудью, посмотрела в воду. Мутно-бурая, темная подо мною, немного поодаль она казалась совершенно черной. Еще дальше в ней отражались легкие, как роспись старинной фрески, перистые облака. Где-то там, в глубине спокойной реки, лежал остов давно затонувшей баржи, городской мусор, чьи-то останки... Какую грязь, и страх, и безысходность скрывало это спокойствие, отражавшее изящные летние облака!.. Не метафора ли это моей жизни? Что мои музыка, поэзия и остальное как не слабое отражение недостижимой Красоты на поверхности усталости и боли? Сколько под этой поверхностью затонувших обломков, которые лежат, невидимые другим, но ощущаемые мною, и будут лежать там до самого конца... А свет гаснет, и белые отражения становятся все более смутными, почти иллюзорными, пока не исчезнут совсем в бесконечной темноте. В уютной темноте, где не будет усилия и напряжения – этого смертного боре-ния всего моего существования в попытке удерж-жать обманчивые отсветы, прикоснуться к Жизни, которой для меня нет...

Позднее, лежа в своей комнате, я обращалась то к Богу, то – мысленно – к Игорю, с одной и той же мольбой: «Сделай что-нибудь! Помоги, спаси!» Никогда в жизни я ни о чем не молила людей и уж тем более – никому из живых не молилась. Почему я взывала к мальчику, которого едва знала, будто к ангелу-хранителю? От нестерпимости одиночества?..

Ночью я не находила себе места. Легла утром. Через четыре часа встала – звонить Игорю. Звонок не доходил. Снова – искать, по всему городу, из конца в конец. Почти час провела под мелким дождем возле кафе, где встретила Игоря: надеялась увидеть его. И опять – улицы, Городской сад, пустота... «Игорь, сделай что-нибудь!»

В тот день – сон: грозовые тучи на закате, и в них – как надежда – золотой разрыв с веером лучей.

На следующий день, 17 августа, я ехала с мамой в трамвае. Было пасмурно и тепло, временами моросил унылый дождь. Я вспомнила вслух Игоря и пожалела, что общение не получилось, после чего заговорила о предстоящей поездке на отдых. Куда лучше поехать – в Северную Осетию или в Белоруссию? Говоря об Осетии, я упомянула знакомого, с которым мы ездили в горы в 2012 году:

- Все от него зависит. Надо выйти на связь.
- Это нетрудно, он ведь не сменил СИМ-карту.
- Но он мог потерять телефон...
- С чего бы ему терять?
- Всякое бывает. А без него мы в горы не поедem.
- Без Игоря?!

Оказалось, мама продолжала говорить о моем

мальчике. Я задумалась о нем, как вдруг раздался звонок. Звонил Игорь.

– Плохо слышно: мы едем в трамвае.

– В синем?

– Да.

– Так мы вас видим!

Мы вышли на ближайшей остановке. Вскоре вдалеке показались Игорь и Коля. Игорь шел легкой решительной походкой, близко к своему другу. Оба держали в руках пакетики с чипсами. Подойдя, ребята поздоровались и встали перед нами, Игорь – слева от Коли.

Я почти месяц думала об этом мальчике. Представляла нашу дружбу. Мысленно беседовала с ним. Видела его во сне. И вот он стоит передо мной – теперь на свету. У него чистое личико правильной формы, большие карие глаза с прямым и внимательным взглядом, тонкие светлые брови легкими дугами, высокий лобик, аккуратный прямой носик, выпуклые щеки-нектаринки, умеренно пухлые губки (своенравная нижняя) и весьма упрямый закругленный подбородочек. Нежный боттичеллевский образ, дополненный задорной веснушчатостью, легкой облупленностью на носу, ячменем на глазу, немного оттопыренным левым ушком и отросшими необычайно-золотистыми волосами, небрежно ниспадающими на левую сторону лба и сзади на шею.

На Игоре неширокая серовато-синяя футболка, облегающие джинсовые шорты до колена и маленькие черные кроссовочки с салатовыми полосками на задниках. Все это отлично подходит к его ловкой, «комариной», фигурке с крепкими стройными ножками и тонкой талией.

Продолжая зажевывать чипсы, Комарик стоит перед нами. Его приятель, молчаливый и незаметный, неотлучным истуканчиком – рядом с ним.

– Никак ты покрашенный? – удивляется мама и трогает изучающе пушистые волосы Комарика.

– Это я выгорел за лето, – объясняет он, стоя покорно.

– Да, выгорел, – степенно подтверждает его товарищ. Мама сомневается и пытается отыскать следы окраски. Затем, оставив прическу Комара в покое, спрашивает, отчего у него облупился нос.

– На море был, – отвечает он, дожевывая чипсы и боком придвигаясь к другу в своей невозможности покоя. Тот стоит истуканчиком.

– А что ты все моргаешь? – мама рассматривает глаза Комара. – Никак у тебя ячмень?

Комар соглашается, запуская лапку в почти пустой пакетик.

– Плюнь ему в глаз, – советует мама Коле.

– Зачем? – настораживается Комар, переставая жевать.

– Старинный способ избавиться от ячменя.

Мама шутит, и Комар успокаивается. Я рассмотрела его и теперь присматриваюсь к Коле. Весь его облик выражает спокойствие и уверенность. У него недвижимое загорелое лицо, небольшие серые глаза, неприбранные прямые брови, умный лоб, заметные скулы, чуть вздернутый нос с тупым кончиком, четкая линия губ и великолепная прическа под двойной горшок со светлым пятном окраски на лбу (волосы у него каштановые). Одет Коля в свободную оранжевую футболку и широкие красные шорты, на ногах у него темные кроссовки.

Тем временем, Комарик заканчивает питаться,

привычным движением незаметно вытирает губы рукавом товарища и спокойно отбирает у него пакетик с чипсами.

– Я не доел... – пытается протестовать Коля. Комар, не обращая внимания, деловито засовывает свой пустой пакетик в Колин и вручает все это ему: – На, выбрось.

Коля покорно следует к урне. Комар провожает его взглядом и поворачивается к нам. Ему явно неуютно одному. Он замирает и молча ждет товарища. Коля бросает пакетик в урну и возвращается. Маленький Комарик опять начинает придвигаться к Коле и вскоре оказывается перед ним, прижимаясь к нему спиной, словно к надежной стене. И что-то щебечет в ответ на наши вопросы. Затем мы договариваемся о встрече на следующий день на том же месте и прощаемся.

Первая беседа с Комаром

На следующий день, 18 августа, я сплю четыре часа. В 14.30. звонит Игорь: «Мы придем в 15.20.» Я быстро собираюсь и еду из своего пригорода в центр города к назначенному месту. По дороге – опять звонок: «Придем в 16 часов: не успеваем».

В 16 часов – никого. Яркое солнце и холодный ветер. Жду. Проходит пять минут, десять, двадцать. Я теряю терпение. Звоню Игорю: «Вы где?» Чей-то женский голос отвечает что-то невнятно. Спустя несколько минут – повторный звонок. На этот раз отзывается Игорь. Оказывается, они ждут на пешеходной улице. Иду туда. Комар и Коля тро-

гательно сидят за пустым столиком в летнем кафе.

– Кто отвечал женским голосом?

– Я, – гудит Коля.

– А я ел сухарики, – очаровательно поясняет Комарик, положив локти на столик и глядя умильно. Наверное, ему хочется придать встрече некоторый романтический оттенок, и сейчас он, возможно, думает, что я присоединюсь к ним и закажу какое-нибудь вкусненькое пропитание для себя и, может, для них. Но я думаю не о романтике, а о педагогике: «Что если Комарик решит на каждой встрече питаться за мой счет?..» Я так предполагаю оттого, что еще не знаю его, и в воспитательных целях вкусненькое пропитание не поступает. Более того, предпринимается попытка увести Комарика от греха подальше.

– Не-е, нам здесь нравится, – пицтит Комарик.

– Зато мне не нравится, – отвечаю я и направляюсь прочь. Новообретенные товарищи покорно следуют за мной. По пути Игорь обгоняет нас с Колей и выбирает место – скамью в начале довольно людной аллеи старых ясеней, пересекающей пешеходную улицу. Усаживаемся: Игорь – сгорбившись с краю, Коля навывтяжку – возле него, я – нога на ногу и сцепив на колене руки – рядом с Колей.

Беседа начинается принужденно. Мне трудно говорить с двумя людьми одновременно, к тому же – с разными людьми, каковыми являются Игорь и Коля. Кроме того, выясняется, что их основное увлечение – это футбол. Когда-то я интересовалась спортом, смотрела биатлон по телевизору, нескверно играла в шахматы и мечтала погонять мяч с мальчишками (только их не было), но теперь от-

«А я ел сухарики, – очаровательно поясняет Комарик».
(Фотография сделана в августе 2013 года, но подходит:
в упомянутом эпизоде Комарик сидел так же).

Комарик в августе 2013 г. Мы еще не были знакомы.

далилась от подобных вещей, погрузившись в химерическую сферу искусства. Различие в интересах удручает меня: о чем мы будем говорить? Будет ли ребятам хорошо со мной? И, самое главное, сможет ли Игорь понять меня? Для него, футболиста, я, литератор, должна быть каким-то кристаллом непостижимости...

Игорь увлеченно рассказывает мне о футболе. Я понимающе поддерживаю беседу – кивками и хмыканьем в нужных местах. Оказывается, Игорь и Коля играют в настоящих командах.

– Коля – центральный нападающий, – сообщает Игорь, – а я – вратарь.

И добавляет с гордостью:

– Коля – футболист от Бога.

Затем бросает взгляд на загорелую ногу друга и произносит сочувственно:

– У него травма была, – Игорь накрывает ладонью Колино колено и принимается бережно поглаживать его. – Ему даже собирались ногу отрезать, – тонкие бровки Игоря на мгновение встают домиком, – но обошлось, – он убирает руку с колена Коли и задумчиво смотрит на свою ножку:

– А у меня щиколотка была сломана...

Я думаю о глупости родителей, которые после этого позволяют им играть, но ничего не говорю. Комар отвлекается от футбола:

– А что Вы пишете? – спрашивает он, склоняясь ко мне через Колины колени.

– Стихи, исторические повести, рассказы... Кстати, я захватила свои книги, чтобы показать вам.

Я достаю из сумки свой объемистый сборник стихотворений и поэтических переводов с девяти языков (под названием «Только слово живет») и

небольшую повесть о мальчишеской дружбе, переведенную мною с английского. Комар увлеченно хватается обеими лапками сборник: видимо, оттого, что он внушительнее. Коля осторожно принимает другую книгу. Я наблюдаю за ними. Маленькие лапки Комара тянутся сразу ко всем страницам.

– На обложке сборника моя фотография одного старого кладбища в Северной Осетии, – замечаю я.

Комар закрывает книгу и внимательно смотрит на изображение, после чего опять принимается жадно, но аккуратно листать сборник. В середине книги его внимание привлекает какое-то стихотворение, и он задерживается на нем. Тем временем, Коля вдумчиво читает одну из первых страниц повести.

– А почему так называется? – спрашивает Комар и, повернув ко мне сборник, указывает на мое замысловатое стихотворение о любви – одно из немногих в той толстой книге. Я не хочу объяснять и отвечаю, улыбаясь:

– Подумай – поймешь.

Он думает и, кажется, понимает. Он действительно немало понимает, этот забавный Комарик с золотистыми волосиками и облупленным носиком. Я уже не чувствую пропасти между нами.

Мальчики заканчивают просмотр книг и бережно возвращают их.

– А Вы – известная писательница? – с интересом спрашивает Комар, глядя на меня искоса своими замечательными большими глазами.

– Пока – не очень.

– А собираетесь стать?

– Это не зависит от моей воли, – смеюсь я.

– А как Вы издаетесь? – продолжает расспраши-

вать любознательный Комар.

Я рассказываю о допечатной работе, типографии, рассылке книг по российским библиотекам за свой счет – оттого, что магазины их не берут.

– Неужели библиотеки берут за деньги? – ужасается Комар.

– Слава Богу, еще не додумались.

– А почему магазины не принимают?

– Неходовой товар. Если бы это были детективы или бульварные романы, тогда брали бы охотно.

Мальчик никак не может этого понять.

Незаметно он переходит на «ты». Я не возражаю. Беседа продолжается, становясь все более оживленной. Я рассказываю о том, как устроила взрыв в квартире при попытке починить настольную лампу. Комар в восторге. Коля сидит между нами навывтяжку и молчит. Мы стрекочем наперебой, нагибаясь друг к другу то через его колени, то у него за спиной. Наконец, Коля не выдерживает:

– В оба уха!.. – стонет он и, закрыв уши руками, нагибается, спасаясь от нас. Колина спина становится опорой для наших локтей.

– Лучше иди сюда! – зову я Игоря из сострадания к претерпевающему Коле. Игорь немного сопротивляется, но потом радостно сталкивает Колю на свой край и занимает его место. Коля опирается локтями о колени и закрывает глаза:

– Посплю пока.

Мы снова начинаем стрекотать – теперь о футболе.

– «Реал» или «Барселона»? – в азарте звенит Комар, желая узнать мои предпочтения. Я сама их еще не знаю и тычу пальцем в небо:

– «Реал».

Комар в восторге давит Колю:

– Слышишь? Моя любимая команда!!!

– Я спа-а-ть хочу... – сонно гудит Коля, не поднимая головы.

– Роналду или Суарес? – продолжает Комар с горящими глазами.

– Роналду, – с почтением отвечаю я наугад, и Коле опять достается.

Затем инициативу перехватываю я и рассказываю о средневековых наземных склепах в горах Северной Осетии:

– Пологий склон, на нем – девяносто склепов, подобных маленьким белым домикам, в склепах – небольшие прямоугольные окошечки...

У Коли проходит сонливость, и он смотрит на меня заинтересованно. Я рассказываю негромко, и Комару приходится ему пересказывать:

– Склон, а в склоне окошечки...

После склепов Комар неожиданно спрашивает:

– А что ты думаешь о современной архитектуре?

Я ничего не думаю о современной архитектуре, и тема не развивается.

– А что ты любишь носить? – задает Комар еще один удивительный вопрос и, не дожидаясь ответа, начинает со знанием дела рассуждать о гардеробе.

– Почему ты не носишь джинсы? – интересуется он (на мне черные классические брюки). – Тебе старинные обряды нравятся?

– Наряды, – поправляет его Коля.

– Да, наряды, – повторяет Комар, глядя на меня.

Я объясняю, что не придаю большого значения моде, и спрашиваю Комара, не увлекается ли он военной историей. Он не увлекается, я оставляю

эту тему, и некоторое время Колины уши наслаждаются тишиной.

Потом Игорь расспрашивает меня о наличии вредных привычек и на всё получает отрицательные ответы.

– А я пробовал курить, – признаётся он. – Мне не понравилось.

Я горячо поддерживаю его в том, что это действительно не может понравиться, и, вдруг обняв его за плечи, говорю:

– Берегите здоровье. Потеряв, не вернете.

Оба клопа задумываются. После молчания Коля спрашивает меня глубокомысленно:

– А ты не хочешь завести детей?

Я отшучиваюсь. Клопы опять задумываются. Затем Игорь уточняет:

– А ты вообще не собираешься жениться?

Мы с Колей смеемся. Игорь смотрит то на него, то на меня, не понимая, что смешного мы нашли в его вопросе. Коля рассудительно объясняет.

Потом Комар спрашивает название моего телефона. Я показываю его. «Nokia», – уважительно читает Комар на уже стареньком аппарате, и я впервые чувствую себя обладателем хорошего телефона. После Комар замечает проезжающую мимо редкую машину и, толкая сонного Колю в бок, называет ее марку. Комару интересно все.

Проходит час. Мальчики собираются прощаться со мной. Мне жаль отпускать их, и я прошу посидеть еще немного. Коля отводит Комара в сторону, и они о чем-то переговариваются, после чего Комар – маленький, оживленный и деловитый – направляется ко мне с успокаивающим видом:

– Посидим еще!

И мы с Комаром опять что-то весело обсуждаем. Минут через десять Коля нагибается ко мне через колени друга:

– Если завтра будем встречаться, то во сколько?

Я с изумлением смотрю в его глаза:

– Неужели тебе со мной интересно?!

Он не отвечает. Мы с Комаром продолжаем беседовать. Потом Коля поднимается. Комар тоже встает, неохотно. Я бездумно беру обеими руками его лапку пониже локтя, собираясь уточнить время следующей встречи. Лапка теплая и гладкая. Комар замирает, пригорбившись и глядя в одну точку вдаль. Я спрашиваю:

– Значит, завтра здесь в половине четвертого?

– Да, – подтверждает Комар, не шевелясь.

Коля стоит перед нами и смотрит на меня с какой-то горечью. Я отпускаю Комарика, мы прощаемся, и они уходят.

«Живу!»

19 августа опять еду на встречу. Обдумываю предстоящую беседу. В автобусе гремит назойливая музыка, нарушая ход мыслей. Водитель отказывается выключать ее. Пересаживаюсь на троллейбус и оттого потом иду к месту встречи более длинным путем. Это улица старых деревянных домиков, вытесняемых роскошеством новых коттеджей. В пыли на проезжей части что-то блестит. Подхожу: часы. Позолоченные, японские, водонепроницаемые. Показывают правильное время – как будто напоминают о времени.

Звонит Комар, назначает другое место, в сотне метров от первоначального. Прихожу: никого. Опять звонит Комар и говорит, что Коля собрался на тренировку. Я решительно отвечаю: «Наплевать на тренировку! Я сама приду!» Комар с готовностью соглашается и объясняет, куда подойти.

Новое место мне незнакомо. Долго блуждаю по старым улицам малоэтажных домов в поисках какой-то неведомой мне школы, возле которой ждут мальчишки. То и дело обеспокоенно звонит Комар, наставляя на верный путь. Наконец, путь заканчивается. Я вижу маленькое розовое здание школы, рядом – два серых пятиэтажных дома, перпендикулярно примыкающих друг к другу, и между ними – уютный просторный двор. Во дворе – яркая детская площадка, две коричневые скамьи возле ветвистой березы и молодой дубок. Школу от двора отделяет серое металлическое ограждение высотой в два метра. Я направляюсь вдоль него по территории школы. Никого нигде нет. «Вы не туда идете!» – раздается рядом озабоченное пицание. Оглядываюсь и вижу за ограждением деловитое существо в серо-синей футболке и облегающих джинсовых шортах. «Идите сюда!» – взволнованно пищит существо. Иду.

Беседовать уже не хочется. Хочется выяснить, намерены ли они и дальше водить меня за нос по улицам*; и, если да, покончить с этим общением.

Не обращая внимания на Комара, шагаю к Ко-

* Это Коля менял планы в тот день. Когда я настояла на встрече, Игорь уговорил его не спешить. Двор для встречи был выбран Игорем.

ле, который стоит неподалеку от него невозмутимым столбиком: мне он кажется серьезнее.

– Мама ушла с выгодной работы, чтобы взять отпуск в августе, – начинаю я спокойно. – Мы собирались в Гродно. Там меня никто не ждет. Если у меня с вами все будет хорошо, я не поеду.

Коля молчит, стоя задумчивым истуканчиком. К нам подходит пригорбившееся деловитое существо с отросшими золотистыми волосиками и, не ведая, что творит, машет заботливой лапкой:

– Уезжай!

Я отступаю на шаг и смотрю на него с горечью. Коля думает. Комар растерянно смотрит то на него, то на меня, не понимая, почему я не радуюсь: ведь он не дал моим планам рухнуть. Коля думает. Я жду. Где-то Гродно с его аккуратными домиками девятнадцатого века, замком польских королей и старинным кладбищем дворян-поляков, на котором я любила прогуливаться, слушать в наушниках классическую музыку и... мысленно беседовать с молодым Францишеком Кавецким, погребенным там в 1901 году. Рядом со мной стоит маленькое теплое существо и взирает на меня озабоченно большими карими глазенками.

Коля думает... Игорю надоедает ждать, он отходит от него и усаживается на скамейке. Я следую за ним и опускаюсь рядом. Игорь сидит, подтянув одно колено к груди, и неотрывно смотрит на думающего Колю. Я начинаю негромко рассказывать Игорю, как радовалась нашему знакомству и как мне хочется, чтобы оно продолжалось.

– А в Гродно меня никто не ждет, – говорю я. – Кроме одного поляка, с которым я разговаривала у его забытого погребения...

Игорь слушает молча, не двигаясь и не сводя серьезного взгляда с думающего Коли. Что понимает этот комочек? Мне кажется, что он понимает все – именно потому, что он еще такой маленький комочек.

Наконец, Коля заканчивает думать, приближается к нам и, улыбнувшись мне робко и ласково, объявляет, что мы встретимся завтра и будем вместе полтора часа. Я благодарна. Игорь размышляет над моей поездкой, от которой я еще не отказалась:

- На чем поедешь?
- На поезде.
- А сколько времени занимает дорога?
- Шестнадцать часов.
- А что ты будешь там делать?

Я не успеваю ответить, как Коля со вздохом говорит за меня:

- С покойными разговаривать.

Мне кажется, что и он тоже что-то понимает. Он садится с другой стороны Игоря, и мы трое беседуем. Игорь спрашивает о моей литературной деятельности. Я отвечаю, что дела идут не очень хорошо: книги изданы, а реализовать их сложно. Игорь смотрит обеспокоенно то на меня, то на Колю, задумывается, ничего не находит и просит друга:

- Посоветуй что-нибудь!

Коля пытается дать совет. Я благодарю их за попытку помочь и меняю тему.

Потом Коля встает, а мы остаемся сидеть.

- Наверное, не стоило рассказывать о том кладбище и о моих трудностях, – тихо говорю я Игорю, обнимая его рукой за плечи. Под рукой – тепло и

тонкие косточки.

– Не, ничего... – шепчет он, неотрывно глядя на стоящего перед нами Колю. Мне не хочется отпускать Игоря. После уничтожающей пустоты рядом – это тепло под рукой!..

Коля смотрит на нас и с милой улыбкой отмечает по часам время моей радости:

– Ну, еще семь минут...

Расставшись с ними, я прошлась по городу. На пешеходной улице я взглянула на небо. В ярко-синей высоте с севера на юг тянулись полосы перистых облаков, подобные расходящимся лучам.

Позднее я гуляла по набережным Волги, делая круги между двумя мостами, отстоящими друг от друга примерно на километр. Испорченное неприятностями сердце, обычно останавливавшее меня при ходьбе то пронзительной, как нож, болью, то внезапным сбоем-ударом, то биением столь учащенным, что перехватывало дыхание, не ощущалось вовсе, как будто грудь была исполнена той лазурной легкости, что сияла надо мною в пространстве Бесконечности. «Живу!» – записала я вечером в дневнике.

Дворовая идиллия

На следующий день мы встречаемся в том же дворе. Игорю он нравится: там чисто и тихо, почти не бывает людей, неслышно машин, не бегают собаки. Это лучший двор в городе. В сотне метров располагается Дом поэзии, где собираются мои

«собратья по перу», чтобы почитать свои стихи и послушать других. Я ни разу не заходила туда, не ожидая ничего доброго от завистливых и желчных «сотоварищей». Зато как радостно увидеться с мальчишками во дворе!..

Прихожу в назначенное время. Ребята уже сидят на скамье в тени березы. Мы приветствуем друг друга, и я присаживаюсь рядом с Колей. Он – как всегда невозмутимо-степенный, тогда как Игорь – оживленный комочек заинтересованности и непосредственности, ожидающий рассказов. И я начинаю рассказывать, то и дело теряя нить повествования оттого, что заинтересованный комочек засыпает меня вопросами, выглядывая из-за Коли, сидящего прямо и неподвижно.

– А у него тоже фамилия Кавецкий? – спрашивает Игорь о поляке с гродненского кладбища.

– Да.

– И он ваш родственник?

– Вероятно.

– А может быть, вовсе не родственник?

– Маловероятно. Кавецкие в Белоруссии являлись ветвями одного и того же дворянского рода.

– А откуда ты об этом знаешь?

– Из «Памятных книг».

– А что такое «Памятные книги»?

К моему удивлению, Коля что-то слышал о них. Он поучительно гудит ответ и опять погружается в свое невозмутимое молчание.

– Расскажите что-нибудь сами! – предлагаю я. Комар ненадолго задумывается, опустив голову, а потом вскидывает ее, отбрасывая упавшие на лоб золотистые волосы, и с задорной живостью начинает рассказывать:

– Однажды мы с Колей били бутылки о машину. Бутылок было много, и мы так веселились! Вдруг появляется хозяин машины и – к нам. Мы – бежать. Он – за нами. Коля недолго думая как закричит: «Помогите! За нами какой-то мужик гонится!» Так тот и отстал от нас.

Я смеюсь на изобретательность обоих и находчивость Коли. Затем опять рассказываю сама:

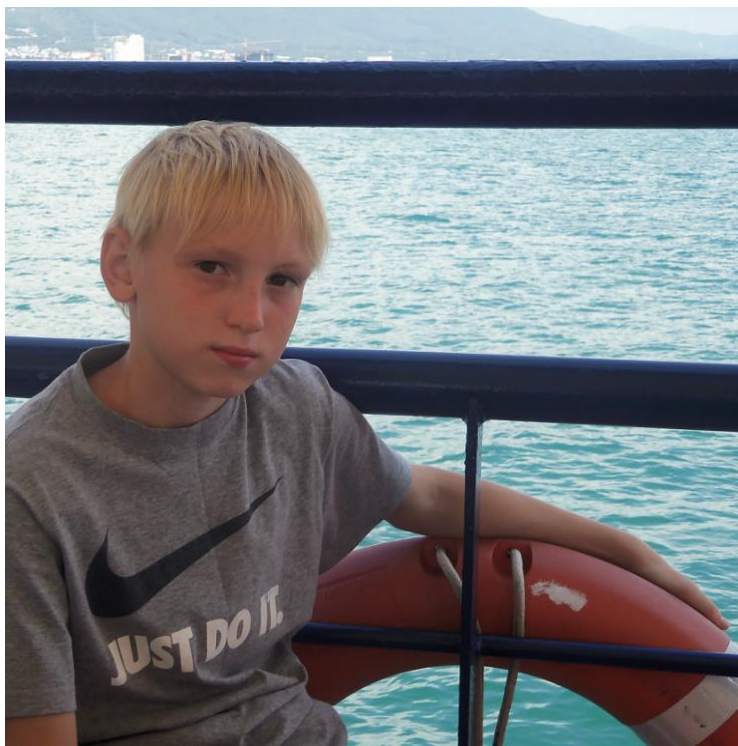
– В 2011 году я была в горах Северной Осетии. Там есть одно место – отрог, примыкающий к высокой горе. На его вершине стоит средневековая сторожевая башня. Под ним, в долине, виднеются несколько домиков, кажущихся игрушечными с высоты примерно в триста метров. Пробраться на вершину отрога можно с дороги, огибающей гору. По этой дороге мы и приехали («мы» – это моя мама и сотрудник редакции осетинского литературного журнала, с которым я сотрудничала). Они остались на дороге, а я пошла посмотреть башню...

Коля слушает, отрешенно глядя вдаль, Игорь заинтересованно выглядывает из-за него на меня.

– Шла я козьей тропкой и вскоре оказалась у башни. Четырехугольная, сложенная из крупных необработанных камней, вблизи она выглядела весьма внушительно. Я остановилась возле нее и осмотрелась. Вокруг высились отвесные скалы, лишенные растительности. Их вершины были окутаны густыми облаками, подобными клубящемуся пару. Масштабы были столь велики, что не воспринимались. Казалось, стоит протянуть руку, и можно коснуться противоположной бурой горы, как будто ковра на стене. Или, уронив платок в долину, поднять его, нагнувшись, как с пола. Все пространство сместилось, обратившись в какую-то

Комарик греется на южном солнышке.
Геленджик, август 2012 г.

Артём в августе 2013 г. Геленджик.

уютную, с детства знакомую комнату.

Полюбовавшись окрестностями, я направилась обратно, но уже по другой козьей тропке. Она вела через груды черного сланца, выступавшего на поверхность толстыми слоями, как слежавшаяся черепица. Между камней пробивались невысокий сухой чертополох и какие-то маленькие синие цветы – единственные пятнышки яркого цвета в том пасмурном пространстве. Вскоре тропинка вывела меня к оврагу глубиной три-четыре метра и повела по его осыпающемуся краю. На дне лежала серая ленточка...

Комар не сводит с меня глаз. Коля сидит истуканчиком.

– Я остановилась посмотреть на коричневую гору, высившуюся где-то за оврагом. Пространство было причудливо искажено: неглубокий овраг передо мной и огромная, подавляющая своей тяжестью гора напротив, словно на его противоположной стороне. Я взглянула под ноги: я стояла почти на самом краю. Под него уходила промытая водой глубокая борозда. «Если край обвалится, оттуда будет легко выбраться», – мелькнула у меня мысль. Я еще постояла в раздумье и двинулась к дороге. Выйдя на нее, я оглянулась. Коричневая гора стояла перпендикулярно к дороге. От тропы, которой я только что прошла, ее отделял не овражек, а пропасть. Серая лента на дне была асфальтированной дорогой.

На пыли возле скамейки я черчу линию, отделявшую меня от пустоты. Игорь молча смотрит широко раскрытыми глазами на неровную бороздку в тридцати сантиметрах от моих ног. Дальше – безлюдный двор, старые улицы, чуждый город:

пустота человеческая.

Потом заинтересованный Комар просит:

– Расскажи что-нибудь еще!

– Да, расскажи! – подхватывает Коля.

У меня наготове другая история:

– Знаете ли вы, каким было первое танковое сражение?

Мальчишки не знают. Комар ждет с горящими глазами, что я расскажу.

– Дело было в 1916 году. Уже два года шла Первая Мировая война. Поначалу успех был на стороне немцев, но постепенно военные действия зашли в тупик, и началась изнурительная окопная война. Нужно было новое оружие. Им стали танки.

Проект первого в истории танка был предложен еще в декабре 1914 года офицером английских Королевских войск Эрнестом Суинтоном. Идея не была новой: ее высказывал в 1903 году писатель-фантаст Герберт Уэллс, а много ранее – в приближенной форме – Леонардо да Винчи.

В итоге сотрудничества Суинтона и его коллег в декабре 1915 года был создан прототип танка, названный «Малыш Вилли». В январе 1916-го появилась большая модель, оснащенная орудием, а к сентябрю сорок девять таких машин, названных для дезинформации противника танками (по-английски “tanks” – «цистерны»), находились во Франции и были готовы вступить в бой. Одни были оснащены пулеметами, другие – 6-фунтовым орудием. Эти танки должны были провести атаку на самом трудном участке сражений – на реке Сомме. Атака оказалась впечатляющей...

Немецкая пехота, заняв позиции в траншеях, готова была отразить наступление противника,

как вдруг на горизонте возникли бронированные чудовища, за которыми следовала британская пехота. Это оказалось столь неожиданным, что немцы пришли в ужас. Несмотря на то, что танки прошли только 3200 метров и встали – одни из-за поломок, а другие застряли в рыхлой земле, британской пехоте оставалось только закрепить успех. Это была одна из самых эффектных и самых недорогих локальных побед на Западном фронте.

– Ух ты! – восторгается Комар. – А как же выглядели эти танки?

– Это были практически одни огромные гусеницы.

– Одни гусеницы?!

– Ну да. С местом для экипажа и орудием.

Комар разбирается в танках и расспрашивает меня о других моделях. Я говорю с ним о военной технике, после чего приступаю к следующему рассказу:

– Дело было зимой в одном селе Фировского района Тверской области, где жила моя бабушка. Село, некогда большое и процветающее, к моему времени оказалось почти покинутым: там жили только полтора десятка стариков. Вокруг простирались мрачные еловые леса, отделенные от села полями. Через село проходила дорога на город Осташков, по которой за день проезжало лишь несколько машин.

Бабушкин дом стоял на самой окраине. За огородом начиналось поле, ограниченное с одной стороны пустынной дорогой, а с другой – лесом. Оно тянулось от села километра на два – до места, где дорога входила в лес. По этому полю я каталась на лыжах – одна, поскольку там не было никого мне в спутники.

Той зимой в окрестных лесах развелось много волков. Их не отстреливали, и они чувствовали себя вольготно. Каждые несколько дней жители рассказывали об очередной пропавшей собаке. Исчезновение небольших дворняжек и лаек было печальным случаем, однако понятным: что мог такой песик против серого зверя? Но когда пропала огромная собака ростом почти с теленка, стало жутко: было очевидно, что волки действовали большой стаей.

Мы опасались за свою собаку – черную дворняжку, жившую на цепи на крыльце, и по ночам оставляли в сених свет. Однажды ночью наш пес сильно беспокоился: видимо, звери были где-то поблизости.

Волки были в соседнем лесу, и их заунывный безнадежный вой был слышен в доме. Странное то было впечатление: пить чай в десять часов вечера в уютной, освещенной кухне, слушая волчий вой! Несмотря на присутствие зверей, я продолжала свои одинокие лыжные прогулки вдоль леса. Дело было не в том, что я так любила кататься на лыжах: мне было страшно, и хотелось этот страх преодолеть. Мне было пятнадцать лет...

Каждый день, даже в мороз – 27° С, я выходила на лыжню. Обычно я каталась во второй половине дня и до того времени, пока не становилось темно. Помню одинокую, хорошо накатанную лыжню по ровному полю, маленький огонек в сгущающихся морозных сумерках – окно бабушкиного дома, бледное небо с оранжевой полосой на западе, черный глухой лес рядом. С конца лыжни село выглядело небольшой кучкой игрушечных домиков, небрежно разбросанных по холму. Только в не-

скольких светились окна.

По мере того, как я удалялась от дома, а свет становился тусклее, меня все больше и больше охватывал страх. Что если из леса вдруг выбежит волк?.. Я крепче сжимала палки и скользила вперед, разговаривая вполголоса сама с собой, чтобы не было так страшно.

Однажды, доехав в сумерках до конца лыжни, я обнаружила следы зверя, огромными прыжками пересекшего мою лыжню...

В другой раз я вышла на лыжню около полудня. День был пасмурным и смутным. Село оставалось еще в полукилометре, и я чувствовала себя вполне уверенно, как вдруг...

Мальчишки смотрят на меня во все глаза. Я немного выжидаю и договариваю:

— Как вдруг я заметила впереди на лыжне что-то красное. Подъехав ближе, я увидела свеженький скелет собаки.

Игорь и Коля впечатлены. У них таких историй нет.

Мы беседовали еще около часа. Коля изредка что-то невозмутимо вставлял, а Игорь заинтересованно ерзал и сыпал вопросами, выясняя подробности, узнавая о новых терминах. Его живая манера передавалась мне, и я тоже ерзала, и говорила оживленно, как он, и даже мой голос менялся, уподобляясь его восхитительному залиvistому сопрано. Я была рада забыть, кто я, забыть про свои литературные труды, экзистенциальные рассуждения и трагическое мироощущение и стать (хотя бы на время беседы!) таким же, как этот мальчик. Я наслаждалась этим долгожданным перевоплощением.

Помню бледное личико, обращенное ко мне из-за плеча Коли, шелковистые светлые волосы, небрежно спадающие на левую сторону лба, и широко распахнутые большие карие глаза с легкой золотинкой. Игорю было интересно все: и горы, и танки, и волки, но наибольшее оживление вызвали мои музыкальные предпочтения.

— А что ты делала сегодня ночью? — выясняет Комар с живой искоркой в глазах (он знал, что я бодрствую по ночам из-за работы над книгами).

— Слушала музыку.

— Какую? — серьезно интересуется Коля.

Я, задорно:

— Похоронные марши!

Комар восторженно лезет на Колино плечо:

— Похоронные марши! — звенит он, давя Колю. Тот мягко освобождается от него и гудит снисходительно:

— Он мне каждый день устраивает Похоронный марш...

Живость Комара безгранична. Если она не направляется на задавание вопросов, в чем он бесподобен, то обращается в возню с Колей. Коля для него — вроде плюшевого мишки. Я пытаюсь умерить задор Комара и прошу его друга удалиться куда-нибудь на некоторое время. Коля устраивается на другой скамейке в четырех метрах от нас, Комар придвигается ко мне, и наступает покой.

— О чем будем говорить? — спрашивает Игорь, слегка склонив голову и перебирая одной рукой волосы надо лбом. В отсутствии Коли его безудержная веселость исчезает, и он сидит серьезный и взрослый. Эта серьезность и пребывание наедине (то есть при Коле в четырех метрах) побуждают

меня говорить иначе.

– Если бы не вы, то меня уже, наверное, не было бы, – вполголоса произношу я, глядя на веснушчатый профиль. Игорь вскидывает глаза, не поворачивая ко мне лица:

– Как?

– В живых, – легко объясняю я.

Взгляд Игоря останавливается. Я продолжаю:

– Мне было очень трудно. Я просто не выдержала бы физически...

Вспомнив о его возрасте, я спохватываюсь:

– Вы, наверное, не понимаете таких вещей.

– Понимаем, – с какой-то уверенной серьезностью тихо отвечает Игорь, как будто поощряя к дальнейшему рассказу. И я продолжаю негромко:

– Пятнадцатого числа я уходила к реке...

– К реке? – настороженно переспрашивает Игорь.

– Да. Стояла там и думала. Было очень одиноко. А потом лежала в своей комнате и мысленно просила тебя сделать что-нибудь, как-нибудь помочь мне.

Игорь сидит неподвижно, сдвинув брови.

– Когда это было? – вдруг уточняет он, как будто припоминая что-то.

– В пятницу, пятнадцатого, в семь часов вечера.

Игорь задумывается. Я так и не узнала, почему он задал этот вопрос.

После я рассказала ему немного из детства – о неизбежном одиночестве и о бабушкином доме в полузабытом селе, куда мама увезла меня от диких скандалов отца, когда мне было десять лет.

– Я жила там восемь лет, до бабушкиной смерти. Потом мы с мамой переехали сюда. А домик наш развалился.

– Развалился?! – Комар так и подскочил. – И нельзя починить?

– Некому.

– А если нанять рабочих? Ну как же так – домик развалился... Ведь вы могли бы отдыхать там летом.

В признательности за его заботливость я замолкаю ненадолго, а потом рассказываю о церкви прапрадеда, находившейся в том селе и сгоревшей за десять дней до того, как я уехала оттуда.*

– ... Вся церковь была объята огнем и стояла в предрассветных сумерках, как рубиновая: сияющая, торжествующая... А по бледному небу тянулась полоса белых искр – надо всей деревней...

– Иди сюда! – подзывает заинтересованный Игорь Колю. Тот подходит и присаживается с другой его стороны.

– Ну? – Игорь ожидает продолжения рассказа, но я молчу. Эти рассказы – для него одного.

Мальчишки, не дождавшись моих историй, затевают возню. Игорь, играя, обнимает Колю обеими руками за шею. Тот, весь красный, решительно высвобождается и встает перед ним.

– Игорь, ты куда? – спрашивает Игорь, удерживая Колю за руку.

– Он меня за ногу держит! – бормочет Коля. Я смеюсь. Игорь вскакивает, и начинается веселая возня с бегом вокруг скамейки в попытке достать

* Мой прапрадед служил священником, а та церковь была переезжена в село при его участии в 1897 году. В 1930-е годы ее превратили в клуб. Сгорела она по неизвестной причине на рассвете 25 августа 2005 года.

Колю, а лучше – повалить на землю. Я наблюдаю, снисходительно улыбаясь. Наконец, мальчишки усаживаются справа от меня, Игорь ближе. Коля пытается опрокинуть его, Игорь откидывается назад. Боясь, что он свалится за скамейку (спинки нет), я подставляю ему руку. К моему удивлению, я не чувствую тяжести. Игорь лежит блаженно у меня на руке и улыбается, а серьезный Коля поглаживает его по плечу. Я, продолжая поддерживать Комарика, смотрю на его сияющее личико. Его счастливый взгляд устремлен в небо – глубокое синее небо над серыми крышами. «И это будет в прошлом», – почему-то думаю я.

В конце встречи Игорь стоял возле меня, озаренный мягким вечерним солнцем, и щебетал о чем-то. Коля, собираясь уходить, отошел от нас на несколько шагов. Игорь не спешил. «Пойдем!» – поторопил его Коля. «Ты можешь идти, а я еще побуду», – покладисто ответил Игорь, глядя на друга и придвигаясь ко мне...

Теплота

21 августа Игорь позвонил раньше обычного, но я не услышала. Через полтора часа он перезвонил и спросил, не могу ли я прийти пораньше: в 15.30. им было нужно куда-то идти. Я поехала на такси. По дороге – опять звонок: «Едешь?» – «Да, на такси». – «На такси?! – изумляется Комар. – А можешь побыстрее?»

Приезжаю за несколько минут до времени.

Мальчишек еще нет. Звоню Игорю. «Мы идем». – «А можете побыстрее?» – весело передразниваю я его. Через две минуты ребята появляются, тихие. Мы садимся на скамью под березой, Игорь посередине. Коля спокойно объявляет, что вечером они уезжают на футбольные соревнования в Краснодар. Внутри что-то обрывается. Мальчишки начинают говорить друг с другом о футболе. Я ставлю локоть на колено и, упершись лбом в ладонь, закрываю глаза. Пустота. Откуда-то доносится: «Поле... гол... нападающий...» Вдруг – тишина. Поворачиваю голову: оба смотрят на меня (Игорь – озабоченно).

– Скучно? – спрашивает Коля.

– Скучно! – отвечаю я, любопытствуя, что они предпримут. Игорь с готовностью встает, садится на край скамейки и умиротворенно откидывается на колени Коли, как на удобную подушку. Он берет Колю за руки; и мальчишки, улыбаясь и глядя друг другу в глаза, начинают поглаживать руки друг друга. В некотором изумлении от неожиданности, я созерцаю эти неторопливые привычные движения, это мягкое, ловкое, согласованное сплетение тонких пальцев, этот неотрывный взгляд Игоря, полный удивительной нежности. Обращенные друг к другу лица становятся необычайно одухотворенными, словно отражая внутренний свет другого. Все исчезает, и остается пленительная картина братства, так долго бывшего моим желанием. Я прижимаюсь к плечу Коли.

– Теперь нескучно? – слегка улыбается он мне.

– Нет! – я отвечаю довольно, и мальчики продолжают поглаживать руки и смотреть друг другу в глаза, делая меня причастной таинству восхити-

тельной дружбы из «Божества сада» Форреста Рейда* и моих собственных повестей...

Потом Игорь встает и садится рядом с Колей. Это уже не возвышенные Гарольд и Грэхам из книги Рейда, а мои забавные мальчишки.

– Ты нравишься Коле, – серьезно объявляет Игорь. Я усмехаюсь. Коля сохраняет невозмутимость. Игорь увлечен своей игрой:

– Ты будешь с ним целоваться? – заинтересованно спрашивает он, склоняясь ко мне через колени друга.

– С удовольствием! – смеюсь я.

Игорь выталкивают Колю и, немного озабоченный, садится на его место, рядом со мной.

– А ты будешь с ним встречаться? – продолжает он выяснять.

– Конечно! – шучу я, обнимая Игоря. – И с тобой тоже.

Игорь сидит сгорбившись, смотрит в землю и сосредоточенно размышляет о чем-то. В тишине раздается возмущенный шепот:

– Дурак, зачем болтал?!

Игорь смиренно сидит у меня под рукой. Молчание. Коля поднимается, отходит на пару метров и оттуда смотрит на нас.

– Ладно, мы пойдем, – говорит Игорь, очнувшись, и делает попытку встать. Я обнимаю его крепче.

* Форрест Рейд (1875-1947) – ирландский писатель. «Божество сада» – повесть о возвышенной дружбе двух мальчиков, моя любимая книга. В 2011 г. я перевела ее на русский язык. Эту книгу я показывала Игорю и Коле 18 августа 2014 г. Пассажи из нее, похожие на вышеприведенный эпизод, они не знали.

Он садится. Не желая расставаться с ним, я обхватываю его за плечи и прижимаю к себе. Под руками – хрупкие косточки и тепло, нежное тепло живого, настоящего мальчика. Вспоминаю, как в детстве прижимала к себе свернутое из одежды подобие человечка, представляя, что это друг, и обнимаю Игоря сильнее, лгну к нему, словно к источнику жизни, желая раствориться нежностью в его тепле – хранящей нежностью, чтобы никакое зло мира не коснулось его, чтобы ему было хорошо... Игорь сидит склонившись и закрывается ручкой. Заглядываю за его руку: серьезное порозовевшее личико и растроганный взгляд в пространство. Тишина. Все сказано: вся моя привязанность и все прошлое одиночество. Как будто касаясь святыни, осторожно поглаживаю мальчика – его хрупкие плечи и теплые впадинки под ключицами. Под моей левой рукой трепещет маленькое сердечко. Затем бережно глажу Игоря по шелковым волосам, перебираю легкие золотистые пряди. Он поднимает голову и смотрит на Колю с растерянной радостью. Я обнимаю его обеими руками и кладу голову ему на плечо:

– Теперь вернусь к своему существованию...

Приближается притихший Коля:

– Надо бежать, бежа-а-ать... – и улыбается на нас. Игорь молчит, потом мягко произносит:

– Мы пойдем.

Я сжимаю его крепче:

– Как жаль, что сегодня не хватило времени поговорить: я всю ночь готовилась к беседе.

Игорь сидит молча, заслонясь рукой. Коля дает нам еще четыре минуты. Я с благоговением поглаживаю Комарика, вспоминая пустоту своего суще-

Момент прощания 21 августа 2014 г.: Комарика погладили по голове (он смотрит на Колю). На его плечах – мои руки. Снимок сделан моей мамой, с расстояния в 20-25 метров (изображение увеличено): мне хотелось иметь фотографию Комарика, а он из некоего кокетства отказывался фотографироваться. – О.К.

Прощание с Комариком 21 августа 2014 г.:
«Колины минуты истекают...»

ствования – пропасть человеческую... Тихо, кучевые облака сияют белизной на ярко-синем небосводе, над головой чуть слышно шелестит береза. Боли нет, одиночества нет, чуждого мира нет. «Спасибо, Господи», – скорее чувствую, чем дыша, глядя в небо. Под руками – тепло человека.

Колины минуты истекают. Он подает мне руку попрощаться. Я бездумно беру эту изящную ручку и сжимаю со всей силы (если дали, надо задавить). Коля со смехом трясет рукой:

– Не ожидал!

– Это я от волнения, – объясняю я, улыбаясь.

Наконец, Игорь встает. Я больше не удерживаю его и тоже поднимаюсь.

– Ну, мы пойдем, – говорит Коля. Игорь стоит возле меня. Я невольно делаю движение к нему, он неожиданно подается навстречу мне, и я обнимаю его за плечи.

– Ах ты, моя букашка! – восклицаю я от растерянности, на мгновение прижавшись щекой к его волосам. На личике Игоря отображается умиленное изумление: «Я – букашка?» Коля тихо смеется.

– Это мое самое ласковое слово, – улыбаюсь я, легко поглаживая плечи Игоря. – А вообще я называю тебя Комариком. Когда я увидела тебя в первый раз, ты показался мне именно комариком: такой живенький, маленький, хрупенький...

Так мы стоим недолго, потом я отпускаю Игоря. Коля опять подает мне руку. Пожимаю ее – на сей раз осторожно. Игорь тоже протягивает свою маленькую лапку, и я бережно сжимаю ее. Затем мальчики медленно уходят. Я смотрю им вслед. Вот еще пара метров, и они скроются за углом... Бросаюсь следом:

– Коля!

Они оборачиваются. Подбегаю и спрашиваю номер Колиного телефона на всякий случай. Он говорит, что еще не купил к нему новой карты. Обращаюсь к Игорю:

– Перепиши мой номер на бумажку, а то вдруг потеряешь телефон.

– Я уже переписал, – уныло бормочет Игорь, опустив голову и копая землю острым носком кроссовка. Я нехотя отступаю на шаг. Ребята неспешно уходят.

Вернувшись на нашу скамейку, я сижу там двадцать пять минут, глядя в синюю бесконечность неба и вспоминая встречу. Животворящее тепло Игоря уже в прошлом – как будто растворилось в той огромной лазури Вечности...

Возвращаюсь по пешеходной улице. Там на скамье вижу известного мне поэта. Пожилой человек с усталым, словно из дерева высеченным лицом. Бывший карманник. Один из классиков современной русской литературы. Держит на коленях свой новый сборник в надежде найти покупателя. Люди идут мимо, не зная, кто это. Заговариваю с ним.

– Кавецкая? Что-то слышал...

Утомленный бесцветный голос, безжизненный взгляд потухших глаз. Говорит мало, но весьма точно:

– Теперь уделяют внимание больше технической стороне стиха, а ведь поэзия – это язык, судьба...

Беру посмотреть его сборник. Он открывается на словах:

У меня были только ты и тюрьма.
Боюсь, что мне останется только тюрьма, –

«тюрьма» одиночества...

Мокрые болельщики

Без Игоря и Коли было скучно. Иногда я видела их во сне. 22 августа мне приснилось, что они купаются в темной ледяной реке. Я пробую воду, оступаю и падаю, на дне – мертвец. 24 августа – другой сон: Игорь думал, как мы будем встречаться, когда начнется учеба.

26 августа, в 9.40., я позвонила Игорю. В трубке – умилительно и нежнейше: «Бу-бу-бу (должно быть, поздоровался). Я сплю-ю-ю...» Как-то смог ответить, что поедет обратно в тот день. И в конце опять: «Бу-бу-бу...» (наверное, попрощался). Днем я еще раз набрала его номер, желая спросить об успехах.

– Неплохо сыграли, – бодро сообщил Комар. – 4:3 в нашу пользу.

– Молодцы! – похвалила я.

– Конечно! – скромно согласился Комар и поинтересовался:

– А у тебя что нового?

– О, немало новостей...

– Расскажи!

– Расскажу, когда увидимся, – обещала я и, передав привет Коле, попрощалась.

28 августа я опять позвонила Игорю: он уже

должен был вернуться. Он ответил, что не может говорить. Я попросила перезвонить, как только появится возможность, и поехала в город, надеясь увидеть его, если мы договоримся о встрече.

Подождав полтора часа, я позвонила сама, из здания Почтамта. К телефону попросила Колю: мне казалось, что встречами руководит он. Игорь исполнил просьбу.

– Алло, – важно прогудел Коля.

– Во сколько можно увидеть вас сегодня? – спросила я.

В трубке – сдержанно:

– Мы сейчас смотрим футбольный матч на стадионе и будем здесь до восьми.

– Значит, после восьми?

В ответ – непреклонно:

– Нет.

– Хотя бы на десять минут.

– Нет.

– Домой надо?

– Да, домой, – бросил Коля, явно раздраженный тем, что я отвлекаю его от просмотра матча. Тотчас послышалось встревоженное пицание Комара, и Коля отключил телефон. Я сразу же позвонила Комару и предложила встретиться на следующий день. Он с готовностью согласился. Ему я не повторяла идею увидеться после матча.

Затем я вышла на улицу: шум машин, спешащие толпы, серое небо. «Даже десяти минут не выпросила...» Надеюсь избавиться от неприятного впечатления после разговора с Колей, я отправилась бесцельно бродить по городу.

Людные улицы, растущая тоска, молнии на горизонте. Свет меркнет, сердце болит во всю грудь,

внутри одно неумолчное «Брат!». Остановившись у старого ясеня в стороне от тротуара, я прижалась к холодному стволу, как к другу, и заплакала. Тем временем, стало темно от туч, и пошел дождь.

Успокоившись, я опять позвонила Коле, надеясь вызвать их с Игорем после матча хотя бы на несколько минут. Надо пережить такое же одиночество при такой же потребности в Друге, чтобы понять, насколько сильно можно соскучиться по людям... Коля продолжал упрямиться, но Игорь, узнав о моем пожелании, согласился встретиться. Мы договорились увидеться возле стадиона. Матч заканчивался через час. Я зашла умыться в кафе, возле которого познакомилась с Игорем и Колей. Когда вышла, на улице была тьма и проливной холодный дождь. Пока я добиралась до назначенного места, ливень прекратился, а небо слегка прояснилось.

На стадионе никого не было. Как объяснили полицейские, стоявшие неподалеку от входа, матч был остановлен из-за непогоды, и все разошлись. Я позвонила Игорю:

– Вы где?

– На стадионе.

– На стадионе?!

– Да нет там никого, – заверили полицейские, слышавшие разговор.

Через минуту из ворот стадиона появляются Игорь и Коля. Полицейские с изумлением взирают на них и отправляются посмотреть, не остался ли там кто-нибудь еще.

Мальчишки, одетые в одни футболки и шорты, насквозь мокрые. Они поспешно движутся в мою сторону. Я иду навстречу. Игорь смотрит на меня,

Коля замечает у меня сложенные зонтики:

– Зонтики!.. – с восторженной радостью произносит он, после чего оба сосредоточенно устремляются в неизвестном направлении. Я присоединяюсь к ним.

– Куда спешим? – бодро интересуюсь я, беря съезженного Игоря за локоть.

– К-к-куда-нибудь... п-п-погреться, – отвечает он, стуча зубами. Я быстро шагаю рядом с ним, но вскоре меня останавливает боль в сердце. Игорь, пройдя несколько метров, оглядывается и, увидев, что я отстала, возвращается. За ним следует Коля. Я предлагаю Игорю свою куртку, но он отказывается. Я снимаю ее и пытаюсь набросить на Игоря. Он весело уворачивается. Я, забыв про сердце (все прошло), азартно «ловлю» Комарика курткой. Оба смеемся. Одеть его не удастся, и я отвожу ребят в сквер неподалеку. Там, продолжая заботиться об Игоре, указываю на скамейку, с которой вода течет ручьями, и говорю бездумно:

– Сядь сюда!

Игорь смотрит на скамейку с подозрением и отказывается от любезного предложения. Тогда я прижимаю его спиной к себе и укрываю полами куртки, чтобы согреть. Он мокрый и холодный; мне хочется вобрать всю эту сырость и холод, чтобы ему стало тепло. Он ждал меня там, на стадионе; совсем озябший, ждал меня...

Тем временем, Коля мужественно и неподвижно стоит рядом с нами, как памятник замерзшему болельщику. Я намеренно не обращаю на него внимания, обиженная его отказом встретиться. Игорь, всегда внимательный к другу, не беспокоится о нем сейчас, наверняка думая: «Поделом

тебе». Крепко обнимая Игоря, я расспрашиваю его о соревнованиях, на которые он ездил, после чего кратко перечисляю свои новости.

– Потом расскажу подробно, – обещаю я.

– Расскажи сейчас! – просит довольный Игорь, не жась в тепле. Назло Коле, я рассказываю. Минут через десять мы прощаемся. Дождя в тот день больше не было.

Превращение

На следующий день мы должны были встретиться в 15.00. Заранее звоню Игорю уточнить, придут ли они, – он отключается. Чуть позже присылает сообщение, что перезвонит. Не дожидаясь звонка, еду ко времени в тот же двор. Яркое солнце, желтые пятна в обрезанных кронах лип, тепло. Во дворе никого. Звоню еще раз: заблокировано.

Надо мной шелестит береза, одна из веток опускается ко мне. Беру ее, как дружескую руку. Опять неудача?.. Опять поиски?..

Подождав на всякий случай, ухожу. Бесцельно заглядываю в Городской сад. Там, возле веселой клумбы ярко-розовых и белых петуний, опять звоню Игорю. Вызов проходит.

– Алё! – раздается в трубке мелодичное сопрано.

– У тебя все в порядке? – спрашиваю я заботливо, преодолевая негодование.

– Да, – голос у Игоря, как после наказания.

– Почему же не пришел на встречу? – интересуюсь я мягко.

– Я не мог... – отвечает он уныло и обещает при-

ти в 17 часов.

В 17.05. встречаемся на прежнем месте. Игорь – в светло-серых спортивных штанах и поношенной черной толстовке с капюшоном, непривычно мешковатый и неуклюжий. Кроссовки расшнурованы. В движениях – показная развязность. Надо лбом – попытка чубчика: волосы – замечательные пушистые волосы – коротко острижены. Так вот почему он не пришел вовремя и не мог общаться по телефону!..*

Садимся на скамью под березой. Игорь – между Колей и мной; руки в карманах, вертится, сплевывает за скамейку.

– О чем будем говорить? – спрашивает он меня.

Я пытаюсь найти тему, удивляясь внезапной перемене в Игоре. Откуда-то веет ароматом ванили. Игорь и Коля принимают.

– Я съел бы булочку, – мечтательно гудит Коля.

Игорь оборачивается от Коли ко мне:

– У тебя нет шести рублей?

– Нет, – отрезаю. «Сейчас – шесть рублей, а потом еще на шею сядет», – думаю я, недовольно косясь на «шпану», в которую превратился Комарик после стрижки.

Внезапно мальчишки соскакивают и бросаются ловить друг друга. Безразлично слежу взглядом, как они мелькают по пустому двору. Игорь что-то заливисто кричит, Коля снует за ним.

Наконец, они запыхавшись подбегают ко мне и опускаются рядом. Игорь, сидя возле меня, вспо-

* К парикмахеру водила мама. Игорь не предупредил, что идет туда, так как рассчитывал освободиться вовремя.

минает встречу накануне.

– У Коли тоже сердце, – серьезно сообщает он.

– Не сердце, а проблемы со спиной, – негромко поправляет его Коля.

– Сколиоз? – предполагаю я, склоняясь к нему через колени Игоря.

– Да.

– Лучшее средство от него – спать на твердом. Я восемь лет сплю на досках, покрытых лишь одной простыней.

Колю такое лечение явно не вдохновляет.

Вскоре Игорь опять затевает возню с другом, и снова начинается веселый бег по двору.

Потом мальчишки возвращаются и садятся рядом со мной. Игорь замечает на земле дождевого червя.

– Смотри! – шепчет он Коле, указывая рукой на свою находку. Оба принимают рассматривать червя, как нечто необычайное.

– А у него есть позвоночник? – заинтересованно спрашивает Игорь.

– Нет, это беспозвоночное, – отвечает Коля учительским тоном и со знанием дела объясняет строение дождевого червя. Игорь внимательно слушает, затем подхватывает червяка прутиком и делает вид, что хочет забросить его на товарища. Тот отшатывается и встает.

– Его надо закопать, а то он погибнет, – озабоченно говорит Коля, осматриваясь, куда устроить червяка, пока Игорь не закопал того у него за шиворотом. Игорь поднимается и тоже задумчиво смотрит по сторонам. Наконец, Коля выбирает уголок под березой, Игорь подхватывает червяка на прутик, и они идут спасать его. Я удивленно

наблюдаю за ними.

Закопав червя, мальчишки возвращаются ко мне. Я показываю заготовленные для них изображения военного кладбища под Тверью, Города Мертвых в Северной Осетии, костницы в чешском Седлеце и катакомб капуцинов под Римом. Коля бережно перебирает снимки, рассматривает неторопливо, молча. Игорь задорно комментирует: – Смотри, какая черепушка! Вот бы в футбол погонять! Ух, и еще! Вот было бы весело!

Я не понимаю его шутку и думаю сердито, что приготовленные объяснения исторической и культурной значимости памятников излишни...

Позднее мы говорим о чем-то еще, и мальчишки уходят, довольные встречей.

Воспитательная беседа

30 августа прихожу во двор в 16.00. Игорь и Коля уже на месте. Они переводят меня от скамеек в детский пластиковый домик, стоящий неподалеку: желтое строение с красной крышей, красным столиком и тремя желтыми лавочками по углам. На полу – песок, на столике – нарезанный пучок травы. В памяти возникает мой собственный детский домик с разбитым прабабушкиным бамбуковым столиком, попытка игры в одиночку и пронзительная тоска о несуществующем друге...

Игорь столь же шаловлив, как и накануне. Он в отличном настроении, шутит, дурачится и в разговоре с другом иногда сквернословит. Коля от-

кликается ему. Время от времени они бросаются ловить друг друга по двору. Терплю, чувствуя, как нарастает негодование. «Поэзия, музыка, девять языков, мои книги: что я делаю здесь?!.»

Игорь, сидя в домике рядом со мной, ловко сплевывает за окошко.

– Знаете, я наблюдаю за вами, – медленно и тихо произношу я, – и мне... – я делаю паузу. – Противно.

Оба смотрят на меня: Игорь – с подобием испуга, Коля – с трудной задумчивостью. Затем они некоторое время сидят молча и неподвижно. Игорь что-то обдумывает, после чего включает на телефоне одну из своих любимых рэп-композиций и принимается двигаться в такт, чуть подпрыгивая на скамейке и шевеля руками – энергично, но осторожно, чтобы не зацепить меня. Он изображает рэпера. Коля не сводит с него замороженных глаз: импровизация Игоря выглядит артистично. Игорь старается развлечь меня, но я не в духе, и эффект получается обратным.

– Оставь меня с Колей, – велю я. Мне хочется поговорить с ним о нашем общении. Игорь смиренно поднимается, выходит и, прислонившись к домику снаружи у входа, включает другую песню. Я взрываюсь:

– Уйди отсюда со своим миксером!

Игорь с молчаливой покорностью, не поднимая головы от телефона, выключает музыку, затем отходит метров на десять и усаживается на детскую качалку. Оттуда ему не слышно нас. Я начинаю говорить, тихо и спокойно, не пытаюсь воздействовать своими словами – лишь давая понять, что не прощаю им «развязного» поведения. «Я – не их

ровесник, но серьезный взрослый человек; как они смеют вести себя столь неподобающе?»

Коля сидит напротив меня, невозмутимый и недвижимый. Я, продолжая свою речь, смотрю за окно, на серую стену кирпичного хозяйственного строения.

– Я стала искать друга среди подростков в надежде, что хотя бы они сохранили что-то человеческое, хоть какую-то способность к дружбе. Тем более, что я – человек творческий, а творческих людей особенно трудно понять. Но иногда именно дети понимают их...

Я бросаю взгляд на Колю. Весь красный от подавляемого смеха, он опирается локтями о колени, в восторге глядя за мою спину, где находится Игорь. Я оглядываюсь. Игорь дурачится в десяти метрах от нас. Меня ему не слышно. Равнодушно отвернувшись, я продолжаю – все так же негромко и сдержанно:

– Я думала, что вы порядочные, надежные, *настоящие*. Именно такими вы показались мне в день знакомства. Теперь я вижу, что ошиблась.

Опять взглянув на Колю, я сталкиваюсь с его настороженным взглядом. Он уже не смеется.

– Мне пришлось пять лет учиться в сельской школе, – продолжаю я. – Помню, ездили с классом убирать картофель в колхозе. Мне попала в рот пыль, я сплюнула на землю. «Харкает, как мужик», – тотчас отметили мальчики из моего класса. Колхозники!.. А Игорь плюет направо и налево, не задумываясь, в чьем присутствии он это делает и как выглядит.

Я говорю со спокойным презрением. «Сказать все, что думаю, указать им, кто они и кто я, и пре-

кратить это безумие...»

Внезапно ощущаю спиной присутствие Игоря. Оборачиваюсь: он слушает, присев под стеной домика.

– Вы ведете себя, как уличная шпана. Вам это совсем не к лицу. Но не мне судить вас. Делайте, что хотите, только – без меня.

Я замолкаю, как будто вдруг забыв о них. Игорь забирается внутрь и присаживается в углу, по диагонали от меня. Оба сидят тихие.

– Ну что, шпана? – криво улыбается Коля на приятеля. Тот делает робкую попытку ответной улыбки.

– И еще паразитик, гад и мелкое чудовище, – добавляю я шутливо. Мне вовсе не хочется шутить – хочется дать волю своему возмущению, высказать все и уйти – пусть в ту же тоску, только бы подальше от этого «нестерпимого плебейства». Но я гордо сдерживаюсь.

Коля, с той же ухмылкой, тихо повторяет мои слова, как будто примеряя их к Игорю. Тот слабо улыбается, не глядя на нас. Потом на какое-то время наступает тишина, после чего Коля говорит негромко:

– Пойдем!

– Нет, посидим еще, – неожиданно возражает ему Игорь и принимается ковырять пальчиком столик. Я не хочу ничего говорить, и мы сидим молча. Коля жалобно повторяет предложение, Игорь опять отказывается и ковыряет пальчиком столик. Спустя некоторое время я прошу Колю оставить нас вдвоем. Он выходит из домика.

– Садись ко мне, – говорю я Игорю. Он с готовностью усаживается слева от меня и ждет. Я ощущаю его тепло. Коля обходит домик и оказывается

за пределами видимости. Игорь быстро оглядывается и внезапно принимает ко мне – боком, ножкой, головой, жметесь ко мне, как котенок. Руки – неподвижно на коленях. Я обнимаю его и на мгновение прижимаюсь щекой к его голове в мягком капюшоне. Отстранившись, вижу его порозовевшее счастливое личико. Взгляд устремлен в окно. Внезапно он отстраняется от меня, не высвобождаясь полностью из объятий, и опускает голову, уныло ведя рукой по краю столика. Мимо окна медленно проходит Коля, направляясь к качалке, на которой сидел Игорь. Я начинаю говорить – отрывисто, шепотом:

– Мне было очень трудно. Я всю жизнь искала друга – настоящего, надежного, верного друга. Эти поиски среди подростков были последней попыткой. Больше искать негде. Я очень надеялась на вас. Вы были единственными, кто откликнулся в этом поиске. Только вам, как вижу, это общение ни к чему.

– Нет, к чему! – с неожиданной твердостью возражает Игорь, не поднимая головы и не шевелясь. Я обнимаю его крепче и продолжаю свою речь, едва ли подходящую для мальчишки его лет:

– Я надеялась найти друга посредством своих книг. Я писала их, не имея ни должных условий, ни сил – физических и духовных, ни всех необходимых материалов для подготовительных штудий. Писала в стремлении принести добро своим словом и так обрести своего равного. Цель искусства – нести добро, а для меня оно стало еще и путем к человеку.

Я полтора года искала издателя. Всюду были слишком высокие цены. Наконец, я нашла недо-

рогую типографию. Всю допечатную работу с книгой выполняю сама. Издаюсь небольшим тиражом и рассылаю книги за свой счет по библиотекам, надеясь, что кто-нибудь поймет меня хотя бы после смерти. Это ничтожное утешение. «Если мы не нашли понимания при жизни, мы неудачники», – утверждал Томас Эдвард Лоуренс. Как литератор и как человек я уже не рассчитываю обрести понимание среди современников. Они чужды мне. Я пришла не ко времени.

Игорь сидит молча, нагнувшись, неподвижно; лица его не видно. Он слушает, но постепенно из-за отсутствия хоть какого-нибудь отклика мне начинает казаться, что он ничего не понимает. «Коснись же руки, дай почувствовать, что ты слышишь меня!» Игорь не шевелится.

– Я потеряла здоровье из-за постоянного усилия и напряжения. Сердце в таком состоянии, что я едва ли проживу долго...

Игорь вдруг поднимает голову, глядя перед собой:

– И ничего нельзя сделать? – произносит он севшим голосом.

– При таких обстоятельствах – пожалуй, ничего.

– А мама знает? – в его голосе слышится волнение.

– Да.

Внезапно потеряв самообладание, я восклицаю:

– Мне так хочется, чтобы рядом было дорогое существо! Тогда все прошло бы, все было бы хорошо!.. – я замолкаю, понимая, что едва ли подобает говорить такие вещи ребенку. Помолчав, я спрашиваю:

– Скажи, что мне делать: искать других или об-

щаться с вами?

– С нами общаться, – тихо и серьезно отвечает Игорь и устремляет взгляд на Колю, сидящего поодаль. Я всматриваюсь сбоку в лицо Игоря, в этот взгляд...

– Ты очень привязан к Коле... Ты любишь его?

И в ответ – кивком головы, взглядом, внезапной – как солнце сквозь тучи – широкой улыбкой:

– Да!

– Правда? – изумляюсь я, благодарная за его доверие.

– Да! – подтверждает Игорь с той же открытостью, не сводя с друга восхищенного взгляда.

Я сжимаю его в объятиях и с облегчением утыкаюсь в его плечо. Так сижу некоторое время, закрыв глаза и радуясь, словно нащупавший опору в темноте. Эта привязанность к другу и это доверие ко мне: нет, не может он быть плохим...

Потом я продолжаю рассказ о своей жизни. Игорь слушает, опустив голову и замерев. Опять – ни слова, ни движения: неподвижность, которую я не понимаю.

– Мне так тяжело! – говорю я и, обхватив Игоря со спины, как мертвое тело, вдруг начинаю плакать над ним – тихо, без слов. Просто капают изредка слезы – на черную толстовку, на съезженный комочек рядом со мной.

Я ни разу не плакала у могилы того гродненского поляка. Там ощущался только покой – особая внутренняя тишина, подобная легкому веянию с каких-то священных высот. Там широколистное деревце укрывало меня от солнца, и посаженные мною хризантемы кивали мне фиолетовыми головками, и даже черный прямоугольный памятник

выглядел приветливым. Там, над склепом с костями забытого юноши, не было одиночества.

Зато оно (как мне казалось в тот момент) было здесь – было этим теплым комочком, слушавшим меня, но как будто не слышавшим. И я плакала над ним, словно над мертвым, плакала от тоски, от желания братства, от какой-то жалости к этому мальчику. И он сидел неподвижно, молча, склонив голову почти к самым коленям...

Коле надоело ждать, и он неспешно направился к нам. Игорь заметил и быстро взглянул – взглянул – на меня: снизу, не разгибаясь. И я с изумлением увидела в его покрасневшем, будто заплаканном личике волнение и *сострадание*...

Маленький комочек все понимал. Я плакала над ним, как над мертвым, – он оказался *единственно живым* из всех, кого я знала. Другие были равнодушны к моим бедам и завидовали моим удачам; он один мог понять все и на все отозваться, как надо. Впоследствии я стала делиться с Игорем всем, что происходило в моей жизни: и радостями, и печалью. Он, в свою очередь, тоже мог доверить мне (и только мне) самое сокровенное, и я понимала его, как себя. Такого взаимного доверия и взаимопонимания у меня не было больше ни с кем. Этот удивительный мальчик стал мне родным.

...Коля не видел моих слез. Он сел невозмутимо в свой угол, Игорь перешел на прежнее место напротив него. Некоторое время все трое молчали. Наконец, Коля проговорил ненастойчиво:

– Пойдем!

– Нет, еще посидим, – твердо возразил Игорь.

Мой маленький комочек обладал, пожалуй,

большей способностью понимать людей, чем я сама... Ибо я сказала:

– Я не в восторге от вас. Такое общение мне не нужно. Последнее слово за вами.

Игорь, не отвечая, будто по наитию взял Колю за руки, и началась та чарующая игра пальцев – проблеск из чего-то глубинного, серьезного, настоящего...

Опираясь о колени, я смотрю на их переплетенные руки передо мной. Оба мальчика увлечены своими движениями – соединены в одно этими простыми, но столь значимыми прикосновениями. Они сидят, склонив голову, и бережно перебирают пальцы друг друга, поглаживая их неспешно, отзываясь на движения другого. В лице Игоря – иконописная нежность. Наконец, Игорь, не прекращая игры, произносит громко и с нарочитой расстановкой:

– Мы... решаем... что... – и вопросительно поднимает взгляд на друга. Тот ненадолго задумывается, после чего спокойно завершает фразу:

– ... не будем общаться.

И невозмутимо смотрит мне в глаза. Я молча киваю, принимая его решение, и перевожу взгляд на Игоря.

– Дай тот пальчик! – с ласковой улыбкой просит он Колю, медленно перебирая его пальцы. Коля услужливо протягивает ему мизинец.

– Нет, не мизинчик, вот этот... – щебечет Игорь. Коля подает ему безымянный палец. Игорь зацепляется за него своим и – молчит. На щеках, возле губ, – ангельская мягкость линий. Я жду, что он сам скажет о дальнейшем общении.

– Мы не ведем себя так, когда мы одни, – виновато

шепчет Игорь, не поднимая головы и не отрываясь от рук товарища.

– А почему со мной так?

– Не знаю.

Он опять замолкает, предавшись своей игре. Затем объявляет мягко:

– Ладно, мы пойдем.

– Потом ответишь?

– Потом.

Мне хотелось бы избежать неопределенности и ожидания – двух вещей, которые я больше всего не люблю, но я отпускаю мальчишек. Уже четверть седьмого: никогда еще они не проводили со мной столько времени.

Они не спеша удаляются, а я остаюсь сидеть, глядя им вслед, как смотрят на уплывающий корабль. Еще несколько шагов, и они скроются за серым кирпичным углом. Внезапно – ужас, как при падении: «Вдруг это последнее?» Звоню Игорю:

– Хочу попрощаться.

– Иди сюда. Там могут быть наши знакомые.

Иду. Мальчишки стоят уже посреди двора. Рядом – пятиэтажный дом всеми окнами на нас.

– Неволить не буду, – беззаботно говорю я, останавливаясь возле Игоря. – Общаться или нет – это оставляю на ваше усмотрение. Можете звонить и назначать встречи.

Они молчат, но я вижу, что они не против. Коля осторожно делает шаг прочь, не отворачиваясь от нас. Игорь не двигается, стоя рядом со мной. Я порывисто обнимаю его за плечи и прижимаюсь щекой к его голове. Он стоит покорно и неподвижно. Опускаю руки и отступаю. Мальчик медленно отходит – как отрывает что-то от меня. Полтора

метра между – невыносимы. Бросаюсь к нему и обнимаю со спины, не желая отпускать живое тепло.

– Так и будем останавливаться каждый метр? – бормочет довольный Игорь с легким смущением.

– Зато тебе будет тепло идти! – пытаюсь я шутить и выпускаю его. Мне чертовски жаль прощаться с ним и возвращаться в свое одиночество – в небытие.

В 19.50. не выдерживаю и звоню Игорю, глядя в окно на пылающий закат. Слышу знакомое мелодичное «Алё!» и не могу говорить. После замешательства произношу:

- Я оставила за вами последнее слово...
- Не будем общаться, – звучит неуверенный ответ.
- Почему? – спрашиваю я Игоря, как маленького ребенка.
- Не хотим, – с той же неуверенностью объясняет он.
- А я приготовила вам что-то интересное... – загадочно говорю я.
- Что? – оживляется Игорь.
- Приходите – увидите. Придете?
- Придем! – с готовностью отвечает мальчик.
- Только ведите себя хорошо! – шутливо прошу я.
- Ладно! – весело соглашается Игорь.

И мы договариваемся встретиться на следующий день в 16.00.

Успехи в воспитании

Прихожу во двор в 15.40. Звоню Игорю:

- Придешь? Я уже на месте.
- Придем! – раздается радостный возглас в трубку и – в сторону – ликующе во весь голос:
- Пошли! Звонит!!!

Через десять минут – картина: деловитый Комар быстрым шагом пересекает двор по направлению к домику, возле которого стою я, за ним неуклюже поспешает Коля. На пути – металлическое ограждение высотой метра два.

– Давай здесь! – заодно предлагает Комар и пробует забраться на ограду.

– Нет, через забор не полезем, – отказывается чинный Коля и направляется к проходу, находящемуся в пяти метрах.

Ко мне они подходят, сбавив шаг, как будто и не торопились вовсе. Мы здороваемся и забираемся в домик. Я даю им почитать несколько распечатанных страничек об удивительных археологических находках. Мальчишки с интересом просматривают их. Затем включаю на диктофоне тринадцатый псалом на арамейском языке, начитанный мною за несколько месяцев до того. Хотя я была вне религий, я читала Библию и особенно Псалтирь, а тринадцатый псалом был моим любимым. Он начинается словами «Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец?» Включила эту запись я из-за редкости языка. Игорь слушает внимательно...

Он был верующим, как я узнала позднее. Тему веры мы с ним никогда не обсуждали. Он спрашивал однажды о моих убеждениях, но я ушла от ответа. Мне не хотелось влиять на него в сфере, где каждый решает сам.

После псалма я включаю запись одного из сво-

их стихотворений 2012 года в моем переводе на итальянский язык:

Река жизни
скована болью,
и только в глубине
длится стоном
«Брат мой!» –
павший мною у горы Гильбоа.
«Брат мой!» –
преосуществление на Кресте.
Брат! – двух Писаний
единая суть: Бытие.
Самое глубокое,
самое нежное,
самое святое слово,
хранящее в себе мир, –
под безысходным льдом
одинокчества.

Когда запись заканчивается, Игорь спрашивает, что означает слово «fratello», прозвучавшее там. «Брат», – объясняю я. Игорь радостно примеряет это слово Коле. Затем просит меня произнести что-нибудь по-латински...

После «воспитательной беседы», проведенной накануне, Игорь смирный: старается соответствовать моим требованиям, чтобы не потерять мою дружбу. Но, когда я ненадолго замолкаю, он вдруг забывается и затевает возню с Колей, возле которого сидит. Я легко стучу пальцем по его плечу. Игорь оборачивается и притихает. Я пересаживаю его к себе. Он смотрит на свои кроссовки, и, заметив, что развязались шнурки, старательно завязы-

вает их и расправляет получившиеся бантики. И, главное, больше не сквернословит при мне.

В конце я остаюсь с Игорем. Его живая, веселая, открытая сущность мне гораздо ближе, чем молчаливая самоуглубленность Коли. Хотя Коля кажется расположенным ко мне, он вызывает недоверие (так, 20 августа Игорь обнаружил под скамьей телефон Коли, поставленный на аудио-запись. Впоследствии Игорь следил, чтобы подобное не повторялось).

Я показываю Игорю одну из своих новых книг: "Minor Prose" – сборник исторических повестей, автобиографических рассказов, очерков об искусстве и афоризмов на разные темы. Игорь бережно принимает книгу и, держа ее обеими руками, рассматривает обложку.

– А картинку сама делала? – спрашивает он, глядя на изображение вечерних гор на обложке.

– Да. В Северной Осетии.

– А как переводится "Minor Prose"? «Маленькие прозы»?

– «Меньшая проза». «Меньшая» – по сравнению с моим трудом по Первой Мировой войне, который составляет два тома.

– А долго работала над этой книгой?

– Полтора года.

– Долго... А сколько таких книг?

– Двадцать шесть.

Игорю явно хочется экземплярчик. Я даю ему сборник на время.

Позднее рассказываю ему случаи из детства, проведенного у бабушки в селе, в Тверской области: как мы с мамой заблудились в лесу одним знойным днем и десять часов искали дорогу, как я

услышала рев медведя в малиннике, будучи там в одиночку, как маму укусила гадюка... Игорь сидит молча и внимательно слушает.

– И как тебе жилось там? – спрашивает он после моих рассказов.

– Было дико скучно.

– Дико скучно?! – потрясенно повторяет Игорь, сочувствуя мне.

Потом я возвращаю Колю из его «ссылки» на десять метров, рассказываю что-то обоим и договариваюсь о следующей встрече.

– Теперь учеба... – задумывается Игорь.

– Мы позвоним, – любезно произносит Коля. Я прошу у Игоря разрешения попрощаться. Он улыбается и приближается. Я на мгновение обнимаю его за плечи, после чего беру его руку в свои: твердая, уверенная рука...

Внезапный поворот

1 сентября. Низкие темные тучи, душный сухой ветер, шелест листвы по тротуарам. Щемящая тоска о Друзе, желание приносить другому радость и получать ответное тепло... Тоска по Игорю.

В половине восьмого вечера звоню Игорю, чтобы пригласить его и Колю в выходные на мемориальное кладбище близ Твери. Я надеюсь, что звонок успокоит меня.

Игорь отвечает после девятого гудка. К моему изумлению, голос у него громкий, речь взволнованная, мои слова повторяет для Коли. На заднем плане слышен ломкий бас еще одного мальчика.

- Предлагаю поездку.
- Не хотим.
 - Договариваюсь о встрече.
 - Не придем.
 - Уточняю об общении.
 - Не будем общаться. Что еще ты хотела сказать?
- Не понимая причины неожиданной перемены, произношу едва слышно, чтобы испытать Игоря:
- Я скучаю по тебе.
- Этого он не повторяет, молчит, затем спрашивает опять:
- Что еще ты хотела сказать?
- Я понимаю, что на него влияет чье-то присутствие, и прошу почти шепотом:
- Позвони мне, когда будешь один.
- Мне хотелось бы узнать, что случилось и будем ли мы общаться дальше.
- Я буду звонить только при Коле, – громко возражает Игорь.
 - Почему?
 - Он мой лучший друг.
- Я предполагаю, что Коля обижен на меня за то, что я уделяю ему меньше внимания, чем Игорю.
- Коля, ты обижен на Олю? – спрашивает Игорь в сторону. В ответ раздается непристойная брань. Поодаль слышатся какие-то насмешливые слова незнакомого мальчика.
 - Что еще ты хотела сказать?
- Я поражена переменой в поведении мальчишек, но сдерживаюсь и настаиваю – мягко и спокойно – на звонке в отсутствии посторонних. Игорь отказывается. Коля, стоя рядом, то и дело отвратительно сквернословит (Игорь – ни разу), потом перехватывает у Игоря трубку и куражится

надо мной. Это можно легко прекратить, отключив телефон, но мне хочется выяснить, в чем дело. Терплю и при ответе не повышаю голоса.

Вскоре телефон опять оказывается у Игоря. Полагая, что Коля отошел, я повторяю:

– Позвони, когда будешь один.

– Только при Коле, – упорствует Игорь. Я пытаюсь узнать, что произошло. Игорь громко объявляет, что у нас нет ничего общего. В трубке раздается смешок Коли: он совсем рядом. На заднем плане что-то добавляет третий.

– Найди себе подругу! – говорит Игорь.

– Я не хочу подругу, мне интересно с вами.

– Зато нам неинтересно!

– Хорошо, тогда я найду других мальчиков.

Мне издевательски отвечает Коля:

– Ищи дураков, которые станут с тобой общаться! – и отходит в сторону, где затевает возню с третьим. Я тихо замечаю Игорю:

– Ну и друг у тебя...

– Да уж, ну и друг у меня... – с сожалением повторяет Игорь шепотом. Значит, он действительно говорил не по своей воле? Помолчав в раздумье, я настаиваю:

– Позвони, когда будешь один.

– Только при Коле: он мой друг, – снова упорствует Игорь. Рядом опять сопит Коля.

– А как же наше общение? – спрашиваю я спокойно.

– Оно мне не нужно. И вообще, найди себе подругу!

Моему терпению приходит конец. Что бы там ни произошло, какого черта дальше выслушивать вздор?!

– Я-то найду, – начинаю я сдержанно. – А вот ты никогда не найдешь в этом мире человека, который стал бы делать тебе добро...

Мой гнев нарастает, и заключительную фразу произношу с негодованием проповедника, бичующего пороки прихожан:

– Сейчас ты ничего не понимаешь, а когда осознаешь, что потерял, будет уже поздно!

Игорь отчаянно, почти со страхом отвечает что-то, но я отключаю телефон.

Попытка примирения

6 сентября позвонил Игорь:

– Приезжай, – сказал он как ни в чем не бывало. – Надо расставить точки над “i.”

– Вы их уже расставили, – насмешливо ответила я. – Если что-то нужно, говори по телефону.

– Приезжай, нам надо тебя видеть.

– Хорошо, приеду, – холодно произнесла я, отключила телефон, подумала и отправилась к Игорю, не ожидая ничего доброго.

Мальчишки ждали во дворе, сидя на скамейке под березой. Игорь, в облегающих ярко-синих шортах и прежней серо-синей футболке, нервно поглощал маленькие печенинки. Личико его было осунувшимся и серым, под глазами лежали глубокие тени, волосы были зачесаны на левую сторону (как нравилось мне). Коля, как всегда, сидел возле него истуканчиком. Я встала перед ними с усмешкой.

– Присаживайся, – дружелюбно пригласил Игорь,

указывая на краешек скамейки рядом с собой, и велел Коле:

– Подвинься!

Я вежливо отказалась. Игорь отправил в рот печенинку и, не глядя на меня, произнес затверженной скороговоркой:

– Мы не будем больше общаться.

– Вы это уже говорили, – спокойно отозвалась я.

– Найди себе подругу, – сказал он, по-прежнему глядя в сторону.

– Не нужна мне подруга.

– А кто тебе нужен? – Игорь посмотрел на меня.

– Человек.

– Поищи кого-нибудь во «ВКонтакте», – миролюбиво посоветовал он, поглощая очередную печенинку. – У меня там столько друзей!

– ... одноразовых, – добавила я.

– Но мы не будем общаться! – воскликнул Игорь.

– Зачем столько раз повторять? – спросила я насмешливо. – Все уже понятно. Adieu!* – и я, круто повернувшись, зашагала прочь. Позади Игорь взволнованно пытался узнать у Коли, что означает «adieu».

Пройдя две остановки, я почувствовала чье-то присутствие за спиной. Оглянулась: Игорь. Стоит, как потерянный теленок, в пяти шагах и смотрит на меня с жалким выражением.

– Что тебе, малыш? – спрашиваю я нарочито ласково.

– Ничего, – улыбается он беспомощно.

– А зачем ты шел за мной? – произношу тем же

* «Прощайте» по-французски.

голосом. – Что-то хочешь сказать?

– Не-ет, – пищит он и смотрит на меня виновато.

– А Коля где?

– Вон там, за деревом.

Я оборачиваюсь и вижу его приятеля, стоящего поодаль в тени высокой ели.

– Ну, так что же ты хотел, мой маленький? – опять спрашиваю Игоря, отходя с ним на край тротуара.

– Ничего... – он опускается передо мной на корточки.

– Встань, – смеюсь я, – а то мне неслышно тебя оттуда.

Он покорно встает.

– Так что же ты хотел?

– Попрощаться, – и улыбается робко. Я думаю, что он имеет в виду обняться, как у нас было принято на прощание, и отвечаю:

– Здесь не буду.

Игорь мнетяся.

– Что еще?

Он заглядывает мне в глаза:

– Ты нас простила?

– Тебя – да. Ты наговорил глупостей явно не по своей воле.

– А Колю?

– А Коля твой – потенциальный преступник, – говорю я с нарочитой серьезностью. – У него же все данные этого, по Фрейду. Ты только посмотри на него!

Игорь смотрит. Коля, думая, что от него что-то требуется, неспешно приближается к нам. Игорь присматривается, пытаясь увидеть в нем преступника по Фрейду. Не преуспевает, обращает все в шутку и велит Коле извиниться за свое поведение.

Тот недовольно бормочет что-то и разворачивается, чтобы уйти. Игорь решительно останавливает его, схватив за рукав:

– Извинись!

– Не буду, – бубнит Коля в сторону почти сердито.

– Извинись! – твердо повторяет Игорь.

– Да не нужны мне его извинения, – говорю я и мимолетно касаюсь плеча Игоря:

– Ну все. Поиграли с вами – и хватит.

Я направляюсь к остановке. Игорь молча следует за мной, Коля – за ним. На остановке я встаю у края тротуара, а мальчишки садятся на скамейку. Коля безразличен к происходящему, а Игорь украдкой наблюдает за мной. Но я уже не обращаю на них внимания, дожидаюсь троллейбуса и уезжаю.

Позднее выяснилось, что причиной телефонной клоунады 1 сентября был Коля, испытывавший зависть и ревность к Игорю. В ноябре 2017 года Коля признался, что пытался помешать другу общаться со мной. В тот раз, в 2014 году, Коля что-то солгал обо мне мальчику, который был с ними, и во время телефонного разговора Игорь всячески старался отвести от меня нелепые подозрения и при этом не рассердить Колю, чтобы тот не усугубил положение. 6 сентября Игорь хотел разыграть для Коли, будто мы прекращаем общение, и продолжить встречи без ведома друга, но, когда я решительно направилась прочь, встревожился и, оставив инсценировку, пошел следом.

Попытки Коли были безуспешны. Игорь дорожил нашей дружбой и преодолел даже любимого друга – как преодолевал все, что мешало ему оставаться со мной.

Понимающий чертик

Вторую половину сентября я провела в Гродно. 5 октября, когда я вернулась, Игорь позвонил мне, но я не услышала звонка. Мы встретились только 18 октября.

Когда я пришла в наш двор в назначенное время, Игорь уже ждал меня. Он сидел рядом с Колей на обледеневшей скамейке под березой, с которой ветер срывал последние листья. Близился вечер, и низкие тучи подернулись чернильной синевой.

На Игоре была белая шапочка с двумя голубыми полосами, темно-синяя курточка по фигуре, голубые облегающие джинсы и прежние маленькие остроносые кроссовочки. Личико его было бело-розовым и по-особому нежным. Увидев меня, он просиял.

– Давно сидите? – поинтересовалась я после приветствия.

– Нет, – бодро ответил Игорь. – Минут пять.

Он сделал попытку привстать и тотчас опустился со смехом обратно:

– Я примерз!

Оставшись сидеть, он, как всегда, принялся с живейшим интересом расспрашивать меня о моих делах. Я сообщила, что мои книги отправились в Библиотеку Конгресса, Бодлеанскую Библиотеку в Оксфорде, Национальную Библиотеку Шотландии. Игорь почтительно встал. Потом забрался на скамейку и продолжил беседу оттуда, счастливо улыбаясь в искренней радости за меня...

Когда я начала издавать свои книги, я рассчитывала лишь на библиотеки России. До библиотек Европы и США мои работы добрались при Игоре –

благодаря Игорю. Если бы не было этого мальчика, у меня уже не хватило бы упорства и сил заниматься судьбой своих книг. При Игоре я могла все. Он стал моим вдохновением, моей силой и смыслом что-либо делать. Можно сказать, что мои достижения – это заслуга Игоря.

Игорь знал, какого труда стоили мне мои книги, и радовался моему успеху, как собственному. Его отклик имел для меня большее значение, чем заинтересованность мировых библиотек в моих работах: наконец-то мне встретился человек, которому была небезразлична я сама и то, что я делала. Игорь стал единственным, кто радовался моим удачам и сопереживал в моих неприятностях. С ним я могла разделить все.

Он понимал даже невысказанное, равно как высказанное замысловато (моя философствующая проза). Бывали случаи, когда он угадывал мои желания, которые я ничем не выражала (первый подобный случай был еще в августе 2014 г.). Как этот мальчик мог понять меня без слов, а мои писания – сквозь слова? Мог благодаря своей чуткости, а также – нашему сходству в самой сущности. В поверхностных вещах (знания, часть интересов) мы различались, но в самом глубинном – своей природе и миропонимании – были едины. Это родство мы и ощутили еще в начале, именно оно и привлекло нас друг к другу. И разве имели значение какие-нибудь мелочи? Для Игоря – нет. А для меня в то время, о котором пишу, имели. Я радовалась пониманию мальчика и досадовала... от его очень живого поведения и непосредственности. В первые месяцы общение с Игорем было подобно плаванию против течения к какой-то при-

тягательной цели: осознание родства влекло к нему, но образ сорванца тогда отталкивал.

Со встречи 18 октября я ушла с почти физическим ощущением тепла – человеческой теплоты, в которой более всего нуждалась. В тот день впервые в жизни кто-то порадовался за меня: это было огромно.

На следующий день я узнала о гибели моей единственной подруги. Я познакомилась с ней, когда училась в школе, духовной близости не было, позднее пути разошлись, но остались добрые воспоминания. Печальное известие произвело неприятное впечатление. Подавленная, я приехала 25 октября на очередную встречу с Игорем и Колей.

Игорь опять был, на мой взгляд, слишком оживленным: много смеялся и время от времени затевал веселую возню с Колей. Я попросила Колю оставить нас вдвоем, чтобы Игорь стал спокойнее. Коля покорно перешел на другую скамью. Игорь остался сидеть рядом со мной. Я призналась ему, что устала от его беспокойности и пытаюсь найти других. Он молча опустил голову. Я спросила, почему он общается со мной. Он не ответил.

Мы сидели некоторое время в молчании. Игорь сосредоточенно думал, как развлечь меня. Я ждала. И вот, поразмыслив, этот красивый мальчик в шапочке с помпоном принялся увлеченно рассуждать... об интимных отношениях, пересыпая свою речь соответствующей терминологией и поглядывая на меня невинными глазами. Вопросы, предположения, мнения... На мгновение он задумался над одним специфическим словом, а затем, вспомнив, громко произнес его с восторгом

первооткрывателя, заставив меня сжаться от неловкости за него и молиться, чтобы никто не появился во дворе.

Я сдержанно и односложно отвечала на вопросы и не откликалась на все остальное. Игорь наверняка думал, что я просто стесняюсь.

Минут через десять, когда он договорил, я тихо сказала ему о гибели подруги. Игорь посерьезнел и опустил голову. Я помедлила пару секунд и поднялась, собираясь уходить. Игорь тоже встал и протянул мне руку. Я, недовольная беседой, равнодушно вложила свою. Он мягко пожал, после чего осторожно, но уверенно взял меня за плечи и проговорил севшим голосом: «Ты держись». Затем коснулся моей головы, будто желая погладить, и тотчас убрал руку.

Я продолжала пребывать под впечатлением от сногсшибательной речи Игоря и поэтому не придала значения его желанию поддержать меня. Бросив ему «Пока», я отошла на несколько шагов, а потом обернулась и со спокойным презрением плюнула в его сторону. Затем быстрым шагом — прочь. Растерянный Игорь попытался недоуменно спросить что-то вослед.

Мое негодование быстро прошло. Прошла и печаль, вызванная гнетущим известием: как будто Игорь снял ее своими руками раз и навсегда.

В начале нашей дружбы я нередко понапрасну сердилась на Игоря. Я не понимала, что он не был бесстыден и отнюдь не пытался шокировать или оскорбить меня. Напротив, он был *редкостно чистым* и деликатным в своем отношении к интимной сфере жизни, а его поразительная откровен-

ность являлась выражением доверия ко мне.

Так же я поначалу не понимала причины его необычайной живости. Я считала это неуважением и досадовала. Особенно досадовала тогда, когда Игорь... с увлечением откликался на то, что я рассказывала. Ему нравились мои истории (в основном, это были случаи из моей жизни), он слушал с горящими глазами, сыпал вопросами, а если я замолкала, нетерпеливо настаивал на продолжении: «Ну, говори!» Такая заинтересованность мешала мне собраться с мыслями. «Ну, говори!» – живейшие глаза на меня – большие, темные, с легким отсветом янтаря в глубине. Я стараюсь вспомнить еще какую-нибудь занятную историю. Что-то было подходящее... Горящие глаза и сопрано с серебристым налетиком: «Ну, говори!» Что – было? Ах да... «Ну, говори!» Черт возьми, дай вспомнить! «Ну!» Я начинаю сбивчиво рассказывать что-то, чтобы позабавить этого сорванца, обратившегося в комочек нетерпения. И позабавить удастся: Игорь смотрит на меня с живейшим интересом и усердно сыплет вопросами...

Я еще не понимала, что Игорю интересна я сама и то, что я могу рассказать, и что он невероятно рад быть со мной и со своим другом. Он был счастлив с нами, и его ошеломляющее оживление было проявлением этого счастья. Все его существо ликовало, превращаясь в веселый вихрь. Он спрашивал, и говорил, и возился с Колей, и улыбался. Вспоминая наши встречи, я вижу эту счастливую открытую улыбку. А я досадовала тогда на него и проводила время от времени воспитательные беседы... Он не обижался на незаслуженные упрёки и старался вести себя так, как я хотела. Однажды я

сказала ему: «С тобой так трудно!» – «Мне с тобой иногда тоже», – с нарочитым вздохом пошутил Комарик и мягко улыбнулся. Несмотря на все недоразумения, я всегда верила в него, а он дорожил мною. Мы были нужны друг другу.

В первые месяцы нашей дружбы этому мальчику пришлось вынести всю тяжесть характера человека, которому долгое время было больно. И вынес он именно потому, что понимал, как мне жилось и как сильно я нуждалась в нем – в друге. И нуждался во мне сам. А следствием его верной и терпеливой дружбы стало мое возвращение к жизни. После многих лет тягот я возродилась, физически и духовно. Немного было в истории людей, способных спасти своей любовью.

Лирические отступления

26 октября я опять встретила с Игорем и Колей. Игорь был тише и ничуть не обижался на мое презрение, выраженное накануне. Я рассказала им обоим какие-то увлекательные истории, после чего оставила Игоря одного: «Надо кое-что сказать тебе». Я хотела сказать, что у него красивые глаза: так и не произнесла это с августа, когда заметила. Подобная похвала была бы ему приятна.

Коля удалился на десять шагов. Я осталась сидеть на скамье рядом с Игорем. Красивые глаза – глазницы заинтересованные – неотрывно на меня: – Ну, говори!

Я смотрю в них и понимаю, что не смогу произ-

нести задуманное. Игорь – весь внимание:

– Ну!

Надо что-то придумать...

– Ну!!!

И я выпаливаю:

– Скажи что-нибудь хорошее!

Игорь подсказывает от досады, а Коля, слышавший мою реплику, заливается смехом. Игорь сердито отсылает его дальше – в надежде, что я все-таки что-то скажу. Коля, продолжая посмеиваться, отходит неспешно.

Надо что-нибудь сказать, иначе Игорь сочтет, что я подшучиваю над ним. Но что? Игорь ждет, глядя в землю. Вдруг меня осеняет. Я наклоняюсь к нему и произношу едва слышно и легко:

– А все-таки ты мне нравишься.

Бровки Игоря радостно подпрыгивают:

– Как? – шепчет он изумленно.

– Понимаешь...

Игорь задумывается и молчит, довольный. Я рада: удалось сказать приятное. Но что он думает? Не успеваю я спросить об этом, как за нашими спинами возникает невозмутимая фигура Коли. Мы с Игорем непринужденно договариваемся о следующей встрече и прощаемся.

Следующая встреча – 28 октября. Я принесла мальчикам посмотреть сокровища из моих коллекций. Это были две окаменевшие раковины с берега Волги, замещенные минералами и обросшие известняком; два метеорита, найденные на бабушкином огороде, – коричневые, блестящие и будто оплавленные; пять старинных монет, откопанные мною на пепелище дома прапрадеда, – почернев-

шие от огня и позеленевшие от земли; пуля Минье и гильза от немецкого снаряда 1937 года – большая, увесистая, тускло сияющая. Все более мелкие сокровища были сложены в эту гильзу. Она весьма походила на консервную банку и, когда я вынула ее из пакета, Игорь с интересом проговорил: «Баночка... А что в баночке?» – «Сейчас увидите», – ответила я и принялась доставать экспонаты. Игорь рассмотрел всё увлеченно, попробовал одну монету на зуб и досконально изучил «баночку». Коля делал вид, что ему скучно.

В конце Игорь предложил немного пройтись с ними. Они провели меня пару кварталов до обширной пустой площади с полузабытым серым обелиском посередине и припаркованными машинами по краям. Мы еще поговорили, после чего Игорь сказал, что им надо идти. Я попросила помедлить. Он согласился. Рядом, на краю площади, находилось какое-то офисное здание с небольшим крыльцом, украшенным тремя тонкими белыми колоннами. Игорь поднялся на крыльцо. Я велела Коле подождать в стороне. Когда он отошел, я, встав ступенью ниже Игоря, спросила, не хочет ли он что-нибудь ответить на мои вчерашние слова.

– Мне это все равно, – беззаботно сказал он, горделиво вскинув голову и довольно глядя в сторону.

– Тогда найди мне других, – спокойно отозвалась я.

– Зачем? – опешил Игорь, воззrivшись на меня.

– Чтобы мне не искать.

Он отказался. Я зачем-то оглянулась и увидела Колю, в двух шагах от себя. Мальчишки заторопились. Я попросила Игоря подождать еще немного. Колю снова отослали.

Стоя перед Игорем ступенькой ниже, я с тихим удивлением проговорила:

– Ты же человек. Неужели тебе действительно все это безразлично?

Неужели безразлично, что кто-то привязан к нему, заботится о нем, желает добра?..

– Что именно? – не понял Игорь.

Я прикоснулась к его руке так, будто он был статуей святого, и с той же легкостью, что накануне, произнесла:

– То, что я люблю тебя.

Лицо мальчика озарилось счастливой улыбкой, показавшейся снизу торжествующей. Так юный Давид мог бы улыбаться над побежденным Голиафом.

Игорь ничем не отозвался и заспешил прочь, подав мне на прощание руку. Я взяла ее, крепко сжала и отпустила с трудом, как связь с миром живых. Игорь легко сбежал с крыльца. Я невольно метнулась следом:

– Скажи, есть надежда, что у нас все будет хорошо?

– Есть! – в радостном волнении ответил он вполголоса, обернувшись на лету, и исчез за машинами.

Игорь понял меня по-своему. Для него любить означало прежде всего любить романтически, тогда как для меня в том случае любить значило желать добра.

Всю следующую ночь я составляла письмо к Игорю, чтобы объяснить смысл моих слов. Я рассказала подробнее о надежде обрести друга посредством своих книг (хотя бы посмертно) и о мучительной работе над ними в течение почти семи лет: «Работала каждый день, невзирая на настроение и состояние; работала при температуре под

40° С, сквозь рези в сердце, до крови из носа; тащила себя на веревке своей воли, веря, что в конце пути – Человек». Пояснила, почему летом искала именно мальчика: «Во-первых, я уже не надеялась найти друга среди взрослых. Во-вторых, есть во мне нечто, что с детства заставляет тянуться к мальчишкам. Это моя беда, что я родилась девчонкой. В-третьих, существует особая романтика в *настоящих* мальчиках – то, чего лишены существа женского пола и взрослые люди. Эта “особая романтика” заключается в том, что только у них качества, которые составляют настоящий характер (смелость, честность, обязательность, открытость, преданность, надежность), соединены с верой в идеалы и восхитительной живостью».

В конце письма я призналась в желании его (Игоря) теплоты: «Теплота – это самое дорогое в человеческих взаимоотношениях. Мне больше всего хотелось бы сидеть возле тебя, чувствовать плечом твое плечо или обнимать тебя одной рукой, словно оберегая. Ради таких минут с другом я семь лет жила в непрерывном усилии – жила через силу. Такие минуты были бы для меня единственно возможной наградой за все усилия. Вот почему я однажды сказала: “Слава гроша ломаного не стоит.” Что слава по сравнению со счастьем быть рядом с другом? Мне хотелось теплоты с тобой, хотелось дарить ее и получать в ответ. Все эти встречи я ожидала самого простого: чтобы ты погладил меня по руке. И в тот день, когда я позвонила тебе и попросила, чтобы ты вышел хотя бы на несколько минут, а ты отвечал, что не можешь, – тогда мне хотелось просто увидеть тебя, просто посмотреть в лицо живого человека, руку

твою взять в свои ладони!

Вот, о чем я хотела рассказать тебе и, взяв твою лапку, почувствовать, что рядом со мной – Человек».

Письмо было распечатано и передано Игорю через мою маму, в парке. Он, отойдя, вдумчиво прочитал его и даже запрыгал от радости. В дополнение к письму была просьба позвонить мне, что Игорь и сделал, но я в то время спала и звонка не услышала.

Мое пожелание, чтобы он погладил меня по руке, он тоже исполнил – по-своему, по-Комариному. Мы сидели с ним в домике, я что-то рассказывала. Коля был отослан на несколько метров, дабы Комарик был усидчивее. В какой-то момент Коля подошел к домику и позвал Игоря. Тот вышел. Коля, стоя перед ним невозмутимым истуканчиком, тихо напомнил о чем-то. Игорь с радостной улыбкой вернулся в домик, два раза с готовностью провел уверенной ладонью по моей руке, как будто пыль стряхнул, и сел рядом со мной с чувством исполненного долга.* Мне стало весело.

Начало книги о Комарике

1 ноября мы опять встретились. Я нарочно дала мальчишкам волю, предоставив вести себя как хотят и говорить о чем угодно, и включила дикто-

* Игорь выполнил бы просьбу и без напоминания. Коля просто опередил его.

фон, чтобы сохранить нашу встречу на память. Позднее по аудиозаписи я составила для них рассказ:

На скамейке сидят два комочка. Подхожу, здороваюсь и следую с ними к домику. По дороге спрашиваю заботливо: «Не замерзли?» – «Нет», – мужественно отвечает Коля, шмыгая носом. Игорь соглашается, выразительно чихая.

Мы забираемся в домик. Игорь находит веник и деловито сметает пыль с большой лавочки для нас и с маленькой для Коли. «Вот молодец!» – хвалю я. Мы усаживаемся. «О чем будем болтать?» – спрашивает Комар. Я задумчиво опускаю глаза. Передо мной пылают оранжевые кроссовки Коли. Я произношу восхищенно: «Классные!» – «Ага», – отвечает их довольный обладатель. Игорь замечает: «На рынке они стоят три тысячи рублей». – «Угу», – откликаюсь я. Молчание и шевеление. Затем опять вопрос Игоря: «О чем будем болтать?» – «Расскажи что-нибудь», – прошу я. Он задумывается, после чего спрашивает: «А зачем ты вчера звонила?» – «Вечером?» – «Да». – «В десять?» – «Не помню. Я не мог тогда говорить». – «Я тоже», – шучу я. «Я спать ложился». – «Вот я и хотела пожелать тебе спокойной ночи». Игорь улыбается.

Молчание и шевеление. «Расскажите что-нибудь интересное, хотя бы про школу», – говорю я. «Я не знаю...» – отвечает Игорь. «Ничего интересного не происходит», – задумчиво констатирует Коля.

Начинается ритмичный глухой шум: Комар раскачивает столик. «А я подготовила для вас большую речь по истории, – сообщаю я. – Даже порепетировала ночью, как буду ее произносить». На лицах собеседников отображается заинтересованность. Я возво-

жу глаза к потолку и – с отчаянно скучающим видом: «Но не произнесу!» – «А че ж?» – пищит Комарик. «Настроения нет. Мно-о-ого...»

Ритмичный глухой шум продолжается. Комар усиленно думает, пытаясь найти тему для разговора. Наконец, он изрекает: «А что такое Гринпис?» – «Не знаю», – отделяется от него Коля. «Ну, реально?» – наседает на него Комар. «Доста-а-ал...» – стенает Коля. Комар живо поворачивается ко мне: «Что такое Гринпис?». Я намеренно молчу. Коля, зная, что расспросы могут продолжаться долго, объясняет устало: «Общество по охране животных». Игорь что-то замечает относительно Гринписа и усерднее раскачивает столик. Его мысль работает дальше: «А как того мужика звали?» – спрашивает он у Коли. «Какого?» – не понимает Коля. «О машину которого мы бутылки били». Коля припоминает тот случай, Игорь веселится. Потом ребята болтают о футболе, я изредка что-то вставляю.

Так проходит минут пять. Я делаю вид, что мне пора уходить. Комар просит посидеть еще. У меня отличное настроение, и я начинаю возню с Комаром: лезу руками к нему за шиворот. Он ежится и ловит мои руки. Коля наблюдает. Возмемся так некоторое время, после чего я говорю, что уйду. Игорь просит опять: «Ну, посиди!» Я шутливо обнимаю его за плечи: «Ах ты, мой маленький Комарик!» – «Я не Комарик», – весело парирует Игорь. «Букашка!» Он улыбается: «Я не булашка». – «Но очень похож», – замечает Коля...»

Рассказ составлял четыре страницы. Я принесла его ребятам 9 ноября. Он был встречен весело, и это воодушевило меня на то, чтобы сохранить на бумаге и другие встречи. Так началась эта книга.

Маленький начальник

Один раз, 2 ноября, Игорь предстал передо мной нарочито важным. Со мной была мама, когда он с Колей появился во дворе. Игорь разговаривал по телефону. Делая вид, что не замечает нас, он важно прошел мимо, вышагивая, как птица-секретарь: стройные ножки, обтянутые джинсиками, ярко-синяя куртка прямоугольником, темно-синяя шапка с большим помпоном и телефон возле уха. – Нет, не могу! – убеждал он кого-то, деловито расхаживая поодаль взад и вперед. – Не приду. Идите без меня.

Его продолжали в чем-то уговаривать. – Да говорю же: не могу! – повторил он тоном чиновника, отказывающего в прошении, после чего добавил отчаянным дискантом: – Меня мама не пускает!

Этот довод оказался веским: Игоря оставили в покое. Он убрал телефон в карман и направился к нам. Подойдя той же важной поступью, он поздоровался и, став перед нами (прямоугольничек на ножках), произнес шутливо-начальственно: – Ну, говорите!

Мы, ничего не говоря, с удовольствием наблюдали за ним.

– Ну, говорите же! – повторил Комарик. Я весело рассмеялась на него. Мама поддержала меня. Игорь растерялся и утратил свою напускную важность.

Потом я осталась с мальчишками, ласково попросила у Игоря замерзшую розовую ручку, бережно приняла ее в ладони, огладила, согревая, и, сказав «Пока!», направились прочь. Игорь некото-

Комар говорит по телефону (к с. 100)
Ольга Кавецкая, карандаш, 7 декабря 2014 г.

Портрет Игоря

Ольга Кавецкая, масло на холсте, 7-19 ноября 2014 г.

рое время шел следом, разочарованно повторяя для невозмутимого Коли: «И это все? Приезжала только руку погладить?» Я нередко вела себя с ним сдержаннее, чем стоило бы.

Отсветы

7 ноября я после семилетнего перерыва взялась за кисть: начала писать маслом портрет Игоря. Его передо мной не было, нужных фотографий тоже. Подходил только снимок, сделанный моей мамой с расстояния в 20-25 метров через серую железную ограду, когда мы с Игорем сидели летом во дворе. Половину фигуры закрывала металлическая полоса. Оставались видны только крепкие стройные ножки, руки (одна – покойно на колене, другая – под щекой) и задумчиво склоненная светлая головка: мраморный ангел над могильной плитой (*фото на стр. 56*). Я собиралась изобразить его в саду, под кустами с бело-розовыми – как его щечки – соцветиями, возле чуть видимой тропинки, ведущей в зеленую тайну сада...

По мере того, как я писала, сад почему-то исчезал. Скамейка превратилась в темный камень, тропинка стерлась, цветущий куст над сидящим мальчиком обратился в сожженное молнией дерево, а летние облака – в грозовые тучи, надвигающиеся из-за спины Игоря. В правой части картины розовел рассвет, и его отсвет озарял сгоревшее дерево. Когда картина была завершена, я с удивлением обнаружила неожиданный оптический эффект: если я смотрела на ноги Игоря, отсвет

на дереве – в виде золотистой полосы – казался молнией, ударяющей в его спину.

8 ноября я опять встретила с моими мальчишками. Они ждали меня в сгущающихся сумерках посреди мерзлого двора. Мы немного поговорили, я обещала что-то интересное на следующий день и собралась уходить. Игорь спросил, куда я иду. Я ответила, что у меня встреча с одним семиклассником. Игорь забеспокоился. «Давай мы тоже сходим!» – предложил он, встревоженно глядя на меня. «Не стоит», – сказала я. «Ну, тогда давай мы хотя бы издали посмотрим: мало ли что...» Я отказалась. Впоследствии, когда я лучше узнала подростков, я поняла, что опасения Игоря были небезосновательны: от данной категории можно было ожидать любой подлости.

Уходила я из нашего двора под колокольный звон, доносившийся с расположенной неподалеку старой церкви. Небольшая, когда-то белая, с несколькими узкими окнами, черными зарослями у стен и пустыми нишами, темнеющими, как глазницы, она казалась мертвой. А с высокой колокольни раздавались удары – мерные, глухие, погребальные: сосредоточенное выражение синих туч, оголенной земли и гаснущего света.

Я была уже далеко от церкви, возле узкой черной речушки, когда удары вдруг сменились ликующим – как лучи в тучах – перезвоном. Я остановилась и долго прислушивалась к этой музыке чуждой, темной, как те ниши, бессознательной веры и такой же – жизни...

«Шпана»

Ночью на 9 ноября я продолжала портрет и готовилась ко встрече с Игорем, а также записала под музыку несколько посвященных ему стихотворений. Легла около семи часов утра, в 10.30. встала. К 12.10. я отправилась в наш двор, взяв рассказ о встрече 1 ноября, плэер с наушниками и немецкую клубничную шоколадку.

Когда я приехала, ребята были уже на месте: они обычно приходили раньше назначенного времени (по решению Игоря). Игорь бросился ко мне: – Ну, как? – обеспокоенно спросил он о встрече, про которую я упомянула накануне. – Все нормально. Но общаться с ним не будем: не тот человек.

Игорь возрадовался.

Позднее мы сидели на скамейке, Игорь – как всегда – рядом со мной. Между нами я поставила небольшой пакет. Комарик заинтересовался.

– А что там? – спросил он, с любопытством созерцая пакет.

– Вода и кое-что для вас.

Не тратя времени, Комарик ловко запустил лапку в пакет и на ощупь сразу обнаружил шоколадик.

– Спасибо, – растроганным шепотом произнес он, благоговейно беря плитку в обе руки. Рассмотрев, он спрятал ее в лежавшую на коленях шапку и накрыл ладонями, улыбаясь с видом «Сохраню на память». Это был мой первый подарок ему и Коле.

Затем я дала Игорю послушать в наушниках начитанные ночью стихи. Он внимательно прослушал одно и вернул наушники.

– Есть еще два, – сказала я.
– Нет, потом, – мягко ответил он, глядя в сторону.
Присутствие Коли смущало его.
– Я записывала их целую ночь... – заметила я.
Игорь взглянул на меня участливо и решил до-
слушать оставшиеся стихи. Одно из них называ-
лось «Красивый мальчик». Игорь просиял и при-
нялся с гордостью повторять для Коли строки по
мере прослушивания. Но это отвлекало, и после
третьей строки он замолчал, вслушиваясь в стихо-
творение. Оно заканчивалось словами:

Росток предвечной красоты
Меж горечи и слепоты.

Игорь задумался.

Когда все было прослушано, Игорь сказал осто-
рожно:

– Ну, мы пойдем.

Они собирались играть в футбол в парке, рас-
положенном неподалеку. Туда иногда звали Колю
приятели, а Игорь уступал ему. Со мной ребята
были десять минут. Я попросила позвонить, как
только они освободятся, и уехала домой.

Через полтора часа раздался звонок. Я приеха-
ла. Игорь и Коля сидели на скамейке. Прежде все-
го, Игорь предложил мне чипсы, пакет которых
он держал в руках. Я поблагодарила и отказалась.
Присев на скамейку рядом с ним, я вручила ему
рассказ о нашей встрече 1 ноября. Комарик ухва-
тил листы с живейшим интересом, присмотрелся
к ним и, взглянув на меня изумленно, спросил:

– Как ты смогла расставить столько знаков препи-

нания?!

Потом он принялся громко и старательно читать:

– «На скамейке сидят два комочка. Подхожу, здороваюсь и следую с ними к домику. По дороге спрашиваю заботливо: “Не замерзли?” – “Нет,” – мужественно отвечает Коля, шмыгая носом. Игорь соглашается, выразительно чихая».

Комар рассмеялся и передал листы Коле:

– Читай ты, я не могу: смешно.

Коля стал читать дальше – неторопливо и тоже с выражением:

– «Мы забираемся в домик. Игорь находит веник и деловито сметает пыль с большой лавочки для нас и с маленькой для Коли. “Вот молодец!” – хвалю я. Мы усаживаемся. “О чем будем болтать?” – спрашивает Комар. Я задумчиво опускаю глаза. Передо мной пылают оранжевые кроссовки Коли».

Коля фыркнул от смеха и продолжил чтение нечленораздельно.

– Пусть лучше Оля читает, – сказал Комар. Я взяла лист у Коли и дочитала рассказ. Ребята были довольны.

Затем Комар вспомнил о насущном:

– У тебя нет водички? – вежливо спросил он. Я отдала остатки. Он сделал два глотка, бережно вытер горлышко ладонью и вернул бутылку со словами благодарности. Думая, что ему мало, я позвонила маме, которая была в то время в расположенном поблизости магазине, и попросила, чтобы она купила для Игоря воды, а также чипсы.

Когда мама пришла, Игорь принял покупки, сказал «спасибо», открыл воду и сделал несколько глотков. Потом бросился весело прыгать с бутыл-

кой возле Коли, расплескал воду по земле, отбросил бутылку ногой в сторону и вернулся на скамейку, где принялся радостно поглощать чипсы. Мама все это время стояла перед нами, наблюдая. Я сидела на самом краю, подальше от Игоря, и мрачно смотрела в землю. Я считала его веселость предосудительной, и мне было стыдно за него. «Как он смеет вести себя так фамильярно, будто мы его родственники? – думала я. – Какая невоспитанность!» Игорь закончил питаться и затеял возню с Колей. Они бросились бегать вокруг скамейки, после чего умчались в дальний угол двора. «Комарик улетает!» – порхал там развеселившийся Игорь. Вернувшись, мальчишки перемахнули через скамейку и уселись довольные рядом со мной.

Я попросила маму уйти. Коля, утомленный играми, отправился пить на колонку, находившуюся неподалеку. Игорь сидел возле меня.

– Не стоит вести себя так при маме, – тихо, почти равнодушно заметила я ему. – Я говорю ей про вас только хорошее.

Игорь задумался, а когда подошел Коля, негромко и серьезно передал ему мои слова. Тот ничего не ответил.

Мне уже не хотелось рассказывать мальчишкам то, что было задумано, и я дала им волю. Они опять куда-то убежали, гоняясь друг за другом, а я осталась сидеть посреди пустого двора, глядя в землю. Как же я не понимала тогда веселость Игоря от счастья быть со мной и с Колей!..

Счастье быть со мной Игорь не хотел уступать никому. Когда они с Колей возвратились, Игорь сел между нами и, припомнив мою вчерашнюю попытку найти новых товарищей, принялся де-

монстративно звонить какой-то девочке – якобы для того, чтобы договориться о встрече.

– Привет! – промурлыкал он. – Это Артём, – назвался он почему-то другим именем. – А это Алиса? Рад тебя слышать...

Однако девочка была явно не рада слышать его: Игорь почему-то быстро перестал мурлыкать.

– Ты свободна в субботу? – просто спросил он. – Как что? Встретиться. Как зачем? Пообщаться. Не можешь? Ка-ак?! Парень?! В четырнадцать лет?!

Опешивший Игорь выключил телефон и устался в пространство. С обеих сторон раздались смешки. Придя в себя, он решился, наконец, уточнить у меня:

– Так ты не общаешься с Кириллом?

– Не общаюсь, – заверила я, и Комар радостно затеял возню с Колей. Когда возня закончилась, я припомнила Комару его попытку договориться с какой-то Алисой о встрече. Мне казалась оскорбительной такая «бестактность»: улавливаясь о встрече с другими, будучи со мной. Так я и сказала.

– Ревнует!!! – ликующе возопил Комарик, хлопнув в ладоши и чуть не подпрыгнув. И стал передо мной, глядя на меня с восторгом.

– Не ревную, просто мне не нравится такое поведение, – сухо объяснила я. Комар не принял мое объяснение в расчет: впредь его мерой воздействия на меня с целью уничтожения «соперников» была попытка вызвать ревность. Как ни досадно, она нередко удавалась. Я была уверена в Игоре, но в таких случаях иногда думала с опаской: «А что если он действительно больше не хочет общаться со мной?» – и отправляла ему возмущенное сооб-

щение. Игорь тотчас поправлял дело.

Что до моих попыток найти новых друзей, это объяснялось тоской по Игорю. Мы могли встречаться только по выходным. Мне было мало этого, и я отчаянно скучала по нему. Однако никто не мог заменить его или хотя бы уменьшить эту тоску...

В конце встречи я оставила Игоря одного, чтобы спросить, почему он так дорожит моей дружбой. Меня уже не удивляло людское равнодушие или неприязнь, но расположение вызывало изумление. Я отнюдь не считала себя недостойной привязанности: дело было в том, что я не встречала ее.

Игорь сел возле меня, устремив взгляд в пространство, как будто там была некая важная цель.

– Мне надо идти, – произнес он, волнуясь.

– Четыре минуты, и пойдешь, – ответила я спокойно.

– Я пойду, – Игорь сделал движение встать.

– Посиди! – попросила я настойчиво. Он вернулся на место:

– Ну, говори! – и напряжился сбежать от разговора.

– Скажи, зачем ты ходишь на встречи?

– Не зна-а-ю... – и движение в сторону:

– Я пойду.

– Посиди, дай договорить, – опять попросила я, тихо и терпеливо.

– Я пойду, – повторил Игорь, привставая.

– Дай договорить, – сказала я, все так же тихо и терпеливо. Он сел:

– Ну, говори! – и взгляд в сторону.

– Ты ценишь меня как человека?

– Не зна-а-ю... – он не смотрел на меня.

– А зачем общаешься?

– Не зна-а-ю...

– А...

– Я пойду, – Игорь вскочил и стал передо мной победоносно.

– Дай договорить, – еще раз попросила я, терпеливо.

– Я пойду.

– Дай...

– Я пойду.

Чувствуя, как вскипает негодование, я молча поднялась. Игорь не двигался, следя за мной. Глядя на него, я отвела руку, чтобы дать ему за нетерпеливость пощечину (которых давать не умела, ибо никогда никому не давала), но он успел присесть и, выглянув на меня испуганными огромными глазами из-под пролетевшей мимо руки, метнулся к Коле, невозмутимо стоявшему в нескольких метрах. Там он остановился и посмотрел на меня.

– Ведешь себя, как глупая собачонка! – крикнула я ему, не сходя с места. Игорь выслушал и решил, что лучше ретироваться. Коля был того же мнения. Они дружно устремились наутек, а я быстрым шагом пошла в другую сторону.

Вечером того дня я позвонила Игорю, чтобы показать, что не сержусь. Он отозвался почти сразу. Его голос был тих и спокоен.

– Видишь, вспылила, – начала я неспешно. – Извиняться не буду: ты сам виноват, вывел меня из себя своей нетерпеливостью. Хотелось бы сказать то, что ты не дал произнести. Мне интересно, зачем тебе наше общение? Ты знаешь, что я дорожу тобой. Но, если вдруг я для тебя – только развлечение, тогда лучше это прекратить. Если же у тебя

какая-то хорошая заинтересованность, добрые человеческие чувства, тогда буду рада продолжить.
– Ладно, – легко ответил Игорь. – Пока!

И отключился. Ответ на мой вопрос он дал всей своей верной дружбой...

Следующей ночью я продолжала работу над портретом Игоря. Я работала над ним так, как поток преодолевает порог – с упорным усилием, ибо считала должным завершить: была странная жалость к нарисованному мальчику, как если бы он был живым и дописать картину означало бы дать ему возможность жить. Мальчик не был Игорем – или, точнее, был *моим* Игорем: таким, каким он казался в солнечные предосенние дни нашего начала.

Картина, со многими запинками, раздумьями и огромным напряжением, была написана за двенадцать дней. Я заканчивала ее через силу, работая шесть часов без передышки – в опасении, что не смогу завершить. Лицо написала последним и... иным. «Пусть он будет сполен моим – в том уютном розовом мгновении, когда восходящее солнце еще не скрыто тучами...»

А 22 ноября позвонил Игорь: «Можешь прийти сегодня?» Я чувствовала себя скверно и отказалась, не называя причины. «Если не придешь, мы не будем больше общаться», – пригрозил Игорь (это было другой мерой воздействия, чтобы удержать меня). Я объяснила, что не могу прийти.

Игорь не таил обид на меня. Он понимал, что поначалу иногда, сам того не желая, досаждал мне. Все мои вспышки и упреки (несправедливые!) он сносил терпеливо, никогда не огрызаясь в ответ

и ничем не оскорбляя. Он мог беззлобно парировать или оправдываться, но ранить – нет. Поэтому мое негодование всегда быстро проходило.

Мириться нам не приходилось: мы просто возобновляли общение как ни в чем не бывало и даже не вспоминали о размолвках. Такова была взаимная привязанность – сложного творческого человека и независимого подростка. Мою сложность понял только он.

Второй портрет

В декабре я принялась писать второй портрет Игоря. Как и в прошлый раз, настроение картины получилось противоположным тому, что было задумано. Мне хотелось придать Игорю заинтересованно-оживленное выражение, какое я обычно видела у него при беседах. Вместо этого он получил-ся задумчивым и немного печальным.

Этот портрет дался с еще бóльшим трудом, чем предыдущий. Отсутствие натуры, попытка придать лицу с фотографий, застывшему в иных ракурсах и с иным выражением, нужные ракурс и выражение, усилие точно отобразить то, что жило во мне, превратило работу в испытание. Я по четыре-пять часов писала отдельные детали, чтобы потом соскоблить и писать заново. Раз десять мне казалось, что работа закончится ничем, что она – тупик. Даже фон я переписывала трижды, выбрав, наконец, самый «непортретный» – льдисто-голубой, с каким-то неясным отсветом в глубине. В правом нижнем углу я нарисовала белой краской ветку лилий, что

придало картине непреднамеренное сходство с надгробной керамикой.

Несмотря на все старания, мальчик получился не очень похожим на моего друга; к тому же технически работа была довольно неуверенной.

Впоследствии я нарисовала только один портрет Игоря (в марте 2015 г.). Я не являлась профессиональным художником, и писание портретов было мучительной попыткой прыгнуть выше головы. Как бы то ни было, желание запечатлеть Игоря сохранялось на протяжении всей нашей дружбы. Он обладал удивительно художественной внешностью. Его фигура была стройна и пропорциональна, взгляд был прямым и ясным, а редкое сочетание больших карих глаз и шелковистых светлых волос было подобно точной рифме. В нем присутствовало что-то от мраморных ангелов с королевских надгробий и от тростниковой музыки флейты. Я уподобляла его мягкий золотистый образ произведению искусства. Его можно было бы изобразить в слоновой кости или мраморе: легкие, плавные линии его изящного тела были явленным вдохновением для скульптора гения Кановы. Он был самым красивым мальчиком из всех, что я видела. В нем все было совершенно.

Наиболее изумительно в нем было выражение лица, когда оно озарялось нежностью или благодарностью: как будто глубинный *непреходящий* свет сиял изнутри. Было особое очарование в сочетании этой внутренней прелести с задором уличного мальчишки.

Он во всем был своеобразен и являл собой тот редкий пример, когда красота внешняя соединяется с внутренней.

Смена имен и встреча в темноте

В конце ноября произошло неожиданное. Я нашла в одной соцсети страницу Игоря – через страницу его родственницы, которую он упоминал в разговоре. Узнала его по фотографиям. Оказалось, что его зовут не Игорь В., а Артём Кузнецов. Что до Коли, то у него тоже было иное имя. Мне было жаль «Игоря»: я привыкла к этому имени, и другое поначалу казалось неподходящим, слабее отображающим сущность своего обладателя.

Следующая встреча с Артёмом и Колей состоялась 6 декабря. Артём позвонил в 19 часов, чем немало удивил меня: за окном была непроглядная темнота. Я поехала на такси. По дороге произошла ссора с невежливым таксистом, отчего я вышла на две остановки раньше. Я позвонила Артёму. «Игорек, – назвала я его прежним именем, – вы подождите меня еще минут пятнадцать: из-за дурака-таксиста придется немного пройти пешком». Артём обеспокоенно принялся выяснять, что случилось. Я заверила, что ничего страшного. Пока я плутала темными старыми улицами, он звонил еще пару раз, спрашивая, где я, и подсказывая, как идти. По его голосу чувствовалось, что он тревожится за меня.

Мы встретились около 19.30. в маленькой прихожей магазина, расположенного возле нашего двора. Артём хотел перейти во двор, но я отказалась, не будучи уверенной в том, что там достаточно светло.

Артём взволнованно расспросил меня о перебранке с таксистом, я вкратце ответила на его вопросы, мы поговорили о чем-то еще и попроща-

лись. Даже мимолетные встречи были радостью для нас обоих.

«Семейная сцена»

В следующий раз Артём пригласил меня на встречу 14 декабря. Я взяла одну из своих новых книг, свеженькую благодарность из Ставропольской библиотеки за предыдущие, мой шарж на Артёма, рассказ о местном геологическом музее и веселых случаях из моей жизни и – в город.

Приезжаю в наш двор: мальчишек нет. Звоню. «Мы идем». Проходит шесть минут: их нет. Звоню. «Мы в парке, подожди десять минут». Жду: их нет. Звоню. «Лучше приходи в парк!»

В давно промокших ботинках, пришла. Заснеженный черный парк на берегу мелкой, скованной льдом речушки. Вдоль воды опиливают старые раскидистые ясени. Пепельное небо, серый талый снег, желтые раны на кряжистых стволах. Мальчишек нет. Звоню еще раз. Артём отвечает, что они уже близко. Я сердито велю поспешать. Он появляется (Коля – следом) и – заинтересованно:

– Ну, говори!

– Что?

– То, для чего вызывала.

Напоминаю с досадой, что он первый позвонил. Досадую я потому, что ботинки мокрые. Комар, не зная этого, тоже начинает досадовать – потому, что я досадую. В то же время ему страшно любопытно, что я приготовила для него на этот раз. Я, хмурая из-за мокрых ботинок, нехотя пока-

зываю свою книгу. Комар, хмурый из-за моего хмурого вида, нарочито не смотрит. Я бубню, убирая книгу в пакет:

– Ладно, покажу Юре, ему все интересно...

Комар подскакивает:

– Что за Юра?!

Я не отвечаю и предлагаю ему рассказ. Обиженный Комар, не глядя, бубнит:

– Неинтересно.

Я подаю шарж. Комар отмечает в сторону:

– Непохож.

Я достаю благодарность. Комар ухватывает ее обеими руками и жадно читает. Затем возвращает бережно и собирается уходить. Я прошу его немного поговорить со мной. Он, всерьез обиженный из-за наличия у меня теперь какого-то Юры, отвечает, что не хочет тратить на меня «свое личное время». Я чем-то парирую. Комар, пригорбившийся под новой ношей («Опять соперник!»), рассказывает передо мной и тоже чем-то парирует. Я нахожу невысокий столбик и одной рукой опираюсь о него. Коля невозмутимо наблюдает за нами со стороны. Мимо нас идут люди. Обиженный Комар несколько раз демонстративно уходит, я кричу вслед:

– Пожалуйста, подойди на минуту!

Коля упрекает его за упрямство, Артём с готовностью возвращается, твердит «Ну, говори!», делает вид, что торопится, я прошу его побыть со мной хотя бы несколько минут... Желание тепла, доброго слова, ласкового прикосновения, и это нелепое препирательство, спешка, холод...

– Подойди ближе, я даже лица твоего не вижу, – за два метра, от близорукости.

Артём приблизился с нарочитой опаской:
– А ты меня не ударишь? – вспомнил мою попытку дать ему пощечину.

– В тот раз ты вывел меня из себя. А ведь я просила просто посидеть рядом и выслушать меня. Мне хотелось получить ответ на свой вопрос, сказать тебе что-нибудь доброе, в щечку поцеловать...

На последнее Тёма вдруг мягко улыбнулся и, не глядя на меня, пробормотал:

– Не, на людях не буду, давай в тихом месте...

Немного подумал и добавил:

– Ладно, целуй! – как будто на выполнение какой-то задачи согласился и, встав левым боком вплотную ко мне, деловито подставил щеку. Я, опираясь одной рукой о столбик, другой взяла его за плечо и, внимательно посмотрев на его щеку – бледно-розовую, круглую, гладкую, как нектарина, – коснулась ее губами. Даже не нежность выразила – тоску одиночества. Как только я отстранилась, счастливый Тёма нехотя отошел. Я взглянула на часы, он вернулся к Коле, стоявшему поодаль, и радостно затеял с ним возню. Я попрощалась с ними и ушла.

Новогодние встречи

С конца ноября у меня было задумано преподнести Артёму на Новый год нечто необычное, а именно – мой сборник стихотворений “Crystals of Pain,” в котором было одиннадцать посвящений ему и репродукции его портретов. Мальчику – посвящения в книге!.. Делалось ли подобное кому-

нибудь? Это было наибольшим, что я могла подарить ему как поэт. Я восхищалась этим сорванцом, его веселостью и обаянием. Он был для меня произведением Божьего искусства, а моя привязанность к нему – благодарственной молитвой.

Незадолго до Нового года я получила сигнальный экземпляр сборника. На некоторых страницах значилось: «Артёму Кузнецову». Прежде я писала стихи о полководце Т.Э. Лоуренсе, композиторе Й.М. Краусе, поэте Д.А.С. Мэкворте... Артём Кузнецов оказывался в этом досточтимом ряду заслуженно: быть другом – талант не меньший, чем быть поэтом или музыкантом. Благодаря верной дружбе Артёма, в моей жизни произошли удивительные вещи...

25 декабря мне пришло очередное благодарственное письмо за мои книги – из Государственной Библиотеки Берлина. Немного ранее благодарностями отозвались другие европейские и американские библиотеки, в том числе знаменитая Бодлеанская Библиотека, находящаяся в Оксфорде. Книги, созданные с таким трудом, что теперь удивляет меня,* обрели свое место в библиотеках, о которых я когда-то даже не мечтала. *Без Артёма я уже не нашла бы сил преодолевать препятствия, казавшиеся непреодолимыми.*

Еще большей радостью, чем письма, стал очередной звонок Артёма. Мы договорились о встрече и 28-го увиделись, в магазине близ нашего двора. Артём был тихим и радостным, Коля – как всегда

* Подготовительные штудии, например, продолжались иногда по тридцать часов, с небольшими перерывами.

невозмутимым. Я вручила им одинаковые подарочные пакетики со сладостями и елочными шарам. Коля растерялся и взял молча, Артём с признательной улыбкой прошептал «спасибо», после чего с живейшим интересом сунул нос в пакет Коли. «Все одинаковое», – сказала я, и он успокоился.

У меня был с собой сигнальный экземпляр “Crystals of Pain.” Сначала я показала в нем репродукцию второго портрета.

– Непохож, – заметил Артём, любуясь.

– Да, получился лет шестнадцати, – согласилась я и дала прочитать одно из посвященных ему стихотворений. Артём вцепился в книгу и принялся читать – вдумчиво и жадно. Закончив чтение, он с растроганной улыбкой провел пальчиком по своему имени над стихотворением* – медленно и осторожно, как будто боясь стереть.

– А мне стихотворения нет, – с шутливым сожалением протянул Коля.

– Есть, но на английском, – ответила я, не желая обижать его. Артём подержал книгу еще немного и вернул с задумчиво-растроганной улыбкой. Затем по-хозяйски нагреб со стола кучку реклам и предложил перейти в наш двор. Там он разложил рекламки на заснеженной скамейке под сияющей инеем березой, и, удобно усевшись, пригласил нас:

* Позднее я заменила полное имя на букву «А.»: книга была отдана в печать во время размолвки с Артёмом. Из-за того, что адресат посвящений был обозначен «А.» в том сборнике, я для ясности так же обозначила его в последующем. Сожалею, что в тех книгах не поставила его полное имя.

«Присаживайтесь!» Было – 12° С, и мы остались стоять.

Комар достал упаковку глюкозы и, выковыряв одну таблетку, поинтересовался, общаюсь ли я с тем Юрой. * Я сказала, что мы больше не общаемся, потому что Юра «много сочиняет». Комар с облегчением встал и спросил о подробностях. Я вкратце объяснила, что Юра дважды отменял встречи под благовидными предложениями. Комару захотелось написать ему что-нибудь в социальной сети.

– А лучше давай мы ему наkostenяем! – предложил он, вдохновенно потирая маленькие лапки в черных перчатках. Я вежливо отклонила любезное предложение.

– А на днях я познакомилась с одним примечательным человеком... – начала я. Комар насторожился: еще кто-то у меня завелся!

– Это поэт (Комар подтянулся почтительно), нейрохирург (мой собеседник пришел в некоторое замешательство от незнакомого понятия), врач «скорой помощи»...

В глазах мальчика отобразился ужас:

– Как же ты с ним познакомилась?!

И я рассказала, опять-таки вкратце, как мой отец, с которым мы жили, будто соседи, разгневавшись на меня за то, что я, разговаривая с мамой, могла побеспокоить его сорокапятилетнего сына (смотревшего телевизор), ударил меня наотмашь,

* Это был мальчик одиннадцати лет, с которым я случайно познакомилась осенью 2014 г. Он оказался смышленным, и я в течение нескольких недель изредка навещала его, привозя книжки, монетки и сладости. Артём думал, что Юра его ровесник.

и я, падая, ушиблась виском. Артём встал рядом со мной, почти вплотную, и, опустив голову, погрузился в мрачное молчание. Здесь не скажешь: «Давай накостыляем!»

В конце встречи ребята проводили меня до остановки. Пока я ждала транспорт, Артём еще немного поговорил со мной. «На чем поедешь?» – спросил он. «На троллейбусе». – «В троллейбусах холодно. Поезжай лучше на десятом автобусе: там тепло...»

Следующая встреча была в первый день нового 2015 года, в 13 часов. Я поинтересовалась, как мальчишки провели праздник. Оба сморщились.

– А ты? – спросил меня Артём.

– Нескверно! – весело усмехнулась я. – Как всегда: без гостей, без стола, без подарков. Дешево и безвредно.

Затем я вручила им одинаковые открытки, сделанные мною для них. На открытках была изображена моя фиолетовая мишура с розовыми елочными шарами и медным подсвечником XIX века. Картинки были подписаны художественным шрифтом: «Артёму на Новый 2015 год» и «Коле на Новый 2015 год». Коля долго и молча рассматривал подарок. Комар поблагодарил и, осыпав меня вопросами по открытке, убрал ее в карман.

– А больше ничего нет? – поинтересовался он.

– Нет, – вздохнула я. – Хотела принести вам сладенького, но, думаю, вы сытые.

По выражению Комариной мордочки было видно, что он так не думал.

Мы немного поговорили, и Коля заторопил Артёма. На прощание я поцеловала Артёма в пра-

вую щеку – мягкую и прохладную, увидев на мгновение его широкую радостную улыбку и взгляд, обращенный на Колю.

После я отправилась на остановку. По дороге ко мне присоединилась мама. Зачем-то оглянувшись, я обнаружила, что за нами следуют Комар и Коля. Они нередко так провожали меня: это было игрой Комара. Мы с мамой намеренно направились в Городской сад. Однако там мальчишки исчезли, и мы, напрасно поблуждав в их поисках, пошли обратно.

По дороге маме в капюшон влетел снежок. Мы обернулись и увидели Комара и Колю, шмыгающих за крыльцо магазина. Мы весело рассмеялись и пошли дальше. Завернув за угол старинного трехэтажного дома, мы остановились и, заготовив по снежку, стали ждать. Мальчишки не появлялись. Мама осторожно выглянула из-за угла. На нее осторожно выглянул Комар со снежком. Обменявшись снежками, мы все направились дальше (мальчишки по-прежнему позади). Пройдя один квартал – до начала улицы, по которой я ходила в наш двор, я оглянулась, ожидая, что ребята последуют за нами. Они были на другой стороне улицы.

– Пока! – звонко крикнул Комарик, махнув мне рукой.

Комар принимает подарки

5 января у Коли был день рождения. За два дня до того я провела несколько часов в поисках по-

дарков. Если бы мне предстояло сделать подарок Артёму, это не составило бы труда, но что подарить Коле, которого я знала меньше? В конце концов, я купила ему шоколадку, пачку печенья и фонарик. Все это я тщательно упаковала в золотую бумагу. Чтобы Артём не оставался ни с чем, я подготовила ему его любимый шоколад и пачку такого же печенья, как для Коли, и завернула подарки в фольгу за неимением лучшего. Фонарик не додала: все-таки праздник был не у него.

Мы встретились накануне дня рождения, в том же дворе. Комар прямым ходом направился ко мне в предвкушении интересных событий. Я неторопливо вытащила золотой сверток и подала Коле. Тот принял молча, с некоторым задумчивым удивлением. Затем последовал подарок Артёму.

– Спасибо! – радостно сказал довольный Комарик, ухватив сверток обеими лапками, и тотчас принялся разворачивать его – на ощупь, так как все его внимание сосредоточилось на подарке для Коли. Коля неспешно и по-прежнему молча распаковал свой сверток, аккуратно отложил обертку, изучил фонарик, убрал его в карман и, взяв в каждую руку оставшееся, принялся рассматривать. Комар не глядя отогнул последний лист фольги и, оторвавшись от созерцания, обратился к своему подарку.

– Ух ты, мой любимый шоколадик! – воскликнул он и засунул плитку под мышку. – И еще печенье! – добавил Комарик удовлетворенно и отправил пачку в бездонный карман, после чего вдруг посерьезнел и принялся перебирать пустые листки.

– А где мой фонарик?! – Комар выронил фольгу из рук и уставился на Колю с видом обнаружившего пропажу. Коля не слушал, глядя на свой подарок.

Недостачу следовало возместить, поэтому Комар, оживившись от осенившей его идеи, ловко выхватил шоколад из руки Коли со словами «Такого я не ел» и засунул под другую подмышку. Коля остался стоять в молчаливом негодовании. Комар, не обращая на него внимания, развернул свою плитку, откусил пару кусочков и с выражением наслаждения обратил свой взор на печенье, все еще покоившееся в руке Коли. Не успел Коля и глазом моргнуть, как оно сгнуло в другом бездонном кармане. И Коля заговорил.

– Отдай обратно! – вполголоса произнес он, красный от возмущения, но совершенно неподвижный. – Отдай мое обратно, гад!

«Гад» не слушал, увлекшись поглощением своего шоколадика.

– Отдай, сволочь! – продолжал шипеть Коля, гневно взирая на «обидчика».

– Сейчас откушу твоей шоколадки и отдам, – миролюбиво отозвался Комар, начиная открывать ее.

– Отдай немедленно! – негодовал Коля.

– Сейчас, сейчас... – Комар развернул плитку, аккуратно отгрыз маленький кусочек и протянул шоколад Коле.

– Да чтоб ты подавился! – рывкнул тот, по-прежнему не двигаясь. Игривость Комара исчезла.

– На, подавись! – обиженно воскликнул он и возмущенно бросил плитку в Колю.

– Пойдем поговорим, – сдерживая гнев, процедил Коля и двинулся прочь. Комар в растерянности взглянул на меня.

– А я только вчера подумала: «Надо же, ни разу не поругались!» – сказала я с невольной усмешкой, и Комар бросился вслед за Колей.

Не знаю, что́ они говорили. Голос Комара звенел на весь соседний двор: он явно отстаивал свою правоту. Я, подождав несколько минут, позвонила ему:

– Ну что?

– Коля говорит, чтобы ты купила ему другую шоколадку, – спокойно доложил Комар.

– Пусть мама ему покупает, – отрезала я. – Порошок твой Коля. Ты играешь, а он шуток не понимает.

Вскоре оба вернулись, и Комар, как ни в чем не бывало, воззрился на меня в ожидании новых приятностей. При этом он продолжал зажевывать свой шоколадик – так, что обе щеки были толсты от запасиков за ними, мордочка была розовая и неописуемо довольная, глазенки сияли. Коля, с виноватым видом, остановился чуть поодаль. Подарки Тёма вернул ему: как, конечно, и собирался.

У меня был сигнальный экземпляр альбома художественных фотографий, сделанных мною на старинном польском кладбище в Гродно, но начался снег, и я не хотела вынимать книгу из сумки.

– Покажи! – попросил Комар, стоя со сложенными на животе лапками. Я достала книгу.

– Твоя? – уточнил Коля.

– Да.

Я быстро пролистала ее перед Комаром:

– Посмотрите, когда будет хорошая погода.

Комар хотел посмотреть сейчас.

Убрав книгу, я нерешительно подала Комару сложенный листок с моим новым стихотворением для него:

– Прочитаешь без меня.

Он положил листок в карман и объявил, что

они уходят. Я не возражала. Комар отошел на несколько шагов и вытащил стихотворение.

– Потом! – я в ужасе бросилась к нему. Комар с загадочной улыбкой отошел подальше и развернул листок.

– Артём, не будь злыдней! Потом прочитаешь! – отчаянно пицала я, пытаясь остановить его, но это было бесполезно.

– Такого в школе не напишут, – вполголоса заметил довольный Комар и, отойдя под березу, встал горделиво и принялся читать вслух:

Упрямый восхитительный мальчик,
Встретившийся мне на пути одиночества...

Видеть этого «восхитительного мальчика» читающим мою оду было для меня невыносимо. В тишине моей комнаты, среди книг и портретов, стихи были серьезны, важны, значимы, но в лапках веселого Комарика они казались смешными. Я чувствовала себя, как школьник, у которого отобрали любовную записку.

Дочитывал Комар про себя, вдумчиво и медленно. Закончив, он сложил листок, убрал его в карман и взглянул на Колю торжествующе:

– А тебе такого нет!

Затем на меня, счастливо:

– Здорово!

Он помолчал, смакуя впечатление, и повторил восхищенно:

– Здорово!

А потом взял большой комок подтаявшего снега, слепил внушительный снежок и радостно

запустил им в Колю. Так мы начали играть в снежки.

После игры Комар махнул мне лапкой и, позвав за собой Колю, направился прочь. Я пошла на остановку.

Через пару минут рядом со мной упал снежок. Оглянувшись, я увидела веселую мордочку Комара, прячущегося за припаркованную машину. Я направилась в Городской сад, рассчитывая поиграть там с мальчишками в снежки и еще немного поговорить.

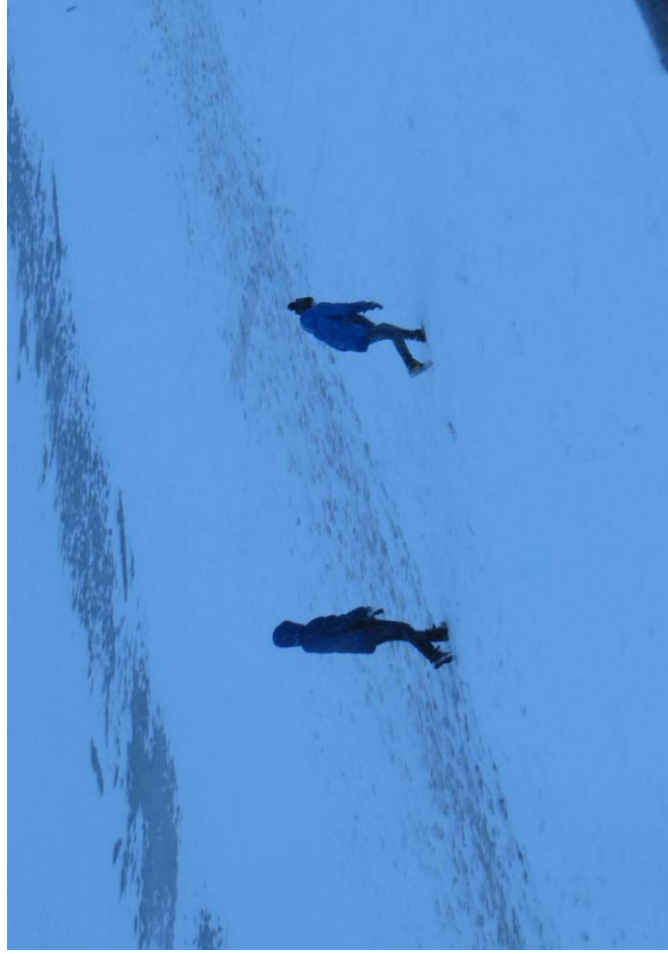
В Саду ребята скрылись, и только спустя четверть часа я обнаружила их на берегу, где они прятались за сугробом. Я, стоя на возвышении, решила запечатлеть их на видео. Они заметили это и нашли новую забаву в том, что принялись перемещаться за сугробом, пригнувшись, как в траншее – так, что только синие помпоны были видны.

Я с удовольствием наблюдала через камеру за передвижениями помпонов. Они прошли в одну сторону, развернулись, прокрались в другую, остановились, потом двинулись обратно и, пройдя немного, замерли. Тут в кадре возник какой-то толстяк с невероятным пузом и неспешно прошествовал мимо сугроба. Из-за сугроба выглянули заинтересованные мордочки и дружно проводили толстяка удивленным взглядом.

Потом мальчишки выбрались из укрытия, и мы поиграли в снежки. В конце, направляясь к выходу из Горсада, я спросила Артёма:

– Когда встретимся в следующий раз?

– Не знаю, – ответил он и вскочил на основание фонаря – куб высотой в полметра, где, ухватившись одной рукой за фонарный столб, принялся

Комар (впереди) и Коля вылезли из снежной "траншеи" и идут в Горсад.
4 января 2015 г. Фото автора

Комар (впереди) и Коля. Вдоль замерзшей Волги в Горсад, 4 января 2015 г. Фото автора.

легко крутиться.

– Хотя бы примерно? – я бездумно вскочила с другой стороны и, обхватив столб, тоже принялась крутиться.

– Седьмого, – Артём прыгнул на землю.

– Идет! – я тоже прыгнула. Кто еще из поэтов взбирался на фонарные столбы?

После мы немного прошли вместе по улице (Коля – между нами). Напротив старинного собора Артём вынырнул ко мне из-за друга, с сияющей улыбкой обнял меня за плечи и, радостный, зашепел прочь, заставив Колю топать следом.

«Прощай, мой друг!»

7 января Артём сообщил по телефону, что они не смогут прийти, и попросил не звонить ему на другой день.

На следующий день он позвонил сам, но я спала. На звонок ответила мама, объяснив, что я сплю. «Тогда потом», – сказал Артём.

9-го он опять отказался приходить на встречу. Я попробовала заманить его шоколадом – безуспешно. Тогда я пригрозила, что, если он не придет, я перестану общаться с ним:

– Мне дают целый список таких, как ты.

Артём ахнул:

– Какой список?! Кто дает?!

Я не ответила. Артём замолчал ошарашенно. Я повторила приглашение и попрощалась. Никто не давал мне никакого списка: я пыталась подействовать на Артёма, чтобы он пришел. И преуспела...

15 января я еще раз позвонила Артёму в надежде договориться о встрече. Вызов не прошел, и я решила, что у него нет денег на телефоне. Я положила ему сто рублей. Через два дня набрала его номер, но вызов по-прежнему не проходил.

Несколько дней я пыталась дозвониться до Артёма, а потом написала ему в социальной сети: «Сообщи, пожалуйста, что у тебя с телефоном. Тебе были положены сто рублей, так как я думала, что закончились деньги на счету. А может быть, телефон сломан и нужен новый?» На следующий день – обиженное: «Поменял симку, чтобы ты не звонила». Я в ответ – шутливо: «А я думала, что телефон сломан; хотела подарить новый». Комар, не прочитав моего сообщения, надолго исчез из сети, что было для него необычно.

Я время от времени проверяла, не появился ли он. В очередной раз зайдя на его страницу и не обнаружив его, я подумала в тревоге: «Может быть, что-то случилось?» – и перешла на страницу Коли, надеясь найти там ответ на свой вопрос.

На странице Коли значилось крупным шрифтом: «Прощай, мой друг! Покойся с миром». Я так и обмерла. Артём умер?! Как?!. В голове пронеслись мысли о последней встрече, о безуспешных попытках увидеться и – с горчайшим сожалением – о моей угрозе прекратить общение.

Ошеломленная чудовищной вестью, я медленно и бездумно прокрутила страницу Коли. После записей о видеоиграх и его собственных фотографий на меня глянула мордочка морской свинки. Над ее изображением стояло: «Прощай, мой друг! Я люблю тебя».

А Комар появился на следующий день. От «но-

вого телефона» отказался шуткой. Я рассказала ему историю о том, как он «преставился». Впоследствии мы трое веселились, вспоминая этот случай. Комарик смеялся больше всех. Что могло быть смешнее в своей нелепости, чем его смерть?..

Комар откликался мне в соцсети, но приходить на встречи по-прежнему отказывался. Мне было очень скучно без него, и я возобновила поиски.

Уничтожение противника

Поиски оказались безнадежными, и я неохотно вернулась к И., с которым познакомилась еще в сентябре. Это был ровесник Артёма и полная противоположность ему. Тихий и скованный, он что-то читал, собирал монеты и решал логические задачки.

Первая встреча с ним, в сентябре во дворе его дома, произвела на меня удручающее впечатление. И. робко стоял передо мной, съежившись и потупив взор, на вопросы отвечал шепотом, а когда я предложила ему пройтись немного вдоль дома, двинулся с такой скованностью, словно что-то мешало ему идти. Казалось, что в этом странном создании застыли все жизненные токи. Общаться с ним было невозможно.

К январю он подрос и стал чуть увереннее, хотя мальчишеской живости в нем все равно не было. Меня он принял застенчиво, но радушно. На вопрос, приезжать ли еще, сказал «да». Я стала навещать его каждые два дня. Встречались у него дома. Мы довольно натянута разговаривали минут

десять о его увлечениях, после чего я с облегчением сбегала.

Через нескольких встреч робость И. немного прошла, и общаться стало легче. Я рассказывала ему забавные случаи из своей жизни, он вспоминал свои, мы беседовали о нумизматике, шахматах, книгах... И. был со мной мил и любезен, подарил пять монет и даже собирался сделать мне письменный стол.

Как постепенно выяснилось, в действительности он был высокомерен и капризен. Так, однажды, 31 января, я пригласила его с матерью ко мне домой. Посреди просмотра моих монет и гильз он вдруг замолчал и зашмыгал носом. Я встревожилась: «Что случилось?» Он молчал. «Скажи, что с тобой?» Он молчал. «Скажи, чтобы я не беспокоилась, иначе буду плохо себя чувствовать». Он молчал... Я так и осталась в неведении.

Если после встреч с Артёмом мне жить хотелось, то от общения с И. у меня поднималось давление, даже если встречи проходили хорошо. Было нечто подавляющее в этом странном существе, которое я не бросала только потому, что не виделась с Артёмом и очень скучала одна.

После того визита И. у меня опять было нехорошо с давлением. «Тёма, Тёма, если бы ты позвонил и пригласил на встречу!» – мысленно обращалась я к своему другу. В полдень 1 февраля, когда я мирно спала вот уже три часа, раздался звонок. «Ты сегодня придешь?» – послышался звонкий голос Комара. Конечно!

Мы встретились. Опять я в нашем дворе, опять со мной моя любимая «шпана», и не нужно ничто другое, никто другой. Коля приветливо улыбался,

Комар был серьезен и весь в ожидании: что у меня нового? На его левой щеке, близко к губам, розовела какая-то зажившая ссадина. Когда он на что-то широко улыбнулся, я увидела отсутствие зубика. Так вот что мешало ему приходить на встречи! А телефон, как я узнала от Коли, Комар разбил с досады после моих слов о «целом списке» соперников.

Первым делом я вручила Комару шоколадку. Он принял, рассмотрел и, вопреки своему обыкновению, произнес:

– О, я не люблю с изюмом. Это Коле, – и, вежливо подав ему плитку, покорно сложил лапки на коленях и устремил печальный взор в пространство.

Коля неторопливо развернул шоколад, отломил кусочек Комару, затем себе. Комар радостно принял «нелюбимый» шоколадик. Я, тем временем, начала рассказывать про И., надеясь, что Комар – его ровесник – сможет объяснить его странное поведение у меня в гостях.

Комар слушал ревниво, старательно поглощая кусочки, которые подавал ему Коля. Вдруг – звонок: И. «Мы сегодня не сможем встретиться», – объявляет он надменно-холодно. «Хорошо, тогда в другой раз», – отвечаю я спокойно и, обернувшись, вижу настороженный взгляд Комара. «До свидания», – вежливо говорю я в трубку и убираю телефон. «Это И.», – объясняю я и продолжаю рассказ. Комар хмуро рассасывает кусочки шоколада. Вдруг опять звонок: И. Он зачем-то повторяет свои слова – тем же надменно-холодным тоном. Я отвечаю, что я с Артёмом и потому не могу говорить. Через несколько минут раздаётся третий звонок...

– Дай-ка я поговорю с ним! – предлагает Комар, протягивая лапки за телефоном. Я рассеянно подаю ему трубку, зная, что он ничего хорошего не скажет, но я сама уже не хочу говорить И. ничего хорошего. Комар заводит беседу на удивление любезно:

– Привет! Это Комарик.

В трубке тишина. Он продолжает учтиво:

– А это И.?

В трубке тишина. Комар хмурит причесанные бровки:

– Алё!

По-прежнему тишина.

– Алё!!! – повторяет Комар настойчиво. И. чем-то отзывается. И Комар, со злорадно-уничтожающим выражением на бело-розовой мордочке, чуть испачканной возле губ шоколадом, начинает говорить – сначала тихо, потом все громче, в крещендо накопленного гнева:

– Так... значит... ты... с Кавецкой... общаешься?!

Комар набирает воздуха, а затем выражает все свое негодование в одном грозном рывканье:

– Ах ты, сволочь!!!

Я в ужасе протягиваю руки к телефону:

– Ой-ой-ой!

Комар возвращает мне телефон, недоуменно глядя на меня.

– Зачем же ты так? – задыхнувшись шепотом спрашиваю я. – Он же... хороший...

На ясном личике Комара отображается искреннее удивление.

После встречи я позвонила И., чтобы извиниться за Комара. «Да ничего, ничего...» – растерянно пробормотал тот, еще не придя в себя.

Встреча в метели

7 февраля И. затеял со мной переписку, чтобы обсудить общение. Прекращать его он не хотел, но досадить мне собирался. В ходе этого обсуждения я к слову написала о дружеских отношениях как таковых: «Для меня дружба – самая большая ценность». – «Я не понимаю этого», – был ответ. Я прекратила общение с И.

На следующий день в полусне – мысль: «Если бы позвонил Артём и пригласил на встречу!» Через час – звонок и приглашение: «Приезжай к часу!» – «К часу не получится. Давай к трем». В ответ – бесподобное, Комариное: «Хорошо, к трем. Только – пораньше!»

Приезжаю, иду к нашему двору. Издали вижу сквозь легкую пелену начинающейся метели две фигурки на углу тихой улицы. Подхожу. Артём идет мне навстречу: «У нас мало времени: нам позвонили, надо скоро уходить». Я бездумно отвечаю: «Ну и хорошо», – и направляюсь с ними в наш двор. Комар шествует рядом со мной: синяя курточка прямоугольником, обтягивающие джинсы, синяя шапка с большим помпоном; руки в карманах, личико бело-розовое, во всем облике – живейшее внимание. Коля следует за нами.

Мы с Комаром шутим насчет телефона, который я якобы хотела подарить ему.

– Зачем тебе телефон? – гудит Коля из-за спины. – Все равно бросишь во что-нибудь...

Потом Комар приближается почти вплотную к моему боку и выглядывает на меня с надеждой:

– А вкусненькое принесла?

Я хочу немного позабавиться и спрашиваю

его, зная ответ:

– А ты какой шоколад больше любишь – белый или клубничный?

– Клубничный, – отвечает Комар, предвкушая приятное.

– А у меня – только белый, – с нарочитым сожалением вздыхаю я.

– Ничего, и белый сгодится! – весело заверяет Комар. Я останавливаюсь посреди нашего двора и с удовольствием вручаю ему заготовленную плитку.

– Спасибо, – он бережно принимает подарок, аккуратно разворачивает и предлагает Коле. Тот отказывается. Комар приступает к неспешному – по маленькому кусочку – поглощению шоколадика, а я, тем временем, сообщаю, что рассталась с И. В осанке Комара появляется уверенность, как будто ноша с плеч спала. Затем я спрашиваю, какие у них новости, Комар рассказывает, после чего назначает встречу на следующее воскресенье и, сказав мне свое неповторимое «Пока, брат!», не очень охотно уходит.

К вечеру того дня я отправилась посмотреть новую армянскую церковь, выстроенную в центре города. В белой пелене поднявшейся метели – горделивая красно-кирпичная друза с кавказских гор. Внутри – полумрак, еще голые стены, много-много сложность апсид, сводчатая высота, пронзительный запах свежего кирпича, черный чугунный крест на стене возле двери. Я поставила тонкую желтую свечу в серый песок на поддоне перед крестом: «Пусть у нас с Артёмом все будет хорошо...» Больше ничто не шло на ум. Постояв немного, я

ушла в метель, оставив за собой слабое мерцание в гулкой пустоте незавершенного, но уже священного храма.

Живая поэзия

15 февраля – новая встреча с Комаром. Идем с мамой по пешеходной улице. Вдруг впереди, метрах в пятнадцати, из-за угла выныривают Комар и Коля и устремляются в том же направлении. Комар – в синей куртке, облегающих джинсах и темно-синей шапке с помпоном; Коля – в синей куртке в тонкую продольную черную полосу, черных брюках и желтой шапке (тоже с помпоном). У обоих руки в карманах, голова поднята, шествуют плечом к плечу. Прошу маму позвонить Коле (телефон у нее). Мама набирает. Тем временем, мальчишки достигают своего излюбленного кафе, возле которого я увидела их в первый раз. На звонок отвечает Комар.

– Здравствуй, дорогой! – шутливо приветствует его мама, издали наблюдая за ним.

– Здорóво! – бодро отвечает Комар в своей фамильярной манере и берется за ручку двери.

– Опять в «Чикен»?

Комар, приоткрыв дверь, замирает в изумлении:

– А как Вы узнали?!

Коля осматривается и замечает нас. Подходим. Клопы отходят от дверей к нам и здороваются. В глазах Комара читается некоторое переживание за предстоящий обед. Я отпускаю их в кафе.

– Хорошо, сегодня шоколадик не потребуется, – шучу я, глядя, как фигурки исчезают в дверях.

Пройдясь взад и вперед вдоль кафе, мы тоже заходим туда. Мальчишек не видно. Ждем. Через пять минут мимо нас быстрым шагом – чинный Коля, за ним – деловитый Комар, спешно набирающий мой номер на телефоне Коли (свой отремонтирован). Окликаем их. Клопы останавливаются у выхода. Подхожу. Комарик (пушистая прядь из-под шапки налево) смотрит на меня, как котенок на хозяина с пропитанием:

– Шоколадик принесла?

Я умиляюсь:

– Так вы же покушали!

– Да что-то не наелись, – отвечает находчивый Комар. Умилившись еще больше, я вручаю ему заготовленную плитку. Комарик хватает ее ловкой лапкой и, сказав: «Встретимся на старом месте», – скрывается за дверями.

На старом месте – ни души, только ветер взметает снег. Набираю Колю. «Неверно набран номер». Звоню маме:

– Позвони им, чтобы подходили. Если намерены играть, я уйду, у меня есть более важные дела.

Оборачиваюсь и вижу приближающегося Комарика. За ним следует Коля.

– На что ругаемся? – мило улыбается Комарик.

Мы становимся посреди двора (сидеть негде) и начинаем беседу.

– А куда ты торопишься? – любопытствует Комар.

– Поискать кого-нибудь, – отвечаю я, и это правда. Артёма я вижу редко и для того, чтобы не скучать без него, хочу найти еще какого-нибудь мальчика.

Комар заметно поникает:

– А где ты будешь искать?

Я называю гипермаркет, где бывают ребята с родителями.

– Ну, там... никого... не найдешь... – опустив голову, уныло тянет Комар, живо представив множество «соперников», снующих по гипермаркету. Потом спрашивает с пониманием:

– Тебе нас не хватает, да?

Я молчу. Клопы некоторое время тоже пребывают в молчании, после чего Комар объявляет:

– А фотографии у тебя во «ВКонтакте» отпадные.

Я, не поняв, вскипаю:

– Тебя тоже проволочки на зубах не украшают! (Их поставили ему в том феврале).

Комар замирает на мгновение, а затем бросает беззаботно:

– А мне это по барабану.

– Вот и я о своей внешности не волнуюсь, – парирую я. Воцаряется тишина. Клопы смотрят то друг на друга, то на меня. Мой взгляд останавливается на Коле.

– На тебя смотрит, – шепчет Комар, предполагая, что сейчас и тому достанется. Затем он осторожно заводит с Колей разговор о несуществующей «новой любви» последнего – для того, чтобы позабавить меня. Я отхожу равнодушно. Комар тотчас замечает это и оборачивается ко мне:

– Неинтересно с нами?

– Нет, – обиженно отвечаю я.

– Может, не будем общаться? – с опаской спрашивает Комар.

– Как хотите, – безразлично говорю я. Мне обидно, что ему «не понравились» мои фотографии: они были сделаны для него.

– Последнее слово за тобой, – повторяет Коля мою фразу, сказанную им в августе. Комар задумчиво делает несколько шагов прочь, потом разворачивается и решительно направляется ко мне.

– Как поживает Юран? – беззаботно интересуется он.

– Уже два месяца не общаюсь.

– Почему?

– Врет много.

– А я тоже тебе врал,* – говорит Комар.

– Я знаю, – откликаюсь я, удивляясь его черте соотносить чужие недостатки с собственными, как будто показывая, что он тоже несовершенен.

Смягчившись, я вынимаю из сумки сигнальный экземпляр своего сборника стихотворений, который показывала Комару перед Новым годом. Я хочу дать ему почитать другие стихи о нем. Комар тотчас оказывается у меня под боком: книги для него, «нечитающего», столь же привлекательны, как шоколад.

Я держу сборник в руках, а Комар, не узнав его, переводит название:

– «Кристаллы...» А про меня здесь есть?

– Да. Целых одиннадцать стихотворений, – и я показываю ему последнее из них, в котором благодарю его за присутствие в моей жизни. Комар ухватывает раскрытую книгу заснеженными перчатками и, стоя почти вплотную ко мне, приступает к чтению.

– Руки же мокрые! – замечаю я.

– Ничего, – отвечает он, не отрываясь от страни-

* О своем имени и Коли.

цы. Коля что-то шутит о посвящении, но мы не слушаем, и он удаляется на несколько метров.

– А для Коли есть что-нибудь? – спрашивает Комар по прочтении, продолжая держать книгу. Ему хочется, чтобы другу тоже было уделено внимание.

– Нет, – признаюсь я.

Комар снова утыкается в сборник, серьезно перечитывая стихотворение.

– А еще есть? – спрашивает он, закончив чтение.

– Есть. Почитаешь?

– Да! – с готовностью отвечает Комар.

И я показываю ему еще три стихотворения. Все читаются вслух и в упоении. Коля, подойдя, стоит возле Комара.

«Не могу, не хочу, я не знаю...» –

захлебываясь от восторга, читает Комар.

И мраморных щек – нежнейший овал.

Вскинув голову от страницы, он радостно смотрит на Колю. Я – на «нежнейший овал» в двадцати сантиметрах от моего лица. Любуюсь восхитительными мохнатыми черными ресничками. Когда же я, наконец, скажу ему, сколь они красивы?!

Ничтожный мальчишка, что не понимает... –

продолжает восхищенный Комар, ничуть не обиженный за несправедливое определение, –

Как значим ты мог быть и сколь же ты слаб

В своей торжествующей позе Давида!

– Давида!!! – в полном восторге восклицает он, сияя глазами и проволочками на Колю, который с завистливой снисходительностью взирает на него. Я на всякий случай поясню, что Давид – это бронзовая статуя работы Донателло, изображающая библейского персонажа в виде изящного мальчика. Вдруг Комар подумал про одноименную скульптуру Микеланджело?! Комар читает дальше:

Нет ничего – лишь образ твой, скрытый
В пламени боли, за которую – мгла.

Последние строки произносятся медленно и почти шепотом. Комар задумывается, а потом уважительно возвращает книгу.

Он чрезвычайно рад тому, что о нем написаны такие красивые строчки и что они в книге, которая поступит в крупные библиотеки.* Желая выразить свою радость, он валит невозмутимого Колю на землю и, усевшись верхом, принимается возиться с ним. Коля герметично упакован (он всегда герметично упакован в холодное время) и к тому же придавлен. Поэтому сейчас лежит заснеженным чурбанчиком и что-то гудит снисходительно. Когда Комар проказничает, Коля старается быть важным, как если бы он был гораздо старше.

Комар кладет комочек снега на важный нос Коли. Тот мотает головой, стряхивая: руки при-

* Теперь этот сборник в библиотеках Москвы, Оксфорда, Вашингтона и др. – 4 января 2018 г.

жаты Комаром. Комочек сваливается, но за ним появляется другой. Коля гудит, Комар смеется, и его звонкий смех раскатывается по пустому серому двору...

Наигравшись, они встают. Комарику хочется поговорить. Я рассказываю им свои сны про них. Комар стоит рядом со мной, Коля – чуть поодаль.

– Несколько дней назад приснился мне Коля, – говорю я. Клопы – все внимание. – Такой же, как на самом деле: та же куртка, та же шапка, все то же, только – ростом сантиметра два. А в спине – ключик. Повернешь, – он бежит.

Комар, глядя на Колю, заливается смехом, представляя его двухсантиметровым с ключиком в спине. Коля неуверенно улыбается.

– Весело так бежит у меня по столу, – продолжаю я. – А как завод кончится, останавливается. Я снова завожу его, и он опять бежит. Так я и забавлялась.

– Давай ключик поверну! – хохочет Комар, не сводя глаз с Коли. Я начинаю рассказывать другой сон:

– А ты приснился мне в виде букашки...

Теперь смеется Коля. Комар смотрит на меня настороженно с нерешительной улыбкой.

– В виде божьей коровки. Бегал у меня по рукам. Я подставляю тебе то одну руку, то другую, ты бегаешь, а я умиляюсь: «Нравится!»

Комар веселится. Я рассказываю третий сон:

– А недавно я во сне играла с вами в футбол. Причем была в команде противника. Комар стоял на воротах...

– На воротах? – недоуменно переспрашивает вратарь Комар, будто в действительности никогда там

не стоял.

– Да, вратарем был, – поясняю я.

– А я? – интересуется Коля.

– А ты – центральным нападающим. И вот я забиваю гол за голом, потому что Комар все пропускает мячи да пропускает...

Комару явно не по душе его плохая игра. Коля смеется.

– Но потом ты вдруг стал ловить мяч, и удача меня покинула.

Клопам понравился мой сон.

– Что еще расскажешь? – спрашивает Комар, потирая лапки.

– Да, расскажи что-нибудь! – поддерживает его Коля.

– С удовольствием рассказала бы, – отвечаю я, – только все мысли разлетелись. Что-то еще было, но вылетело.

– Наверное, где-то в голове дырка, – дружелюбно шутит Коля, – через нее все и вылетает.

Комар, помня мою обиду за фотографии, вдруг сердито наступает на него:

– У тебя самого кое-где дырка!

Коля шутливо парирует. Комар опять затевает возню с ним, после чего объявляет:

– Ну, мы пойдем, – и оба направляются прочь. Комар явно надеется на прощальное объятие. Я окликаю его:

– Давай еще немного поговорим!

Он с готовностью соглашается и усаживается на низкое железное ограждение на краю двора.

– Что у вас интересного?

Комар начинает рассказывать – со скоростью и последовательностью динамика, который быстро

переключают с волны на волну:

– «Зенит» против «Локомотива» 4:2... А сейчас пойдем на хоккей... А Коля подрался с двумя пацанами... А вот у него был хомяк... А я хочу собачку завести, назову ее Колей...

Вспоминает мои сны:

– Дай-ка ключик поверну! – и смеется. – А я летать умею! – это про себя в образе божьей коровки.

Мы с Колей смотрим на увлеченный «динамик»: он – с настороженной улыбкой, я – с умиленной. Мне нравится его веселость. Наконец, «динамик» замолкает, и мы прощаемся до 23 февраля.

Сладкоежка

8 марта я получила по СМС красивое поздравление в стихах, отправленное с незнакомого номера. Я поблагодарила и спросила, кто отправитель. Мне ответили: «Жанна». У меня не было знакомых с таким именем, и я, поразмыслив, сочла, что кто-то ошибся номером. Позже выяснилось, что таинственной Жанной был мой Тёмик.

Через пару дней мы снова встретились. Комар предварительно позвонил и вежливо попросил принести им две шоколадки и чипсы. В воспитательных целях я пренебрегла его просьбой и захватила по большой конфете. Их я и вручила первым делом, начав с Коли. Тот принял конфету молча и равнодушно. Комар радостно взял свою, но тотчас вспомнил о просьбе.

– И это все?! – с нарочитым изумлением воскликнул он, взирая на меня огромными «голодными» глазенками. – А шоколадка?

– Не было хороших, – сочинила я.

– А чипсы? – продолжал Комар, глядя на меня и на ощупь разворачивая конфету.

– Они вредные, – наставительно ответила я. – С таким же успехом можно было бы принести крысиный яд.

– Ну и пусть крысиный яд, я чипсов хочу, – Комар сделал вид, что обиделся, и откусил конфету. Коля, тем временем, сосредоточенно и понемногу поглощал свою. Комар, откусив еще, опять вспомнил о шоколадках и произнес патетически:

– Не хочу я такой маленькой конфеты!

– Не хочешь? – спросила я, улыбаясь и протягивая руку. – Тогда давай сюда!

Комар вернул конфету и уныло уставился в пространство.

– Может быть, Коля желает? – предложила я. Комарик играючи выхватил конфету у меня из рук:

– Я съем! – и умял остаток. Коля, откусив еще от своей конфеты, равнодушно отдал оставшееся Комару. Он не очень любил сладкое – в отличие от Тёмы, который был невероятным сладкоежкой, над чем и сам шутил – как, например, сейчас.

Затем мы забавлялись. Ребята были веселы и беззаботны. Мы много смеялись, Комар время от времени бросался в меня маленькими комочками мокрого снега или же засовывал такие комочки за шиворот Коле, который снисходительно сносил все шалости своего друга. Улучив момент, я опустила крошечный снежок за ворот Комара, когда

он сидел на скамейке. Комар поначалу ничего не заметил. Потом вдруг съезжился, вобрал голову в плечи и, пригнувшись к коленям, сдавленно проговорил: «Ой-ой-ой, мне туда что-то положили! Ой-ой-ой!» Ему явно хотелось выскочить вон из шкурки, но он крепился и, съезжившись, принялся медленно выковыривать из-под воротника комочки тающего снега.

После мы беседовали. Комар поинтересовался, что я буду делать летом.

– Поеду в Гродно или Владикавказ.

– Нам будет без тебя скучно, – произнес Комар, опустив голову. – А в Гродно опять будешь ходить на кладбище?

– На кладбище, – ответил за меня Коля.

– Только смотри... в склеп не провались, – пробормотал Комар, не поднимая головы. – Не надо.

Он сидел на скамейке, я перед ним – на корточках, подтянув одну ногу к груди. Опять разыгравшись, он схватил меня за руки и держал некоторое время.

– Молодец, руки мне погрел, – сказала я, не высвобождаясь. Артём зажал их между своих теплых колен и сидел так с пол-минуты, счастливый.

Однако его не покидало беспокойство о том, что кто-то другой может быть на его месте, и он спросил с беззаботным видом, отпуская меня:

– А как поживают те, другие?

– Кто? – не поняла я.

– И.

– Не знаю, – честно ответила я.

– А Юра? – поинтересовался Коля.

– Вы общаетесь? – добавил Артём.

– Нет, – успокоила я его. – Мы давно попроща-

лись, – и с улыбкой заметила что-то про его тревогу о «соперниках».

– Да не соперники они мне, – уверенно сказал Артём и повторил подчеркнуто:

– Не соперники.

Как показал мой дальнейший опыт общения с подростками, с Артёмом действительно никто не мог сравниться. Других мне приходилось искать, чтобы меньше скучать по Артёму: у нас не было возможности видаться так часто, как хотелось. Мне было трудно провести без него даже неделю, я стремилась к нему, как из темноты стремятся на свет; а наш двор с березой, скамейкой и домиком был для меня самым уютным местом – даже в метель или дождь. Только там, только с моим Комариком – веселым сорванцом – мне было хорошо. Только так я ощущала себя живой, а не тенью, напрасно стучащейся в мир живущих. И я, и Тёма были живыми – непреходяще живыми, как если бы в нашей дружбе, созданной поверх всех преград, было начало Бесконечности.

Когда мы не виделись, мне не хватало моего Комарика – как дыхания. И я искала кого-то, и всякий раз натывалась на чуждых, и отворачивалась в досаде. Знакомств с его сверстниками было около полусотни, но никто не был равен Артёму, никто не обладал такой же открытостью, живостью, любознательностью, жизнерадостностью, а самое главное – способностью к дружбе и потребностью в ней. Артём был *настоящим* – настоящим мальчиком, настоящим человеком. Все прочие мои знакомые (не только подростки, но и взрослые) выглядели фальшивыми по сравнению с ним. В 2016 году Артём завел канал на Ютубе, где

поместил точную заставку: среди множества угрюмых смайлов – один приветливый. Таким был он сам в этом сером и неприязненном обществе.

Что до Коли, то он являлся для меня дополнением к Артёму, всегда оставаясь поодаль. Как я ни старалась приблизить его, расстояние между нами не сократилось. Причиной было несходство характеров и отсутствие у него привязанности ко мне. Меня и Колю соединял Артём. Без Артёма я осталась бы с Колей после первой же встречи.

Другие знакомства не принесли мне ничего, кроме возможности яснее увидеть достоинства Артёма. Как я шутливо отмечала про себя, с каждой неудачной попыткой его пьедестал становился все выше. И он заслужил этот пьедестал – моей привязанности и восхищения, заслужил своей верной и терпеливой дружбой. За беззаботной поверхностью нашего общения скрывалась редкая глубина взаимопонимания и духовного родства. Все остальные люди в моей жизни были мне чужды.

В тот день, о котором я начала рассказывать выше, мы провели вместе двадцать пять минут, после чего клопы заспешили. Попрощавшись, мы пошли в одном направлении, к магазину, где я должна была встретиться с мамой. Она ждала меня на улице. По дороге клопы обогнали меня. Комар решительно направился к маме, подал руку и, ухватив мамину, представился шутливо:
– Каха!

Мама рассмеялась. Комар отпустил ее руку и, оглянувшись на меня, вежливо спросил у мамы:
– А у Вас есть тридцать рублей?

В воспитательных целях мама ответила, что

нет. Расшалившийся Комар еще раз взглянул на меня. Должно быть, у меня было очень «воспитательное» выражение, так как улыбка сбежала у него с лица, и он молча устремился с Колей в магазин. А мы с мамой неспешно пошли по направлению к остановке.

Не успели мы пройти и двадцати шагов, как позади зазвенел голос Комара:

– Подождите!

Мы оглянулись. Комар подбежал к нам.

– Дайте Тёмику тридцать рублей! – попросил он умильно. Ему не хватало имеющихся денег на два пирожка с вареньем.

– Не дадим, – отказали мы воспитательно, смеясь на милого «попрошайку», и направились дальше. Клопы двинулись следом, прячась за припаркованными машинами и побрасывая снежки в нашу сторону. По дороге мы вспомнили, что неподалеку продается мед, который разрешается бесплатно пробовать. Угостить клопов бесплатным медом было хорошей идеей, и мы сообщили о ней им по телефону. Клопы зашагали веселее. На подходе к магазину с медом они прибавили шаг (Комар – отчаянно топая новыми большими кроссовками), обогнали нас и, наконец, нырнули в магазин. Мы вошли следом. Клопы уже нашли искомое и, запасаясь кучкой разовых ложек, принялись пробовать. Баночек с разнообразными сортами меда было много, и пробовали они долго. Мама съела кусочек меда в сотах, и мы, попрощавшись с клопами, вышли. Клопы – следом. «Насытились, – подумала я. – Или, скорее, пресытились». Клопы нагнали нас.

– Дайте тридцать рублей! – попросил Комар. – Я

эклер хочу!

Беспокоясь о Комарином здравии, я отказала. Он продолжал мило упрашивать.

– Избыток сладкого ведет к диабету, – наставительно сказала я. Коля поддержал меня.

– Но ведь в меде нет сахара! – возразил Комар.

– Зато в эклере могут быть вредные бактерии, – заметила я, чтобы успокоить сладкоежку.

– Да, – согласился Коля, – они водятся в некачественном креме.

Комар был неустрашим:

– Ну и пусть бактерии! Я эклер хочу.

Так разговаривая, мы шли по улице, пока не поравнялись с магазином, где продавались сладости. Он был расположен на другой стороне улицы. Комар шутливо потянул маму за рукав:

– Купите мне эклер!

Та лишь рассмеялась. Тогда он ухватил за руку меня и весело повлек за собой:

– Пойдем купим!

Я позволила тянуть себя до края тротуара, где, не видя никакой опасности, вдруг дернула увлекшегося Артёма за руку к себе:

– Куда же ты под машину!..

В ту же минуту мимо промчался на скорости черный «Форд»...

Все это еще происходило, но – странное дело – я словно наблюдала со стороны, откуда-то из будущего. Невозмутимый Коля за спиной, мама на отдалении, маленький Артём передо мной, мой рывок за его локоть, его рука в моих ладонях, черная машина – мимо... «Однажды не будет ни Артёма, ни веселья – только эта дорога...» – почему-то подумала я.

Расставание и примирение

Мой веселый сладкоежка так и не получил эклер, на что ничуть не обиделся.

Следующая встреча была 22 марта, в прихожей магазина близ нашего двора. Я вручила Комару четыре шоколадных батончика (каждый весом 50 гр.), а Коле – печенье. Комар радостно принял пропитание и деловито рассовал его по карманам куртки, при этом сломав змейку на одном кармане. Я попыталась починить ее, но мои попытки успехом не увенчались, и я посоветовала Комару вшить новую. Затем мы беседовали. Комар расспрашивал меня о моей жизни, одновременно аккуратно и с увлечением подъедая батончики, тогда как степенный Коля неспешно жевал печенье и вместе с тем исправно выполнял роль швейцара, открывая дверь для всех проходящих (чтобы не мешкались и не мешали).

Когда 180 граммов шоколада были успешно съедены, Комар растерянно посмотрел на оставшиеся два кусочка: больше не влезало, а обертку он выбросил и потому не мог убрать остаток в карман. Он предложил шоколад мне. Я отказалась. Комар обратился к Коле. Тот тоже не стал доедать, и Комар, скрепя сердце, бросил оставшееся в урну.

После я показала ему иностранные монеты, приобретенные в тот день для моей коллекции, а также пирит, подаренный мне директором местного геологического музея. Артём долго рассматривал камень, мерцавший золотом в лучах заката. Потом мы с ним попрощались за руку и расстались.

Через девять дней произошло недоразумение,

которое едва не положило конец нашей дружбе.

На моей странице в социальной сети появился новый знакомый. Комарик быстро обнаружил его и письменно обрушился на меня с великолепной речью, стремясь во что бы то ни стало избавить меня от своего «соперника». Мне не понравилась такая пылкость, и я объявила, что прекращаю общение. Такого поворота мой маленький Отелло не ожидал.

Мы оба замолчали: Комарик – от растерянности, я – из негодования. Удивительно, что я, при своей страсти доходить во всем до сути, возмущалась запальчивыми сообщениями, не понимая их причины. Артём боялся потерять нашу дружбу: разве это могло быть поводом для недовольства?

Несмотря на то, что я объявила о прекращении общения, я продолжала хранить чипсы и шоколад, которые Артём попросил на последней встрече: на случай, если он вернется. Однако он поверил, что я больше не хочу общаться с ним, и не напоминал о себе.

Так прошло почти два месяца. Однажды в мае я просматривала номера на своем телефоне и ради интереса нажала вызов Артёму – на тот самый номер, который не отвечал с января. К моему удивлению, вызов прошел. Я отключилась. Вскоре Артём спросил меня в соцсети, зачем я звонила. Я ответила, что проверяла, работает ли его телефон.

Комар был рад возможности примирения. Он позвонил мне два раза, но я не услышала. Отозвалась только на третий звонок.

– Ты можешь прийти сегодня? – осторожно спросил Комар после приветствия.

– Нет, Тёма, – ответила я со вздохом, – сегодня я

занята.

– Ну хотя бы на полчаса! – умоляюще произнес Тёма.

Так просить было для него несвойственно, и я согласилась. Комар снова стал Комаром.

– Только чипсы не забудь! – трогательно напомнил он. – И шоколадку.

И вот опять – тихий солнечный двор, шелест березы и оживленно-заинтересованный Комар, в прошлогодних серо-синей футболке и облегающих джинсовых шортах до колена. Волосы его, довольно длинные, были аккуратно подстрижены и зачесаны набок. На сей раз они имели естественный светло-русый цвет. Рядом с Комаром, как всегда, молчаливо присутствовал Коля.

Мы с Комаром забрались в домик, Коля остался стоять снаружи, у окна.

– Как жизнь? – спросил Комар, сидя напротив меня.

– Хорошо, – ответила я и добавила, желая порадовать его:

– Даже очень хорошо.

Эффект получился обратным. Комар решил, что, если у меня все «очень хорошо», значит, я нашла ему новых «соперников».

– Что нового? – с тревогой поинтересовался он, глядя в сторону.

– Сейчас расскажу, – спокойно ответила я, подавая ему чипсы.

– С солью?! – разочарованно воскликнул Комар, беря пакетик. – Я не люблю с солью, – и он передал чипсы Коле.

– Я тоже не большой любитель таких чипсов, – сказал Коля, взяв пакетик.

– Тогда – давайте сюда! – пошутила я, протягивая обе руки.

– Не-ет, я съем, – заверил Комар покладисто, не забирая, однако, пакетика у Коли.

Я отдала Комару шоколадку – его любимую клубничную.

– Я открою сейчас? – полувопросительно произнес он, готовясь разворачивать плитку. Я кивнула.

– Познакомилась с кем-нибудь? – обеспокоенно спросил Комар, аккуратно поглощая шоколадик. Я ответила отрицательно и заговорила о своих литературных делах:

– Тот сборник стихотворений, в котором одиннадцать посвящений тебе, недавно отправился в Варшаву, – сообщила я, довольная от возможности порадовать Комарика. Он, действительно, обрадовался: личико его просияло, и он, не находя слов, счастливо взглянул на Колю. Затем – на меня:

– А там так и написано «Артёму Кузнецову»?

– Нет, там написано «А.».

Сияние немного пригасло, но все равно Комарик был доволен.

– А вот твой портрет, – я достала из пакета свою ноябрьскую работу маслом и показала Комару. Он смотрел во все глаза. Потом взял картину обеими руками и внимательно рассмотрел с расстояния. Затем поставил ее на колено и, не отрываясь от созерцания, проговорил:

– Не очень похож.

– Конечно, ведь у меня не было подходящей фотографии. Поэтому лицо получилось немного иным. Зато ножки твои. И вообще фигурка.

Комар полюбовался еще и подал портрет мне. Ему было явно жаль возвращать его.

– А книгу, где про нас написано,* уже получила? – спросил Комарик.

– Пока нет, получу в июне сигнальный экземпляр.

– А там есть наши фотографии?

– Нет.

– Почему? – протянул Комар разочарованно.

– У меня нет ваших фотографий.

– У нас во «ВКонтакте» их много, – сказал Комар и поинтересовался:

– А Колю будешь снимать?

Он помнил, что я когда-то собиралась сделать снимок Коли, чтобы нарисовать его портрет.

– Но вы же не любите фотографироваться, – заметила я.

– Тогда я сам сниму его и пришлю тебе, – сказал Комар и, достав телефон, навел его на Колю. Ему хотелось, чтобы я нарисовала задуманный портрет его друга. Но Коля отвернулся и удалился на несколько метров. Комар убрал телефон и обратился ко мне.

– Что еще нового? – опять забеспокоился он. Я рассказала о своих книгах, которые недавно вышли в свет, о европейских библиотеках, куда они отправлялись, и других вещах. Комар, не веря, что причина моего хорошего настроения во всем этом, спросил прямо:

– Как с И.?

– Не общаюсь.

– А еще кого-нибудь нашла? – Комар сидел, как на иголках.

Я упомянула о незначительном знакомстве с

* Речь о «Комарике». Я собиралась издать эту книгу в 2015 г.

местным летчиком.

– С летчиком познакомилась! – изумленно повторил Комар, уставившись на Колю, сидевшего поодаль на детской качалке. Потом взглянул на меня и, борясь с ревностью, уточнил:

– Как же ты с ним познакомилась?

Я ответила, что мы случайно встретились в гипермаркете, и заверила Комара, что мы не общаемся, потому что у нас нет ничего общего. Комар успокоился.

Затем я показала ему свой недавно изданный фотоальбом, посвященный польскому кладбищу в Гродно. Сигнальный экземпляр этой книги я приносила Комару зимой. Комар с интересом открыл альбом, аккуратно потрогал мелованную бумагу, закрыл, понюхал обложку, снова открыл, полистал осторожно. Потом, закрыв книгу, молча и горделиво показал ее Коле, продолжавшему сидеть на качалке. Затем еще раз взглянул на обложку и уважительно вернул альбом мне. Я дала ему посмотреть сигнальный экземпляр биографии Донателло, переведенной мною с французского. Комар заинтересованно полистал его, после чего столь же горделиво показал Коле. Тот, должно быть, решил, что эти книги тоже о Комаре, так как внезапно сказал:

– Пойдем!

Комар опешил, но уступил.

– Когда встретимся в следующий раз? – спросила я.

– Летом, – ответил Комарик, выходя из домика в мягкое солнечное сияние. лето начиналось через четыре дня.

Попытки встретиться

Следующую встречу Комар назначил на 8 июня. Когда я пришла во двор, мальчишек там не оказалось. Комар сказал по телефону, что они не придут, и объяснил, что не мог предупредить об этом. Я уехала домой.

Только я вошла в комнату, озаренную оранжевым светом заходящего солнца, как раздался телефонный звонок. Звонил Комар.

– Не можешь ли ты сейчас подойти? – спросил он. Я решила, что он играет, и отказалась.

– Ну, пожалуйста! – умоляюще произнес Комар. – Хотя бы на десять минут!

– Я уже приезжала, но вас не было, – холодно ответила я.

– Мы не могли прийти, – объяснил Комар. – Приезжай, мы теперь придем!

Я была непреклонна:

– Не верю. Не поеду.

– Ну, пожалуйста! – продолжал упрашивать Комар и вдруг добавил задохнувшимся от волнения голосом, что очень привязался ко мне. Я весело рассмеялась от неожиданности.

– Ладно, подумаю, – сказала я и отключилась, не собираясь ехать. Так я хотела наказать Комара за то, что он не пришел вовремя: я не поверила его словам.

Через пять минут Комар позвонил опять.

– Ты приедешь? – спросил он с надеждой. Его настойчивость тронула меня, и я согласилась.

Я приехала точно в назначенное время: в 20.30. Во дворе никого не было. Я подождала две минуты и пошла прочь, чертыхаясь на Комариные

проказы.

Когда спустя семь минут я стояла на остановке, позвонил Комар:

– Ты где? – спросил он в некотором замешательстве.

– На остановке, – мрачно ответила я. – Если хотите, валяйте сюда.

Через три минуты клопы «привалили»: Коля в новой красной футболке на Комарином велосипеде и Комар – трусцой вдоль него. Комар был настоящим комаром: его прошлогодние облегающие джинсовые шорты дополняла подходящая футболка в широкую поперечную зеленоватую и серую полосу. На ногах у него были красно-серые кроссовочки, на голове – беспорядок после бега, на мордочке – свеженькие хорошенькие веснушки. Я умилилась и достала фотоаппарат снять его. Комар был в хорошем настроении оттого, что удалось встретиться, и теперь хотел поиграть.

– Нас снимают! – воскликнул он в нарочитом испуге и бросился за Колю, едва не опрокинув того с велосипеда. Спрятавшись за ним, Комар выглянул, весело улыбаясь мне. Так я и сняла его. Затем он натянул футболку на голову и, взяв у Коли велосипед для важности, неспешно направился ко мне.

– Привет! – сказал он из-под футболки, останавливаясь передо мной.

– Привет, – ответила я, нацелив на него объектив. Комар, продолжая игру, произнес шутливо:

– Не надо меня снимать, а то я фотоаппарат разобью.

– Тогда я тебе рожу разобью, – в шутку отозвалась я. Потом Комар спросил, что у меня нового. Мне

не хотелось ничего говорить: я обижалась на него за то, что он не пришел вовремя. Я не знала тогда, что он действительно не мог прийти.

Комар попытался заговорить о чем-то еще, но я молчала.

– А что была за идея? – вспомнил Комар. Он убрал футболку с лица и, держа велосипед за руль, стоял передо мной. Коля неспешно расхаживал поодаль.

Незадолго до встречи я вскользь написала Комару в соцсети, что у меня есть одна идея, но не рассказала, какая именно. Я хотела устроить его и Колю на археологические раскопки, а заодно поработать там сама, что было моим давним желанием. Сейчас я была не в настроении говорить об этом и бросила сердито:

– У меня одна идея – не общаться с вами.

– Почему? – удивился Комар, крепче ухватывая руль велосипеда.

– Пусть тебе Коля объяснит, – мрачно ответила я. Комар, предчувствуя дурное, перекинул ногу через раму и произнес опасно:

– Мы пойдем.

Я молчала. Комар нерешительно отъехал на пару метров и остановился.

– А что все-таки за идея? – опять спросил он со свойственным ему живейшим интересом, забыв о дурном предчувствии.

– Неважно, – отозвалась я.

– А что мне должен объяснить Коля?

– То, какой ты дурак.

Комар успокоился, сказал миролюбиво «Пока!» и устремился прочь, заставив Колю трусить следом.

Комар читает книгу о себе

Мы увиделись 22 июня, в девятом часу вечера. Солнце клонилось к горизонту, посторонних в нашем дворе не было, береза стояла неподвижно в тихом пространстве. Комар и Коля ждали меня на детской площадке, сидя на носу пластиковой машинки неподалеку от домика. У Коли опять были обновки: футболка травяного цвета и голубые кроссовки. На Комаре были те же прошлогодние джинсовые шорты, позапрошлогодня серая футболка с черной найковской галочкой на груди и красно-серые кроссовочки. Волосы его заметно отросли и мягко спадали на правую сторону лба и сзади на шею.

Я устроилась возле Комара. Он первым делом любопытствовал, какое пропитание я принесла. Но я в воспитательных целях решила пропустить денек.

– И шоколадку не взяла? – шутливо сокрушался Комар. – И чипсы? И даже водички?!

Я пообещала что-то на другой раз и полезла в сумку. Комар заинтересовался. Из сумки я извлекла сигнальный экземпляр книги, на обложке которой значилось: «Комарик».* Комарик забыл о своих гастрономических пожеланиях и радостно ухватил книжку. Сначала он рассмотрел обложку, потом – фронтиспис, затем – титульный лист,

* Я собиралась издать эту книгу в 2015 г. Она заканчивалась на встрече в мае того года. Из-за обстоятельств издание было отложено на неопределенный срок. Позднее имевшаяся часть была откорректирована, а верстка несколько изменена.

после чего начал читать вслух предисловие. Коля, явно завидуя, прервал его:

– Читай дальше!

Комар стал листать книгу. Не зная, что брать, он передал ее мне:

– Почитай что-нибудь!

Я открыла на странице, где описывалась наша непредвиденная встреча 17 августа 2014 года:

– «Я почти месяц думала об этом мальчике. Представляла нашу дружбу. Мысленно беседовала с ним. Видела его во сне. И вот он стоит передо мной (теперь на свету). У него правильное личико с упрямым подбородком, большие карие глаза с прямым и ясным взглядом, тонкие светлые бровки дугами, выпуклые щечки-нектаринки, высокий лобик, аккуратный прямой носик с маленькими ноздриками, умеренно-пухлые губки...»

– Больше не надо, – остановил меня Комар, смущаясь. Я рассмеялась:

– Нет, послушай еще! – и продолжала:

– «Нежный боттичеллевский образ, дополненный задорной веснушчатостью, розовой облупленностью на носу, ячменем на глазу...»

– У меня правда был *чемень* на глазу? – живо справился Комар у Коли.

– Наверное, – прогудел тот, уже не столь завидуя. Я дочитала пассаж:

– «... слегка оттопыренным левым ушком и отросшими золотистыми волосами, ниспадающими на лоб и шею».

Комар призадумался над своим образом, после чего спросил:

– А про Колю там есть?

Я подала ему раскрытую книгу, и Комар при-

нялся выразительно читать описание Коли:

– «Оранжевая футболка, красные шорты, темные кроссовки. Недвижимое лицо, небольшие серые глаза, чуть вздернутый нос, заметные скулы, прическа под двойной горшок со светлым пятном на лбу...»

Коля посерьезнел. Комар весело дочитал о нем и вернул мне книгу:

– Давай еще!

Я нашла эпизод из той же встречи. Комар зачитал его вслух:

– «Игорь заканчивает поедание, привычным движением вытирает губы рукавом товарища и отбрасывает у него пакетик с чипсами...»

Оба смеялись. Затем я выбрала еще несколько отрывков, после чего объяснила, для каких библиотек предназначается книга, и мы попрощались. В тот же день мне пришла благодарность из Национальной Библиотеки Шотландии за мои книги, в числе которых был сборник с посвящениями Артёму и его портретами.

Моя затея

20 июля я поздравила Артёма с годовщиной нашего знакомства, отправив ему открытку с незабудками. На следующий день, в 19.45., мы встретились. Я пришла пораньше и, сидя на скамейке под березой, могла видеть, как Комар весело спешит впереди степенного Коли. Оба подошли радостные и сели на скамейку слева от меня, Комар ближе. Я спросила его:

- Хочешь сладенького?
- Конечно! – ответил он, глядя умильно в ожидании. Я вручила две конфеты и шоколадный батончик – все на двоих. Комар съел конфету (как всегда – тихо и аккуратно), остальное отдал Коле. Затем поинтересовался у меня:
- Появились ли новые друзья?
- У кого? – уточнила я. Комар со смехом полез ко мне на плечо, как обычно к Коле. Спыхватившись, перебрался к нему. Я тоже рассмеялась на себя и заметила:
- Да, иногда скажешь что-нибудь...
- Кто? – уточнил Комар.

Мы посмеялись так, я заверила Комара, что новых друзей нет, после чего рассказала о своей идее устроить его и Колю на раскопки.

– Оплата почасовая, сто пятьдесят рублей в час. Рабочий день – восемь часов, с перерывом на обед. Будут раскапывать монастырь шестнадцатого века, а потом – поселение конца девятнадцатого века – начала двадцатого.

– Стоит подумать, – прогудел Коля, прищурившись в пространство.

– Не-е, платят маловато, – возразил Комар, махнув лапкой.

– Гораздо больше, чем за раздачу листовок, – произнесли мы с Колей в унисон.

– А вообще-то... – Комар задумчиво склонил голову. – Сто пятьдесят рублей в час – это тысяча двести рублей в день, – он приоживился. – За пять рабочих дней выйдет шесть тысяч! А за две недели двенадцать!!! – Комар даже подскочил от радости. – Так мы за две недели сможем заработать на приставку!

Комар хотел получить средства на приобретение игровой приставки. (Он как-то сказал, что мог бы попросить деньги у мамы, но лучше заработать самому. Все, что было возможно, он делал сам). Приставку намеревались поставить у Коли.

– Двенадцать тысяч за две недели! – мечтательно повторили мальчишки.

– Это очень даже неплохо, – подытожила я.

Школьникам было непросто найти хороший источник заработка. Обычно они раздавали рекламные листовки на улицах, получая за это номинальную плату. Мое предложение оказывалось для Артёма и Коли большой удачей.

Потом я показала им свои новые пейзажи маслом. Это были виды уголков Северной Осетии, которые я когда-то посещала: Город Мертвых в Даргавсе, покинутое селение Калак и старинное кладбище в селе Лисри.

– Я их уже видел во «ВКонтакте», – сказал Тёма, внимательно рассматривая холстики. Несколько дней ранее я разместила репродукции на своей странице в соцсети, а Тёма всегда с интересом следил за моими новостями. Больше ни от кого я не встречала такой заинтересованности...

Мы еще немного поговорили, мальчишки привычно повозились друг с другом, и мы попрощались (с Комаром – за руку). Они пробежались по двору, ловя друг друга, а я направилась прочь. Комар неслышно догнал меня и слегка дернул за волосы. Я оглянулась. Он сделал невинный вид:

– Это Коля.

– Как в школе! – улыбнулась я. На том и расстались.

Комар в университете

23 июля Артём и Коля должны были пойти на аудиенцию к руководителю раскопок, археологу Е.В. Это была преподавательница, у которой я когда-то училась. Мне не хотелось отпускать ребят одних, и я решила сходить с ними.

Когда я подходила к университету, то каким-то чутьем уловила, что Комар уже там. И правда: подняв глаза, я увидела, как он привязывает свой велосипед под липой у входа. Коля стоял рядом.

– Привет! – поздоровался Комар, заведя меня. Я ответила и указала на коричневые полированные двери:

– Нам сюда.

Деловитый Комар решительно открыл дверь и первым вошел в сумрак университетского холла. За ним неуверенно последовал Коля.

– Вы к кому? – спросил нас сидевший у входа охранник.

– К Е.В., – объяснила я. Комар, не теряя времени, ловко проскользнул через закрытый турникет и остановился, не зная, куда идти. Охранник открыл турникет для меня и Коли, и мы любезно попытались пропустить друг друга.

– Е.В. на четвертом этаже, – сказал охранник.

Четвертым этажом была мансарда. Мы направились туда по лестнице гулкой, как неф собора. Комар, не зная дороги, целеустремленно шел первым, за ним нерешительно следовал Коля. Удивительно было видеть их в столь необычной обстановке – после нашего двора со скамейкой под березой.

Комар был в позапрошлогодней серой футбол-

ке, облегающих джинсовых шортах по колено и красно-серых кроссовках. Отросшие волосы были аккуратно причесаны (на правую сторону), а веснушчатое личико с правильными чертами – чрезвычайно серьезно. При всем этом в его облике присутствовало что-то неисправимо уличное.

Коля был в зеленой футболке, черных шортах и тщательно зашнурованных голубых кроссовках. Прядь каштановых волос надо лбом была слегка осветлена – для большего шика. Впрочем, он тоже не выглядел кисейной барышней.

С третьего этажа на четвертый вела узкая винтовая деревянная лестница.

– Ух, как здесь здорово! – восхитился Комар, осматриваясь. Коля согласился.

Мы поднялись, и я первая заглянула в кабинет к Е.В. Это была представительная женщина лет сорока с лишним. Она важно восседала за столом.

– Здравствуйте! – любезно поздоровалась я. – А вот и мои ребята.

Ребята скромно вошли и вежливо поздоровались. Е.В. несколько растерялась.

– Присаживайтесь, – пригласила она, указывая нам на стоящие перед ней стулья: два – сдвинутые вместе и один – поодаль. Комар свободно уселся первым и ожидающе воззрился на Е.В. Коля чинно опустился рядом, старательно держа спину, и тоже ожидающе воззрился на Е.В. Я встала возле Комара. Он тотчас услужливо вскочил:

– Садись! – и взял себе свободный стул. Я присела на его место, оказавшись между мальчишками, и тоже ожидающе воззрилась на Е.В. Так мы сидели в ряд перед преподавательницей: «потенциальный преступник по Фрейду» с благородной осанкой,

я – настороже в ожидании какого-то подвоха и Комар – с живейшим выражением, которое (*не зная Комара*) можно было бы понять как «Что бы стырить?»

Е.В., все еще пребывая в некотором замешательстве, заговорила:

– Вы хотели бы устроиться на раскопки?

– Да, – хором ответили все трое.

– Я могу взять Вас, но мальчиков – нет.

– Почему? – резковато спросила я. – По телефону Вы обещали взять их.

– Там работают студенты, – ответила Е.В.

– Да, но только в июле, – парировала я. – А на август вы принимаете добровольцев.

Е.В. заметно растерялась.

– Мы редко берем их... – произнесла она, бездумно переложив на столе бумаги.

– Что же тогда Вы говорили по телефону? – наступала я. Е.В. перевела разговор:

– Я могу взять ребят на разбор находок.

– А что это такое? – поинтересовался Комар.

– Мытье найденной керамики, – объяснила Е.В. – В подвале университета.

– А сколько за это платят? – продолжал выяснять Комар.

– Так же – сто пятьдесят рублей в час.

– Тогда мы можем поработать в подвале! – согласился Комар. Мы с Колей поддержали его. Это было неплохим вариантом, хотя и не столь романтическим как раскопки.

– Хорошо, я возьму вас. У тебя есть паспорт? – обратилась Е.В. к Комару.

– Да, конечно, – ответил он. Е.В. перевела взгляд на Колю:

– Есть ли свидетельство о рождении?

Коля отвечал утвердительно.

– Тогда я сейчас покажу, как работают на разборе находок, – сказала Е.В., поднимаясь из-за стола. Комар и Коля направились за дверь. Я задержалась.

– Почему Вы не приняли их на раскопки? – холодно спросила я.

– Там тяжело, копать надо... – неуверенно ответила Е.В., не глядя на меня. Я подавила усмешку от ее сомнения в силе моих мальчишек (я в их возрасте выполняла более тяжелую работу) и заметила:

– Там не только копают. Еще и расчищают, и переписывают найденное, и упаковывают...

– Но мы не можем знать, какой будет работа, – Е.В. пыталась оправдать свое нежелание принимать мою «шпану», которая явно показалась ей подозрительной. Я больше не спорила. В конечном счете, работа в подвале при той же оплате была даже лучшим вариантом, чем раскопки под солнцем или дождем. И я последовала за мальчишками, которые медленно спускались по лестнице (Комар – опять впереди).

Спустившись этажом ниже, мы направились по пустому коридору к другой лестнице, оставив Е.В. позади. Вдоль стен стояли шкафчики с маленькими отделениями.

– А это что за ящички? – Комарик с любопытством сунулся в них носиком. Мне надо было ответить: «Урны с прахом студентов», – но я прозаично объяснила:

– Каталоги, – и мы пошли дальше.

Вскоре мы оказались в подвале. Он представлял собой длинный и широкий сводчатый коридор

дор с небольшими закоулками в концах. Стены были недавно покрашены в пастельные тона, пол облицован современным кафелем, и только гулкие своды и унылый сумрак напоминали о почтенном возрасте этого места. По обеим сторонам коридора располагались большие комнаты. Дверь одной из них была приоткрыта. Мы нерешительно остановились возле нее.

– Вот здесь работают студенты, – сказала Е.В., подходя к нам. Комар, еще не зная, что там за работа, спросил, потирая лапки:

– А сейчас можно поработать? Хоть часик...

– Сейчас нет, приходите завтра.

Мы заглянули внутрь. Это было просторное помещение с четырьмя открытыми фрамугами под потолком. Вдоль стен стояли рядами завязанные белые мешки, а на полу были разложены большие листы картона с вымытыми коричневыми черепками. Работники (несколько студенток и мальчик лет четырнадцати) сидели вдоль мешков на длинных лавках и скребли щетками осколки керамики, то и дело окуная их в тазы с мутной водой. Кто-то работал в паре, кто-то – по одиночке. При нашем появлении все заинтересованно подняли головы.

Комар, прислонившись к дверному косяку, принялся по-хозяйски осматривать помещение. Коля встал рядом молчаливым истуканчиком. Я держалась за Комаром.

– А находок много, – удовлетворенно констатировал Комар. Закончив осмотр, мы отошли от двери.

– Вы можете поработать недельку, – сказала Е.В.

– А вторую? – спросил Комар.

– У нас немного находок.

– Но ведь вы еще накопаете... – логично заметил Комар.

– Это неизвестно, – уклончиво ответила Е.В.

– А вы работаете в выходные? – поинтересовался Комар. – Мы и в выходные можем.

К сожалению Комара, Е.В. ответила, что в выходные они не работают, и велела приходить 27 июля к девяти часам утра.

Попрощавшись с Е.В., мы отправились пустыми гулкими коридорами на выход.

– Врет тетка, – вполголоса сказала я Комару. – По телефону она обещала взять вас на раскопки.

Комар остановился, слушая меня. Я продолжала:

– Но им, конечно, интереснее дать работу своим студентам. Впрочем, в подвале вам будет даже лучше: ни дождь, ни жара нипочем.

Комар согласился, за ним – Коля, и мы пошли к выходу на улицу. Комар вынырнул первым, Коля – следом. Выйдя на солнечный свет, я сказала мальчишкам, что 27-го приеду посмотреть, как они устроятся, пожала уверенную лапку Комара, и мы разошлись.

Наши беседы

В следующий раз мы встретились 25 июля. Беседа началась с обсуждения предстоящей работы.

– Если мы будем работать по восемь часов в день пять дней в неделю, то за рабочую неделю мы получим шесть тысяч, – подсчитывал Комар. – А можно работать без обеда?

– Наверное, – ответила я, иронично улыбаясь на его азарт. «Интересно, какое у тебя будет настроение после того, как ты просидишь часик в подвале...» – думала я тогда.

– А если я буду работать без обеда, мне за это заплатят? – оживленно продолжал Комар.

– Должны.

– Значит, я буду работать с 9 до 18 часов без обеда всю неделю, – подытожил Комар.

– Но пообедать надо, – степенно прогудел Коля. На это Комар ответил восхищенно:

– Можно взять с собой сухарик.

И добавил:

– А вообще я могу работать, не обедая.

Я с восторгом обняла его:

– Как я!

Комар улыбнулся довольно. Но Коля не был, как я, и предложил питаться в обед дома.

– Хорошо, – согласился Комар. – Будем обедать у тебя.

От университета до дома Коли Комар мог дойти за десять минут, тогда как до своего надо было ехать, и все время обеда ушло бы на дорогу туда и обратно.

– А не проще ли обедать каждому у себя? – сказал Коля.

– Ладно, каждый – у себя, – опять уступил Комар и вдруг спохватился:

– А если мы будем работать до 18 часов, мы с тобой успеем потом погулять хоть часик?

Коля рассмеялся:

– Так мы же будем вместе целый день!

Комар больше не спрашивал и принялся рассуждать о приставке.

– Ты какую хочешь – черную или белую? – поинтересовался он у Коли.

– Белую.

– А зачем тебе белая? Лучше черную.

– Можно и черную.

– А куда мы поставим ее?

– Я уберу лишнее от компьютера и поставлю туда.

– Поместится ли?

– Поместится...

Потом Комару захотелось сладенького:

– А поесть что-нибудь принесла? – спросил он, глядя на меня заинтересованно.

– Да, целую банку варенья, – произнесла я торжественно и достала из сумки неполную пятидесятиграммовую баночку варенья, сваренного моим отцом из молодых сосновых шишек. Оно было золотисто-бордового цвета и слегка пахло смолой. Приносить больше я не решилась: варенье обладало разогревающим действием, и я опасалась, что ребята могут простудиться.

Я вручила Комару баночку и две мельхиоровые ложки. Он осторожно попробовал мое угощение:

– Запах какой-то необычный. Не как у другого варенья.

– Конечно, это же из шишек, – ответила я.

Комар поковырял еще немного и передал баночку и чистую ложку Коле. Тот съел почти все, старательно прислушиваясь ко вкусу.

После угощения Комар спросил у меня:

– Что нового?

– Вчера были именины.

– Как отметила?

– Ходила к зубному, – и я рассказала о том, как не подействовала трехкратная анестезия и нерв уда-

лили наживую. Бровки Комара встали домиком.

– Плакала, наверное? – предположил он участливо.

– Нет, вытерпела. Все сделали.

Тут слово вставил Коля:

– А я боюсь зубных. Когда иду к ним, плакать хочется. Самое страшное – уколы, особенно – в нёбо. А почему укол не подействовал?

За меня ответил Комар – сочувственно:

– Волновалась.

Затем он расспросил, как у меня дела дома:

– Как с папой? – он знал, у меня с тем сложные отношения.

– Нормально.

– А с мамой?

– Хорошо.

– А брат как ведет себя?

– Пока все в порядке.

– Он от другой мамы? – уточнил Комар.

– Да. Когда я появилась, ему было уже восемнадцать лет.

Потом Комар спросил о моих занятиях:

– И сейчас работаешь по ночам?

– Да.

– А что пишешь?

– Автобиографию, – и я пояснила, что это за книга. После я рассказала о том, как недавно впервые приняла участие в литературном конкурсе (областного масштаба). Я всегда была против подобных мероприятий, считая, что соревнования уместны лишь в спорте, и в тот раз решила поучаствовать только для того, чтобы позабавить Комара.

– Конкурс проводился в Интернете местной поэтической организацией. Победителя выбирали пу-

тем голосования участников – то есть таких же пишущих. Я выслала свое стихотворение 2013 года, вошедшее в мой первый сборник.* Его не оценили. Тогда я шутки ради отправила одно из моих юношеских стихотворений, подписавшись: «Тадеуш Ковальский, 14 лет». За день оно набрало больше голосов, чем все остальные стихи за две недели. В итоге Тадеушу присудили приз. Но я так и не сходила за ним.

– А давай мы сходим! – с готовностью вызвался Комар. – Скажем, что мы... Как его зовут?

– Тадеуш Ковальский, – и я посмотрела на гипотетического Тадеуша, выглядевшего настоящим сорванцом. – Едва ли стоит вам идти. Там какой-нибудь ненужный пустяк – вроде грамотки или букетика.

Комар передумал. А я сама так никогда и не поинтересовалась, что же было присуждено моему Тадеушу.

Затем я вспомнила о годовщине нашей дружбы.

– Так мы уже больше года дружим? – полувопросительно произнес Комар.

– Да, – отозвалась я и, погладив его по плечу, добавила:

– Молодец, ты у меня верный. И вообще – лучше всех.

– А Коля? – ревниво спросил Комар.

– А Коля – в придачу, – пошутила я, и Комар ра-

* Стихотворение «Что ты можешь, поэт?» Оно вошло в мой сборник «Только слово живет» (2013), поступивший в библиотеки России и в Государственную Библиотеку Берлина.

достно передал другу, что тот «в придачу».

Нам было весело. Мне хотелось поиграть, и я предложила:

– Давайте как-нибудь сыграем в бадминтон.

– Я не умею, – признался Комар.

– Ничего, научись. Это простая игра.

– А может быть, ты поиграешь с нами в футбол? – предложил Комар в ответ. Погонять мяч с мальчишками было моим желанием с тринадцати лет. Но тогда у меня не было мальчишек вовсе, а теперь – недостаточно.

– Неинтересно будет, – вздохнула я. – Команды ведь нет.

И мы условились, что в следующий раз я принесу ракетки.

Затем я спросила Комара, не поедет ли он в этом году в Геленджик: родители возили его туда почти каждое лето. Комар ответил, что не собирается.

– А я уеду в сентябре в Гродно недели на две,* – сказала я.

Комар уныло задумался. Посидев так с полминуты, он стряхнул задумчивость и затеял возню с Колей, сидевшим с другой стороны от него. Для того чтобы Комар не отвлекался, я отослала его друга на пару метров, дав ему мой сборник стихотворений. Коля устроился перед нами на высокой ограде песочницы, как воробей, и, уткнувшись в книгу с нарочитой серьезностью, принялся читать вслух – громко и подчеркнуто выразительно. Та-

* В Гродно я не поехала – ни в том году, ни в следующем: чтобы не уезжать от Артёма.

кая дурашливая декламация посреди двора была для меня нестерпима, и я попросила читать про себя. Коля только убавил громкость.

– Кстати, там есть стихи про тебя, – сказала я ему, чтобы он замолчал. – Найди-ка их!

– А где они?

– Поищи, по содержанию поймешь.

Он замолчал и принялся увлеченно искать несуществующие стихи. Я спросила Комара:

– Как у Коли дела с испанским? – Коля пытался самостоятельно изучать этот язык.

– Какой там испанский! – рассмеялся Комар, глядя на друга. – Ему бы с русским справиться!

– Так где же стихи? – прогудел Коля, не преуспев в поиске.

– Ищи лучше, они в числе прошлогодних, – ответила я. Коля продолжил молча листать книгу, а мы с Комаром стали беседовать.

Одной из любимых тем Комара был Коля. Вот и теперь он принялся весело повествовать о нем, перемешивая правду с озорной выдумкой и прижимаясь ко мне плечом. Я улыбалась и время от времени вставляла что-нибудь в тон Комару. Он был доволен.

Неожиданно Комар остановился на полуслове. Глядя в пространство широко раскрывшимися глазами, он решительно хлопнул себя по левой руке и что-то стряхнул на землю. Взглянув туда, он радостно воскликнул:

– Я муху убил! – с облегчением оттого, что это был не паук: он их боялся. Подцепив «трофей», Комар подскочил к Коле и сказал шутливо:

– На, съешь!

Коля, не обращая внимания на его шутку, про-

должал упорно искать стихи о себе. Отчаявшись найти, он слез с ограды, отдал мне книгу и вернулся на то же место.

Проведя с ребятами около пятидесяти минут, я взглянула на часы. Комар решил, что я собираюсь уходить, и сказал: «Посидим еще!»

Я спросила, можно ли сфотографировать их. Комар разрешил. Я собиралась заснять его одного, чтобы потом нарисовать портрет, но он даже на фотографии не хотел быть без Коли. Так я и сфотографировала обоих, не заметив на маленьком экране фотоаппарата, что Комар, слегка улыбаясь, стоял рядом с Колей на цыпочках (тот был необычайно высоким) и делал ему рожки...

Комар оставался сорванцом, был по-прежнему чрезвычайно откровенен и невероятно оживлен, но в нем проявлялась какая-то заботливая мягкость. В тот день, во время разговора, он, сидя рядом со мной, взглянул на меня и, заметив, что мне с челки на лицо опустилась длинная волосинка, бережно убрал ее в сторону. Или другое: он сообщил, что собирается в парикмахерскую. «Не надо, — с искренним огорчением сказала я и погладила его полудлинные пушистые волосы, что были, как всегда, чисто вымыты и причесаны. — А то придется тебе опять ходить в капюшоне...» Комар рассмеялся, вспомнив, как в прошлом августе я сокрушалась на его стрижку и он спрятался под капюшон. «Ничего, — успокоил Комар, — меня коротко не стригут, да и волосы растут быстро».

Эта мягкость со временем усилилась и, в сочетании с восхитительным мальчишеским задором, придавала Комару неповторимое своеобразие.

Артём и Коля. 25 июля 2015 г.
Фото автора

Артём и Коля. 25 июля 2015 г.
Фото автора

Чудо с ракеткой

26 июля мы опять увиделись и провели вместе больше часа. Первым делом я вручила Комарику шоколад, чипсы и воду. Мне нравилось приносить ему угощение: он был благодарен даже за мелочи (тогда как Коля не интересовался моими вкусностями).

Комар открыл чипсы и предложил мне. Я вежливо отказалась. Комар с увлечением приступил к питанию. Коля изредка равнодушно запускал руку в тот же пакет.

– Что нового? – спросил меня Комар, аккуратно похрустывая чипсами.

– Доешь, тогда и поговорим, – ответила я. Он принялся уминать чипсы горстями. Закончив, попил и развернул шоколад. Поделившись с Колей, съел остальное – тихо и так быстро, что сам удивился:

– Даже не заметил!

Потом я показала им фотографии, сделанные накануне.

– Коля хорошо получился, – отметил Комар. Себя рассмотрел критически.

Убрав фотографии, я достала ракетки. Коля, взглянув на них, поинтересовался:

– Сколько им лет?

– Столько же, сколько и вам, – сочинила я.

– Думаю, что они все-таки постарше... – прогудел Коля, глядя с сомнением на ручки ракеток, замотанные изолентой. В действительности им было семнадцать лет, а играла я в последний раз, когда мне было одиннадцать.

Мы с Комаром расположились посреди двора, а Коля устроился поодаль наблюдать. Я подала – и

даже неплохо. Комар ловко отбил. Я, невзирая на близорукость, из-за которой волан был только смутным пятном, ответила. Комар опять отлично отбил, и... волан исчез. Прямо на глазах всех троих. В воздухе. Бесследно. Мы принялись недоуменно озираться по сторонам: посмотрели вверх, поискали на земле, заглянули на ветви росшей поблизости березы... Волана не было нигде.

— Где же он? — выразил Коля общее изумление, и мы с ним еще раз посмотрели в небо. Тут сообразительный Комар взглянул на свою ракетку, которую держал в руке.

— Да вот же! — объявил он с веселым смехом. — Застрял в дырке!

Посмеявшись на неожиданный фокус, мы продолжили игру. Потом Комар решил поиграть с Колей. Тут дырка обнаружилась и во второй ракетке. Игра была бесподобной, и мы веселились. Позднее я сама немного поиграла с Колей, после чего все трое вернулись на скамейку. Там Комар затеял обычную возню с другом. Я наблюдала. Теперь эти проявления Комариной живости забавляли и радовали меня. Утомившись, Комар откинулся на спину, положив голову мне на колени, и промурлыкал Коле:

— Почеши мне животик!

Коля исполнил. Довольный Комар перевернулся на живот:

— А теперь сделай массаж спины!

К моему удивлению, Коля принялся мастерски растирать ему спину. Видимо, он запомнил действия массажиста, к которому ходил со сколиозом. Комар блаженствовал.

После массажа Коля решил причесать Комара.

Я дала расческу, и он начал бережно приводить в порядок Комариные волосики. Они были по-прежнему длинными. «Не захотел стричься», – объяснил Комар. На расческе осталось восемь волосинок – удивительно тонких, как пушинки. Дома я, посмеиваясь на свои действия, аккуратно собрала их и сложила в прозрачный пакетик – на память...

Затем мы беседовали. Посреди беседы Комар вдруг оборвал себя на полуслове и, воскликнув: «Дружище!», устремился через двор к какому-то подозрительному персонажу, возникшему из домов. Коля неспешно последовал за ним. Персонаж – неприбранный дядька под шестьдесят – приветствовал их. «Неужели знакомый?» – подумала я, наблюдая. Они остановились в десяти метрах от меня. Дядька говорил тихо, но зато мне был хорошо слышен бодрый голос Комара. Его речь напомнила о героях «Республики ШКИД» и «Педагогической поэмы».*

– Ты, дядя, в этом доме живешь? А-а, в другом... Один живешь? С женой?.. А дети есть? Сын?.. Понятно. А не одолжишь ли ты мне, дядя, пять рублей? Как «нет»? Но ты же пьешь на что-то: ты ведь алкоголик. Как «не алкоголик»? Но у тебя же глаза красные и борода непострижена... А-а, ты бомж! Ну, тогда ладно.

Комар дружелюбно попрощался с новым знакомым и, вернувшись на скамейку, опять сел возле меня. Коля встал перед нами. Я уже собиралась уходить. На прощание я обняла Комара за плечи и поцеловала в щеку. Он расцвел, глядя на Колю.

* Книги о беспризорниках 1920-х годов.

– Дурак ты! – пошутила я, улыбаясь. – Но дурак хороший.

Первый рабочий день Комара

27 июля я спала 1 час 40 минут, после чего поехала в университет: Артём и Коля выходили на работу, и я хотела удостовериться, что у них там все хорошо.

На улице был ливень. Пока я добиралась до остановки, ноги промокли по щиколотку.

Когда я приехала, до работы оставалось полчаса. Комар и Коля были уже в подвале (Комар тоже изрядно намокший). Мы приветствовали друг друга, и я расположилась возле Комара.

К девяти часам подошли остальные работники – три студентки и М., младший брат одной из них. Обо мне и моих мальчишках они знали только то, что мы будем работать с ними.

Старшая по работе показала нам, где взять тапки, щетки и воду. Каждый взял по тазу. «Куда вы столько! – рассмеялась она. – Хватит одного на двоих».

«Я – с тобой», – сказала я Комару. Он мягко возразил: «Не, я – с Колей». Я с готовностью уступила: когда Комар выбирал Колю, я не спорила.

Мы налили в тазы литров пять воды и забрались в дальний угол, где расположились на скамье: мальчишки за одним тазом друг против друга, я – за своим позади Комара. Находки для мытья лежали в черных пакетах на полу, в каждом – около трех килограммов. Эти находки пред-

ставляли собой однообразные коричневые осколки горшков и кувшинов из пятнадцатого-шестнадцатого веков. На раскопках их собирали первокурсники, и черепки были пополам с мокрой землей, фрагментами костей и кусками кирпича. Вдоль скамьи были расстелены листы картона для вымытой керамики.

Мы надели перчатки, взяли себе по пакету, вытащили оттуда по черепку и принялись скрести их щеткой, отмывая в тазу с водой. Я предупредила мальчишек:

– Если брызги попадут на лицо, сходите в туалет и умойтесь.

Они согласно кивнули.

Слева от нас была открыта фрамуга.

– На тебя не дует? – спросила я Комара. Он ответил отрицательно. Я успокоилась и продолжила скоблить осколки. Это была нудная работа. У меня мелькали какие-то мысли о быстротечности времени, эфемерности материальных вещей и вечности духовных. Живость Артёма – близкого, родного, неразделимого со мной – противопоставлялась бесполезным темным обломкам, этим кускам жизни, ушедшей в землю...

Мальчишки развлекались, болтая о чем-то вполголоса. Время от времени Комар оборачивался и мягко улыбался мне.

Работали мы споро – в отличие от остальных. Деловитый Комар тщательно и быстро счищал с черепков землю, серьезный Коля увлеченно скреб свои, я ускорила работу, засыпая находки порциями в таз, чтобы они отмокали, пока я мою другие. Остальные работники, копаясь на телефонах, не успели вымыть и пол-килограмма керамики, как

мы закончили разбирать свои пакеты.

Вода у мальчишек стала мутной. Ее следовало вылить в ведро, стоявшее в десяти метрах, и налить из другого чистой. Грязную воду старшая выплескивала в туалет. Комар, не желая затруднять Колю, с молчаливым смирением ухватил таз и, держа его перед собой, решительно побрел выливать. Он был сильным, но почему-то ему было нелегко нести эти литров пять воды. Коля, между тем, уткнулся в телефон. В стороне раздался смешок: это старшая заметила Комара (у нее были «отменные» манеры). Тот, не обращая внимания, дошел до ведра, вылил в него воду, поставил таз на пол, налил чистой воды и, взяв таз, повернулся идти обратно. Увидев, что я смотрю, он подхватил ношу поудобнее и постарался донести ее легко.

Спустя два часа я уехала домой, а мальчишки остались работать до конца дня.

На следующее утро Комар и Коля опять были на работе. Около десяти часов я приехала навестить их. Когда я спустилась в подвал, по пустому гулкому коридору раскатывалось знакомое сопрано, странно оживляя гнетущий сумрак: это Комар что-то весело говорил Коле, сидевшему с ним за тазом. Я остановилась в нескольких метрах от открытой двери в комнату, где шла работа, и прислушалась к красивому звуку голоса Артёма. Слов было не разобрать: разносился только звонкий голос, отдававшийся под потолком, как в храме. Он усиливался в сумрачных сводах и стремился ясным задорным потоком через пустоту коридора, сдерживаемый старыми толстыми стенами... Голос Артёма был полнее и выразительнее, чем у многих мальчиков-солистов лучших европейских хоров.

Обличительный зонтик

29 июля позвонил Коля и сообщил, что работа закончилась. Это было неожиданно, и я решила, что ребят просто сняли. Справившись у Е.В., я узнала, что всего лишь закончились находки. А мои ребята, как отметила Е.В., работали очень хорошо.

Мы с Комаром договорились о встрече тем же вечером, в 19.30. К тому времени прошел дождь, половину неба скрывали тяжелые черные тучи, продолжали падать редкие капли, но с запада сияло солнце, а на востоке виднелась двойная радуга – полная и особенно яркая на фоне мгlistо-серой тучи.

Мальчишки ожидали в магазине близ нашего двора. Завидев меня, они вышли. Комар нырнул под мой зонт, Коля поднял капюшон, и мы отправились во двор, где можно было укрыться в домике. Я внимательно следила за тем, чтобы на Комара не попадал дождь, и от усердия четыре раза нечаянно стукнула его зонтиком по макушке. Он не заметил. После пятого раза (тоже незамеченного) он вдруг остановился, завороченно глядя в небо. Радуга была как раз перед нами.

– Коля, смотри! – восхищенно воскликнул Комар, указуя рукой в небо. – Но почему она двойная?

Коля прогудел шутливо:

– Это к твоей смерти.

Смерть жизнеутверждающего Комара казалась столь же нелепой, как лед на Солнце.

Комар полюбовался радугой, и мы отправились дальше.

В домике хозяйственный Комар обмел лавочки для всех троих, начав с нашей: он всегда чистил их

прежде, чем садиться (по своей инициативе). Мы сели и заговорили о работе.

– Сегодня утром привезли еще несколько мешков керамики, – сказала я. – Так что завтра можете опять работать.

Ребята обрадовались. Потом я спросила, как они днем сыграли в футбол в парке.

– Хорошо, – ответил Комар.

– Было бы еще лучше, – добавил Коля, – если бы он не пропустил мяч.

– А как же я мог поймать его, когда он летел? – пошутил Комар.

Я улыбнулась на его ответ и вспомнила, как он нес таз в подвале. Комар весело посмеялся на свое усилие. Тогда оно казалось мне смешным, и лишь много позднее я узнала, что ему действительно было непросто нести перед собой эти пять-шесть литров воды...

Так хорошо и непринужденно шла беседа, пока Комар опять не провинился. Точнее, это я решила, что он провинился. Я сделала обиженный вид и вышла из домика, собираясь уйти, но вдруг передумала и остановилась возле окошка. Слева от него невозмутимо восседал Коля, справа – встревоженный Комар, смотревший на меня во все глаза. Я наставила на Комара сложенный зонтик и начала воспитательную речь. Комар на всякий случай выскочил наружу и встал напротив у входа. Опершись о стенку над входом и глядя на меня, он внимательно слушал.

– Если бы я была твоим сверстником, то наверняка подралась бы с тобой, – я ткнула зонтиком в сторону Комара. Комар молча согласился, что я наверняка подралась бы с ним. – Ведь ты иногда

просто невыносим! – последовал еще один выпад зонтиком. Комар молча согласился, что он иногда просто невыносим. – Думаешь, я буду прощать тебе все?

Комар так не думал и осторожно попытался оправдаться. Я парировала, подкрепляя свои слова зонтиком:

– Это ты нарочно говоришь. Зря стараешься! Я твои провинности прощать не буду!

Я подняла зонтик, чтобы в очередной раз для убедительности ткнуть им в сторону Комара, и тут мой взгляд упал на Колю, продолжавшего восседать невозмутимо. Мне очень захотелось стукнуть его вместо недосягаемого Комара, но я воздержалась и продолжила речь. Комар больше не оправдывался и только слушал внимательно мою диатрибу.

Договорив, я спокойно повернулась и направилась прочь. Комар поспешно догнал меня:

– Давай посидим еще!

Его конопатая мордочка была бледной и виноватой. Я ответила непреклонно:

– Не хочу.

– Нам без тебя скучно, – сказал Комар, глядя на меня умоляюще.

– Завтра увидимся, – бросила я и ушла.

Встреча в подвале

На следующий день мальчишки опять вышли на работу. У меня не было причин беспокоиться за них, однако хотелось убедиться, что с ними дейст-

вительно все в порядке, и я отправилась в университет. Приехав туда в 10 часов утра, я позвонила Комару, чтобы вызвать его и Колю в коридор – поговорить минут пятнадцать. Он с готовностью согласился. Я спустилась в подвал и не спеша направилась по коридору в сторону помещения, в котором велись работы. Проходя мимо его открытой двери, я заметила, что мальчишек там нет. Где же они? Я пошла туда, где коридор переходил в обширную сводчатую комнату, сумрачную и пустую. Внезапно справа от меня с лязгом отворилась металлическая дверь, и на пороге возник Комар. Я вздрогнула.

– Что ты там делаешь? – спросила я.

– Тебя ищем, – ответил он.

Позади него в сумраке показался Коля. Мы с Комаром перешли за угол коридора, в небольшой отсек рядом со сводчатой комнатой, а Коля отправился обследовать эту комнату.

Комар был в отличном настроении.

– У вас все в порядке? – уточнила я.

– Да, – сказал он, становясь передо мной. Я взяла его за руки.

– Не надо, – кокетливо произнес Комар, не высвобождаясь, – у тебя руки холодные.

Я шутливо пощекотала его за бока.

– Теперь жарко стало! – засмеялся он и весело бросился к Коле, блуждавшему в сводчатой комнате. Как всегда бывало при отличном настроении Комара, он радостно затеял возню с другом. Отголоски задорного Комариного смеха гулко покатились по коридору. Я отправилась к мальчишкам и, шутливо взяв Комара за шиворот, повела обратно. Он покорно пошел, свесив лапки и улыбаясь. Ос-

тановившись за тем же углом, я заметила, что у Комара растрепались волосы, и принялась поправлять их.

– Ко мне парикмахер приехал! – весело возвестил он Коле, оставшемуся расхаживать в комнате.

Так мы провели около получаса, шутя и забавляясь. Затем мальчишки вернулись к работе, а я уехала домой.

Сражение за Комара

Вечером 31 июля я опять приехала в университет – получить плату за свои два часа и поговорить с Е.В. об Артёме: я собиралась попросить для него некоторую надбавку (как для школьника). В этом не было необходимости: просто он был моим другом, и я хотела делать для него все, что могу.

Когда я приехала, Артём и Коля, закончив работу, направились куда-то с ведром и шваброй. Я осталась ждать их в подвальном коридоре. Через несколько минут ожидания я поинтересовалась у старшей, праздно сидевшей в подвале:

– Куда Вы отправили ребят?

– Они пошли мыть туалет на втором этаже.

– Туалет?! – изумилась я. – Да с какой стати?!

Я бросилась наверх и застала Артёма отжимающим тряпку над ведром посреди туалета. Он что-то болтал, а Коля молча мыл руки.

– Как смели направить вас сюда? – возмутилась я с порога, взметая полами расстегнутой ветровки. – Вы что, чернорабочие?!

Артём, прикрепляя тряпку к швабре, ответил

смирено:

– Ничего, мы можем и помыть.

Видя его наивность, я развернулась и отправилась обратно в подвальное помещение ожидать Е.В. Она должна была скоро прийти, чтобы выдать зарплату работникам – в том числе Артёму и Коле по 3600 рублей за четыре дня.

Через десять минут туда спустились мои мальчишки, а вскоре подошла Е.В. Я получила деньги первой и осталась стоять у стола Е.В. Артём и Коля расписались о получении своей зарплаты, Артём быстро пересчитал купюры, попрощался со мной, и они оба ушли.

Студентки оставались в помещении, раскладывая тазы и щетки, и я медлила, оглядываясь на них.

– Вы что-то хотели? – поторопила меня Е.В. Я начала издалека:

– Прошло уже несколько лет, как я училась у Вас, и Вы ничего обо мне не знаете. Мне хотелось бы показать то, что сделано за прошедшее время.

Неторопливо открыв сумку, я достала свой объемистый сборник стихотворений и поэтических переводов с девяти языков и подала его Е.В. По какому-то въевшемуся убеждению я считала, что положение литератора что-то значит, и находила это положение дающим мне право на выражение своей просьбы. Е.В. учтиво взяла книгу и принялась бегло и молча листать, явно ничего не понимая в философских меандрах моей поэзии. Студентки, переноса в стороне ведра и тазы, приглядывались.

Е.В. закончила свой очень поверхностный просмотр и, по-прежнему не изрекая ни слова, верну-

ла книгу. Убирая ее в сумку, я упомянула о европейских библиотеках, где хранятся мои книги. Е.В. выразила вежливое удивление.

Тем временем, студентки закончили дела и направились к выходу. Я, с внутренним торжеством, достала сигнальный экземпляр «Комарика»:

– А это – повесть о мальчиках, которых я устроила на работу.

Е.В. пришла в замешательство, как при первом появлении моих мальчишек в ее кабинете, и с искренним изумлением воззрилась на книгу в моих руках.

– Эти мальчики, наверное, Ваши родственники? – предположила она, переводя взгляд с книги на меня.

– Они мои друзья, – с гордостью ответила я.

«Шпана» в качестве друзей автора поэтических меандров, хранившихся в Европе: это было верхом непостижимости. Преподавательница взяла книгу и стала внимательно листать. Я наблюдала, ожидая успеха в своей маленькой авантюре.

Е.В. долистала повесть до конца и молча вернула. Я решила, что этого свидетельства достаточно, чтобы попросить за моего друга, и приступила к делу.

– Знаете ли, – начала я с нарочитой застенчивостью, – Артёму очень трудно живется...

Я выдержала паузу, наблюдая за Е.В. Она была непроницаема. Я продолжила жалобно врать:

– У него неблагополучная семья, родители пьют... Ему даже носить нечего. Вот, решил подзаработать на одежду к школе...

Е.В. внимательно смотрела на меня, вальяжно сидя в кресле. Ее вид давал мало надежды на ус-

пех, но я все равно беззастенчиво выпалила:

– Не могли бы Вы прибавить ему хотя бы десять-двадцать рублей за каждый час?

Е.В. удивилась и холодно ответила:

– Это исключено.

Я находчиво предложила альтернативу:

– Тогда дайте ему вторую зарплату. Запишите меня, как будто я работаю, а платите ему. Никто же не проверит, кто работал.

Е.В., уже немало изумленная своей бывшей студенткой, была ошарашена такой дерзостью.

– У Вас пожелания какие-то странные, – пробормотала она растерянно.

– Артём – мой друг, – объяснила я.

Е.В., не понимая ни моего объяснения, ни просьбы, ни книг, оставалась непреклонной. Поскольку Артём в действительности был из нормальной семьи и не испытывал острой потребности в средствах, я оставила свои попытки (и вместе с тем напускную робость) и решительно перешла к более важному вопросу:

– Почему мои дети мыли туалет?

Так и сказала: «мои дети». Е.В. смешалась:

– Когда выливают грязную воду после мытья керамики, летят брызги...

– Но в университете есть уборщица, – напомнила я. Ответ был примечательный:

– Мы не можем оставлять ей грязь.

Я усмехнулась и резко заметила:

– Я устраивала ребят на мытье керамики, а не туалетов.

Е.В. откинулась на спинку стула и ответствовала небрежно:

– Ничего, пусть привыкают, – как если бы мои

мальчишки не были годны к чему-либо иному. Это было чересчур. Сохраняя внешнее спокойствие, я неспешно отошла к дверям, где круто развернулась и, воздев руку, как гневный проповедник на кафедре, прогремела на весь подвал:

– Я до вашего начальства дойду: пусть знают, что у вас дети моют туалеты! – и ушла.

Через пять минут Е.В. позвонила мне и сообщила любезно, что «обдумала ситуацию» и мои мальчишки больше не будут мыть туалет.

Наши забавы

1 августа встреча была назначена на 17 часов. День был пасмурным, но теплым. Я приехала пораньше и в ожидании мальчишек бродила неподалеку от нашего двора, возле старой церкви, с которой раздавался колокольный звон – *allegro moderato* звонких колокольчиков и одного трагического баса, перемежаемое с равномерными, почти погребальными ударами.

Когда ребята пришли, я разыграла их, спросив в манере Комара: «Вкусненькое принесли?» Коля улыбнулся растерянно-удивленно, а Комар с готовностью предложил жвачку.

Я рассказала им про спор в университете, подытожив: «Вас использовали, а вы молча сносили. Следует знать свои права, чтобы в дальнейшем такое не повторялось». Коля призадумался, тогда как Комару случай с мытьем уборной казался пустяком, из-за которого мне не стоило волноваться.

Потом мы веселились. Комар поинтересовался

у меня, дала ли я какое-нибудь прозвище Коле.

– Дала, – загадочно ответила я.

– Какое? – с любопытством спросил Комар.

Я не хотела говорить, так как оно было дано за первое впечатление, хотя прицепилось прочно.

– Ну, какое? – допытывался Комар. Я в нерешительности посмотрела на Колю, сидевшего перед нами на ограде песочницы, и произнесла торжественно:

– Болванчик.

Комар восторженно полез ко мне на плечо:

– Болванчик! – повторил он, смеясь. – Слышишь? Болванчик!

Коля сидел невозмутимо.

– А в повести он вроде Истуканчик? – уточнил Комар.

– Да, что одно и то же.

Истуканчик сохранял спокойствие.

– Прозвище неудачное, – сказала я, чтобы Коля не обижался. – Он совсем непохож на болванчика.

Затем мальчишки забрались на росший поблизости молодой раскидистый дубок. Я напонила, что там пауки. Комар ретировался. Осторожный Коля вспомнил, что там могут быть еще и клещи, и тоже слез.

Комар нашел новую забаву: отобрал у Коли кроссовок и попытался забросить его на дуб. Коля, стоя на одной ноге, невозмутимо наблюдал за безуспешными попытками Комара. Но четвертая попытка удалась: кроссовок надежно зацепился шнурками за верхнюю ветку и повис, раскачиваясь. Комар веселился. Я – тоже. Коля, ничуть не обижаясь, спокойно полез доставать свою обувь. Комар, глядя, как тот, встав на толстый сук, тщет-

но старается дотянуться до кроссовка, держался за живот от смеха. Я – тоже.

– Дай мне пастилку! – хриплым голосом попросил меня Комар. – А то у меня даже горло заболело.

Коля, тем временем, взобрался на ветку выше и снимал кроссовок. Ветка раскачивалась, но мы не беспокоились: внизу была насыпана куча песка.

Достав кроссовок, Коля уселся на ветке и обулся, после чего слез. Комар тотчас радостно набросился на него, и началась обычная веселая возня.

– Поговори с Олей, – велел Коля. Комар повиновался и сел на скамейку рядом со мной.

– Побеседуем немного, и я пойду, – сказала я.

– Не-ет, давай посидим еще: нам с тобой весело, – ответил Комар и опять затеял возню с Колей.

Когда они утомонились, я попросила Комара начитать на диктофон одно из моих стихотворений: хотелось сохранить на память его голос, который мне нравился. Комар согласился и сел возле меня на скамейку. Я подала ему раскрытый сборник – в 342 страницы. Комар взял его, и я поднесла диктофон. Запись получилась такая:

– «Ольга Кавэцкая», – с шутливым акцентом начинает читать Комар (я хмурюсь). – «Сборник стихотворений и переводов», – нарочито окая, произносит чтец (я хмурюсь еще больше). – «Душой-так-гибельно-живой...» – речитатив дискантом. – К-теплу-б... – следует звук тяжелого шлепка: я, молча выхватив сборник, пристукнула чтеца по плечу. Комар вскочил испуганно и тотчас сел обратно.

– Не валяй дурака, – прогудел Коля с ограждения песочницы, – читай как следует.

Я опять подала Комару книгу и включила запись. На этот раз он выразительно прочитал все три строфы выбранного стихотворения.

После чтения Комар принялся испытывать на Коле какие-то боксерские приемы.

– Давай лучше на тебе, – предложил ему Коля.

– Нет, на мне как-нибудь потом, – отказался Комар и повалил Колю на траву.

Возиться они могли долго, и я, чтобы не скучать, подключилась к возне, а именно попыталась отобрать у Комара синий мешочек на веревочках, который был у него за спиной: мне хотелось забросить его на дуб. Комар оставил Колю валяться и ухватился обеими лапками за свой мешочек. Я тянула его к себе, Комар – к себе. Некоторое время мы кружились по двору с веселым смехом, но отобрать мешочек мне не удалось. Комар укрепил его на спине и опять полез на Колю проверять боксерские приемы.

В 19 часов мы попрощались – до 3 августа.

Спор

3-го Комар позвонил и сказал, что не сможет прийти числа до 6-го. Я решила, что это какие-то проказы, и настояла на встрече.

Мальчишки пришли – точнее, Коля приехал на Комарином велосипеде, а Комар прибежал рядом трусцой. Комар торопился. Я досадовала.

– Но у меня дела! – взволнованно звенел Комар.

– Скажи, какие, и тогда я поверю, – отвечала я.

– Дела, как у всех нормальных людей, – уклонился

Комар.

– Если не можешь объяснить, значит – враки, – наступала я.

– Неважно, какие дела, – упорствовал Комар.

Так мы повздорили. Пользуясь случаем, я увлеченно перечислила Комару все его несуществующие «провинности». Комар, сдавшись от моего азарта, объяснил, что у него дополнительные тренировки по футболу перед соревнованиями, и поэтому он перенес встречу. Я не поверила и продолжила наступление. Комар замолчал под моим натиском и только слушал уныло. Коля все это время стоял неподалеку, спокойно наблюдая за нами. Казалось, наша перебранка его забавляла. К тому же я при случае подхваливала его.

– Но ты не знаешь, как он ведет себя, когда тебя нет, – заметил Комар.

– Зато знаю, как ты ведешь себя при мне: вот, срываешь встречи. В этом вся разница. И вообще, – добавила я, – у Коли есть будущее. А ты, если не возьмешься за ум, встанешь когда-нибудь у пивного ларька!

Это звучало нелепо. Комар растерянно заморгал на меня. Мне показалось недостаточно сказанного, и я для большей убедительности добавила возмущенно:

– Алкоголик!

Комар *никогда* не употреблял спиртного: просто у меня все определения закончились. Коля довольно хмыкнул, а Комар даже не понял комичности моего выпада.

Наконец, мне надоело ругаться, и я, удовлетворенно потирая руки, подошла к Комару. Он стоял у ограды песочницы. Там была небольшая арочка.

Встав под ней, он подтянулся несколько раз: для того, чтобы переключить мое внимание и задобрить меня. Но я уже сама задобрилась и после его упражнений протянула ему руку:

– Ну что, мир?

Комар робко подал лапку.

Чтобы сгладить у нас обоих неприятное впечатление от ссоры, я попросила Комара посидеть со мной несколько минут. Он, кокетничая, стал отказываться. Коля велел слушаться. Комар покорно опустился на скамейку и сгорбился. Я села рядом и, обняв его, сказала:

– Немного повздорили с тобой, но ничего: тебе это полезно. А когда ты ведешь себя хорошо, у меня после встреч даже настроение улучшается, и работоспособность, и самочувствие. Я так и говорю: «Какой хороший у меня Комарик!»

Он слегка улыбнулся, я погладила его по голове, поцеловала в щеку и отпустила.

Неверная интерпретация

5 августа я позвонила Комару спросить, придут ли они. Он ответил, что, скорее всего, да. Потом перезвонил два раза, но я не слышала звонка. Отозвалась только на третий. «Нет, сегодня не сможем», – сказал Комар и назвал причину, но я не разобрала слов. «А завтра?» – «Наверное, но утром позвони уточнить».

Я была даже рада, так как мне нездоровилось. На следующий день Комар опять сказал, что не сможет прийти. Я снова решила, что это какие-то

проказы. Комар объяснил, что не может прийти потому, что должен «собирать мячи», на тренировке. Я, наконец, поверила ему.

Поверила потому, что неправильно поняла слова «собирать мячи». Я подумала, что Артём подбирает мяч, вылетающий за поле. В то, что он вратарь, я не верила после одного случая, произошедшего в конце августа 2014 года. Тогда Артём должен был уехать на соревнования в Краснодар. В день его возвращения я позвонила ему, чтобы узнать, как он добирается. Он сказал, что поезд, на котором он едет, «стоит в Ростове». Я почему-то не сообразила, что поезд просто остановился на очередной станции, и сочла, что он задерживается. Желая выяснить причину, я позвонила в железнодорожную справочную. Там, конечно, ответили, что никакого опоздания нет. Когда через несколько дней мы с Артёмом встретились, я не без торжества рассказала ему о звонке в справочную. Он сокрушенно улыбнулся в сторону и ничем не отозвался, чтобы не поссориться.

После этого случая Артём только вскользь упоминал о тех или иных соревнованиях, называя место и противника. Но когда он приносил в наш двор мяч, я отмечала, что он превосходно обращается с ним. У него были те замечательная ловкость, быстрая реакция и мастерское владение мячом, что свойственны настоящим футболистам. Я удивлялась про себя тому, что Артём всего лишь «собирает мячи».

Иногда я находила у его знакомых в соцсети фотографии, на которых Артём был с юными футболистами. Я думала, что он просто подбирает для них мячи.

Только в феврале 2017 года я узнала, что Артём действительно играл в команде. С семи лет он ходил в футбольную секцию, был вратарем в юношеской «Волге», потом перешел в молодежный «Локомотив» – также в качестве вратаря. Он участвовал в международных соревнованиях, у него были награды (например, за 1 место в Международном турнире «Курская весна»), его высоко ценили тренеры. Артём мог стать великим футболистом...

Достижения Артёма были тем более значимы, что он вернулся к футболу после перенесенной травмы – перелома щиколотки. Это свидетельствовало о его несгибаемой воле и любви к своему делу.

Так Артём предпочел не рассказывать мне о своих спортивных занятиях, чем терять в моих глазах, представляясь «лжецом». Зато мы много говорили о футболе как таковом и о его любимой команде в частности. Артём передал мне интерес к этому виду спорта, и я стала болельщиком его любимого футбольного клуба.

Что до Коли, то он играл несколько лет в команде, но позднее бросил серьезное занятие футболом и довольствовался лишь игрой в парке.

Мои фокусы

Мы увиделись 7 августа. У меня было многое подготовлено, но Комар опять спешил, и я ограничилась тем, что показала несколько фокусов. На-

Артём в возрасте
семи лет, когда
начал заниматься
футболом.

Артём с награ-
дой за I место
в Международ-
ном турнире
«Курская весна».
Курск, март
2010 г.

Аргём в "Локомотиве" (сидит, второй слева). 12 мая 2015 г.

Артём между товарищей по команде.
После матча, 25 мая 2015 г.

Артём в "Локомотиве" (сидит, третий слева). 29 мая 2016 г.

чала я с того, что в пустой носовой платок положила спичку и, завернув ее, предложила Комару ее сломать. Коля молча и с любопытством наблюдал. Комар старательно исполнил, с интересом предвкусывая результат. А результат оказался неожиданным: когда я развернула платок, спичка была цела.

– Как же так? – изумленно улыбнулся Комар, глядя на меня. – Я же сломал ее!

Ему страшно хотелось узнать, в чем секрет, но я не стала рассказывать и перешла к следующему фокусу. Дав Комару две монеты – в 10 копеек и 3 копейки, я сказала:

– Зажми в каждой руке по монете, но чтобы я не знала, где какая.

Комар выполнил, спрятав руки за спину.

– Теперь умножь значение той монеты, что в правой руке, на семнадцать.

Комар задумался.

– Можешь не считать, – улыбнулась я. – Я и так могу сказать, что там у тебя три копейки.

– Как ты узнала? – удивился Комар.

Я молчала, загадочно улыбаясь.

– Давай еще раз! – предложил Комар. Хотя обычно фокусы не повторяют, я согласилась. На сей раз Комар догадался, в чем секрет:

– А-а, так ты узнаешь по тому, сколько времени я думал!

– Молодец, сообразительный! – похвалила я. Комар засмутился и, потупясь, скромно проговорил:

– Да это фокус простой...

Потом мы немного поболтали и попрощались.

Испытание

Вскоре я немного повздорила с Артёмом и в наказание (ни за что!) сняла его с работы в подвале. Коля мог бы продолжать работу, но мне было жаль разлучать мальчишек, и я сообщила Коле, что он тоже не будет работать. Для него это не стало разочарованием: он собрался в деревню.

Между тем, находки с раскопок привозили мешками. Для того чтобы места Артёма и Коли не пустовали, я решила устроить других. Мой выбор пал на знакомого по переписке, самоуверенного шестиклассника. Он пришел на аудиенцию к Е.В. вместе с другом С., которому было четырнадцать. Е.В. согласилась принять их, и на следующий день они приступили к работе. Самоуверенный малец оказался чересчур самоуверенным и нагрубил охраннику в университете. Я как ответственная за него уволила его. С., тихий и серьезный, остался работать.

Больше подходящих знакомых у меня не было, — кроме одного полуазербайджанца четырнадцати лет, Т. Я познакомилась с ним прошлой осенью и, быстро оценив, оставила. Это был скользкий лицемер, не имевший в себе ничего мальчишеского. Но каким бы он ни был, главное — чтобы хорошо мыл черепки. Е.В. взяла его.

11 августа мы с Артёмом помирились, и я сказала ему, что он может вернуться к работе. Коля был еще в деревне, поэтому я решила пока не снимать С. и Т. «Чем больше работников, тем лучше», — думала я, вполне довольная положением дел.

13 августа я вышла на работу с Артёмом, хотя чувствовала себя плохо: у меня кружилась голова

от усталости и недосыпания. Но я радовалась возможности побыть с другом и, к тому же, не хотела оставлять его одного среди чужих. Он не знал, что мне скверно.

Мы пришли раньше всех и, устроившись на скамье возле запертой двери в помещение с находками, негромко переговаривались. Постепенно подошли две студентки, а также М. и С. Последний поздоровался со мной и сел с другой стороны от меня. Артём взглянул на него недружелюбно.

В 9 часов пришла старшая по работе и открыла дверь. Все вошли, разобрали тазы, щетки и листы картона и приступили к делу. Я устроилась за одним тазом с Артёмом.

Артём был сосредоточен. Мне тоже не хотелось говорить, и мы молча скребли щетками осколки кувшинов. Через час в подвале возник Т. Заметив меня, он поздоровался. Я кивнула.

– Друг? – мрачно спросил Артём, бросив в его сторону недобрый взгляд.

– Знакомый, – ответила я, и Артём принялся яростно скрести отбитое днище кувшина.

Через три часа я уехала домой – налить воды божьей коровке, жившей у меня, после чего вернулась продолжить работу. Был как раз конец обеда.

Зайдя в подвал, где находилась только одна из студенток, я почувствовала себя плохо и достала валокордин. Справившись с недомоганием, я пробормотала:

– Приехала еще поработать, – и направилась к своему месту. Вослед неожиданно раздалось с насмешкой:

– Какая трудолюбивая!..

Спустя несколько минут появились остальные

студентки, вернувшиеся с обеда. У меня зазвонил телефон: звонила мама.

– Да, все хорошо, – сказала я в трубку. – Немного кружилась голова, но сейчас все хорошо...

Одна из студенток принялась нарочито громко петь. Я заложилa ухо пальцем, чтобы слышать, что отвечает мама, но девчонка еще больше повысила голос. Мне пришлось выйти в коридор.

Вскоре после того, как я возвратилась в помещение, с верхнего этажа пришли мальчишки, в том числе Артём. Как оказалось, наглые девицы опять отправляли несовершеннолетних убирать грязь в туалете, оставленную этими небрежными студентками, когда они выливали там воду.

Артём опустилсЯ на скамейку возле меня и принялся рассеяннo наблюдать за присутствующими. Студентки бравурно пели во весь голос, дефилируя между картонок, на которых лежали черепки, ошарашенный Т. слонялся без дела, и только М. и С. молча приступили к работе.

Я окинула взглядом это странное собрание и дружелюбно пошутила Артёму:

– Как развеселились после обеда! Наверное, хорошо покушали.

Артём сидел отрешенно. Я взялась за щетку.

Студентки продолжали некрасиво паясничать. Через двадцать минут эта клоунада мне надоела, и я решила уйти. Но прежде мне хотелось поговорить с Артёмом. Я попросила его выйти со мной в коридор. Он отказался. Я настояла. Мы вышли. Артём был взволнован. Я мягко попыталась выяснить, что произошло в мое отсутствие. Артём уклонился от ответа.

Мне было плохо. Сердце билось во всю грудь,

в глазах плыло, кровь стучала в висках. Я старалась не подавать виду, что чувствую себя скверно, и продолжала допытываться, что случилось. Артём уклонялся от ответа...

Через несколько минут туда, где мы стояли, прокрался Т., желавший подслушать. Я сразу заметила его и велела уйти. Тот повиновался. Я продолжила разговаривать с Артёмом. Он стоял, поникнув, возле меня.

– Ты знаешь, что в моей жизни было мало хорошего. Наша дружба много значит для меня. Я очень привязалась к тебе и к Коле...

Я думала, что клоунаду в подвале мог спровоцировать сам Артём, если он вдруг попытался каким-то образом устранить тех, кого считал «соперниками», тем самым вызвав неадекватную реакцию остальных. Я не высказывала свое предположение, но на всякий случай давала Артёму понять, что он мне очень нужен.

Потом я говорила что-то о потребности в друге, своей мальчишеской сущности, желании братства. Артём внимательно слушал.

Неожиданно в коридоре появились студентки под предводительством Т.

– Артём, тебя не обижают? – с издевательской заботливостью поинтересовалась одна из студенток. Артём презрительно усмехнулся на них, ничего не ответив. Я спокойно напомнила появившимся, что они вмешиваются не в свое дело, и они удалились.

После я поговорила о чем-то еще. Собравшись уходить, сказала:

– Если дело в тебе, я не хочу таить на тебя обиду. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Чтобы у нас обоих все было хорошо.

И добавила:
– Скажи что-нибудь доброе!
Артём подумал, а потом пробормотал потерянно в сторону: «Пока». Я отпустила его и ушла.

Наказание

Как выяснилось позднее, зачинщиками были студентки. Они глупо позавидовали мне, не в силах спокойно отнестись к тому, что я рассказала Е.В. о себе. Как автору, мне завидовали сплошь и рядом, не понимая, что такое – действительно быть автором, и не зная моей жизни. Кроме того, Е.В. сказала им о моем возмущении тем, что дети по их поручению мыли туалет. Так было положено начало для беспочвенной неприязни, а моя дружба с Артёмом стала удобным поводом поиздеваться над нами обоими.

Пока я отсутствовала, был атакован Артём. К натиску подключился Т. (который, в свою очередь, завидовал тому, что Артём стал героем книг). Артём дал ему отпор и – успешный: когда я приехала, Т. держался в рамках.

С великовозрастными девицами, чувствовавшими себя «на своей территории», Артём справиться в одиночку не мог. И те, стремясь поглотиться надо мной и над детьми, которым я покровительствовала, опять направили их убирать туалет, а сами – ушли обедать. Когда приехала я, студенткам оставалось лишь устроить свою глупую клоунаду в попытке поиздеваться уже надо мной.

Они могли посмеяться и над Артёмом с Колей,

если бы Коля не исчез с работы. После того, как мои ребята в последний раз работали вместе, я случайно услышала сквозь приоткрытую дверь в подвальное помещение, как праздные девицы с глупым смехом обсуждают дружбу Артёма и Коли. Позднее я упомянула об этом Артёму. «Пусть», – равнодушно отозвался он. Когда дело коснулось меня и, следовательно, ситуация оказалась иной, он уже не мог оставаться равнодушным. Но мог заставить замолчать только Т., мальчишку.

По моем возвращении на работу в тот день, Артём не захотел уединяться со мной в коридоре, чтобы не подтверждать домыслы. Когда я попыталась узнать, что случилось в мое отсутствие, Артём уклонился от ответа, не желая расстраивать меня: он заметил, что я чувствую себя плохо.

К сожалению, все это стало известно позже. Тогда, 13-го, я сочла виновным Артёма. Я решила, что он, испытывая ревность к Т. и С. (а ему действительно не понравилось мое знакомство с ними), попытался устранить «соперников» и тем самым спровоцировал все последующее. Меня удивляло и возмущало, как осторожный Артём мог прилюдно затеять спор из-за меня, тем самым компрометируя нас обоих. Именно это (мой вымысел!) являлось причиной моего негодования.

Я не учла, что Артём не стал бы выражать свое недовольство при посторонних, равно как не стал бы устранять «соперников» без моего ведома (так, с И. он говорил зимой по телефону с моего согласия). Его мерой для удаления «противников» было вызывать ревность. Если бы Артём желал воздействовать на меня, он изобразил бы, что тоже завел новые знакомства.

Однако я, не разобравшись в ситуации и сделав поспешный вывод, решила наказать Артёма – за то, что он в действительности *не совершал*.

Моя мама как бывший учитель* побеседовала с ним. Разговор происходил в коридоре подвала. Ни в чем не виновный Артём незамедлительно вызвался попросить у меня прощения – по телефону, так как я отсутствовала. Мама велела ему позвонить при всех, кто имел отношение к клоунаде, что он и сделал безропотно. Дополнительной мерой стало увольнение с работы, что лишило его возможности приобрести приставку.

Несмотря на крайне несправедливое отношение, у Артёма не возникло обиды (он понимал, что я и мама не знали, что произошло, а объяснить он не считал возможным, ибо я могла не поверить и случилась бы ссора со мной, лишив шанса на возобновление). Единственным, что беспокоило его, был вопрос: «А Оля будет с нами общаться?» Это он повторил раза три, когда возвращался с моей мамой из университета: им было по пути. «Нет, не будет», – отвечала мама, продолжая негодовать. На это следовала очень Комариная реплика: «Тогда пусть она мне больше не звонит».

Расставание казалось мне окончательным. Конечно, если бы я решила помириться, Артём с радостью откликнулся бы. Но я, считая его виноватым, полагала, что простить – значит, проявить излишнюю мягкость. И я держалась, перебирая по ночам его фотографии, сделанные в июле.

* По специальности моя мама была юристом, но ей пришлось поработать и в школе (в 1998-2005 гг.). Она преподавала историю, право и краеведение, была завучем.

Возобновление

К счастью, мне удалось узнать, в чем было дело, и 25 августа я пригласила Артёма на встречу, чтобы помириться.

В наш двор привезли песок, и сидеть там было неудобно. Поэтому я предложила встретиться на аллее неподалеку. Там, под высокими ясенями, стояли новые лакированные скамейки.

Я пришла раньше и расположилась на скамье в ожидании мальчишек. Они вскоре появились: Комар – в неизменной позапрошлогодней серой футболке и прошлогодних облегающих джинсовых шортах по колено, Коля – в новой серой толстовке и прежних черных шортах.

Комар подошел робко, поздоровался опасливо, посадил Колю рядом со мной, сам спрятался за ним и замер в ожидании очередной головомойки. Вместо этого я миролюбиво спросила, как у них дела. Комар приободрился, оттолкнул Колю и уверенно сел на его место.

Я заговорила про случай в подвале. Комар обреченно закрылся лапкой, опять ожидая головомойки. Но я сказала, что, как выяснилось, вина лежала на других. Комар расслабился и нерешительно заулыбался с облегчением.

Потом он, как обычно, спросил, с кем я общаюсь (он не хотел делить меня ни с кем). Я ответила уклончиво: «Новых нет». У меня не было никого, но из гордости не хотелось признаваться в этом.

К слову я вспомнила, как зимой обнаружила на странице Коли надпись «Прощай, мой друг! Покойся с миром». Комар весело посмеялся на курьез и заговорил с Колей о его покойной свинке.

- А где ты ее похоронил? – спросил Комар.
- На кладбище за Волгой, – ответил Коля, задумчиво перебирая волосы надо лбом.
- А ты к ней ходишь? – продолжал расспрашивать Комар.
- Иногда...

Затем оживившийся Комар обратил внимание на мои уши:

- А почему у тебя уши не проколоты?

За меня ответил Коля:

- Это же больно.
- Совсем не больно, – возразил сведущий Комар. – Сейчас прокалывают пистолетиком. Чик – и готово.

Потом он отметил, какая удобная скамейка:

- Так бы и ехал на ней до самого дома!

За разговором Комар то и дело зарывался лицом в плечо Коли. Уткнувшись в очередной раз, он произнес восхищенно:

- Как вкусно пахнет!

С самого начала я заметила, что откуда-то веет сладкими духами. Оказалось – от Коли. Я похвалила его духи, он скромно заулыбался, Комар был доволен.

Затем они, как всегда, затеяли возню. Я наблюдала, снисходительно улыбаясь.

Спустя пятнадцать минут я собралась уходить.

- Посидим еще минут пятнадцать! – предложил Комар. И мы посидели еще, весело болтая и радуясь возобновлению общения. В конце я пообещала принести на следующую встречу вкусненькое, и Комар ушел от меня с заинтересованно-довольным выражением.

День рождения Комара

27 августа у Артёма был день рождения. Накануне я отправила ему видеоролик о его любимом футболисте и... песню о нем самом на арабском языке в исполнении известной ливанской певицы Маджиды Эль-Руми. Конечно, песня была вовсе не о Комаре: просто в середине этой композиции Маджида выразительно выводила: «Кома-а-а-ар!» На арабском это слово означало что-то другое, но совпадение было занятным.

Комар поблагодарил за подарки. Я стала готовить новые.

В ночь на 27-е я написала ему поздравление: «Дорогой Комарик! Поздравляю тебя с Днем рождения! Желаю крепкого здоровья, успехов в учебе, отличного настроения! Пусть каждый день приносит радость, мечты сбываются, и подольше сохраняется твое очарование!» К поздравлению я приложила открытку с букетом колокольчиков.

Этого мне показалось мало, и я задумала сочинить ему стихотворение. В последние два года я писала стихи исключительно на английском языке. Хотя Комарик знал английский, я решила написать на русском. Как ни забавно, но мне не удалось выразить свою мысль. Тогда я написала стихотворение на английском и после перевела его на русский:

Пожелание

Пусть прелесть твоя длится, как свет
Длится на белой случайности лилий.

Пусть будет спокойным течение лет,
Без порогов напрасных усилий.

Пусть живость пребудет, как солнца лучи
Сияют на небе и после заката.
Пусть образ твой будет, как проблеск в ночи,
Для того, кто не может быть с тобой рядом...

Стихотворение я разместила при помощи компьютерной программы на сиреновой открытке с розой. Кроме того, я включила его – в оригинале и переводе – в свой третий сборник стихотворений.

Этого мне тоже казалось мало, и я подготовила Комару пакет с пропитанием, добавив кое-что еще.

Мы встретились 29-го, во дворе. Я вручила Комарику блестящий синий пакет, и он с любопытством сунул в него носик.

– Подожди, – сказала я. – Давай сначала сфотографируемся.

Там была моя мама, она и засняла меня с Комаром и Колей (одна из фотографий – на фронтисписе). Снимала она минут семь. Все это время Комар покорно держал неразобранный пакет, старательно позируя для фотографий.

После съемки Комар наконец-то смог заглянуть в пакет и радостно обнаружил там свои любимые чипсы, клубничный шоколад, вишневый фонарик-брелок со стразами и большой конверт. В конверте находился снимок футбольной команды. Среди игроков в бордовой форме стоял кто-то миловидный и сосредоточенный, одетый в оранжевую футболку, черные шорты, черные гетры и черные бутсы. Комар признал себя и удивился, где я нашла эту фотографию. Я ответила, что в соц-

сети, на странице одного из его знакомых. Фотографию я не дарила, а принесла только показать. Комар с готовностью перечислил мне всех игроков и вернул снимок. Затем довольно изучил фонарик (дав мне почувствовать, что это – великолепный подарок) и весело опробовал его, посветив на спину невозмутимого Коли: «Ну-ка посмотрю, чистый ли ты?» Потом убрал фонарик понадежнее в карман и приступил к питанию.

Открыв шоколад, Комар предложил его мне. Я отказалась. Он поделился с Колей. Затем, съев свою часть, распаковал чипсы и тоже предложил мне. Я отказалась. Комар опять поделился с Колей. После чипсов он достал свои семечки и также предложил мне. Я опять отказалась.

– Вот видишь! – с шутливой наставительностью сказал Комар Коле. – А тебе что ни предложи, ты на всё соглашаешься.

Поедание семечек привело к маленькому курьезу. Мы сидели в домике: я – рядом с Комаром, Коля – напротив. Комар о чем-то болтал, аккуратно поджедая семечки и не глядя на Колю, я слушала его, а Коля, сонный после ночи за компьютером, сидел с закрытыми глазами. Вдруг на самом кончике его носа возникла шелуха от семечки. Он тотчас проснулся, а я со смехом уткнулась в плечо Комара:

– Ну и ловкий же ты! – пробормотала я. – Чтобы нечаянно попасть – да точно Коле на нос!

Комар весело воззрился на Колю, сам изумляясь своей меткости. Смеялись все трое, а Коля нарочно не снимал шелуху, чтобы мы позабавились.

В конце я обещала принести им что-нибудь еще, и мы попрощались, условившись встретиться

31 августа. «В ...дцать часов» – сказал Артём. Я не дослышала, но не стала переспрашивать, подумав, что он произнес «пятнадцать».

31-го меня удивило, что Комар не звонит: обычно, пока я добиралась к месту встречи, он спрашивал два-три раза, где я. Я позвонила сама и сообщила, что уже иду и ровно в 15 буду во дворе. Теперь удивился Комар:

– Мы не договаривались на 15 часов.

Время встречи действительно было другое. Тем не менее, я настояла, чтобы мальчишки пришли.

Они появились во дворе через десять минут.

– Мы торопимся, – сказал Комар. – Если только пять минут...

– Жалко, – ответила я. – А я вам целый пакет приготовила.

Комар перестал торопиться. Мы устроились в домике, каждый в своем углу. Я неспешно достала из пакета большую рыбную котлету. Комар заинтересовался. Я решила немного подразнить его и мило обратилась к Коле:

– Вот рыбная котлетка. Свеженькая. Вкусная. Будешь?

– Буду, – отозвался невозмутимый Коля и спокойно приступил к поеданию котлеты. Комар сделал безразличный вид и стал ревниво наблюдать, как друг аккуратно отщипывает кусочки.

– Тебе оставить? – спросил у него Коля.

– Не надо, – равнодушно отозвался Комар. – Я не люблю холодные котлеты. Котлеты должны быть горячими.

И потупился обиженно.

Коля все-таки оставил ему половину. Я любез-

но подала Коле салфетки:

– Вот салфеточки вытереть руки.

Коля тщательно обтер замасленные пальцы и, свернув салфетку, положил ее на столик. Я протянула ему другой сверток:

– А вот пирожки. Свеженькие.

Комар молча вышел из домика. Коля, не обратив на него внимания, принялся аккуратно поедать пирожок. Я продолжала заботиться о нем:

– А вот вода, – и поставила бутылку на столик. – А вот еще сливы, – и положила туда коробочку с десятком небольших слив.

Комар все это время нервно расхаживал поодаль. Завидев новые припасы, он поспешил обратно. Я некстати учтиво обратилась к Коле, занятому пирожком:

– Не надо ли еще салфетку?

Комар забрался в домик и уныло сел в углу. Коля протянул ему другой пирожок:

– Будешь?

Комар хотел было отказаться, но передумал. Молча взяв угощение, он принялся с нарочитым безразличием откусывать маленькие кусочки. Тут Коля добрался до начинки:

– Капу-у-уста! – сморщился он и взглянул на меня растерянно, не зная, что делать. Комар усмехнулся довольно.

– Выковырай капусту, и все дела, – сказал он и с удовольствием откусил от своего пирожка.

Затем Коля взялся за сливы.

– Ты не будешь? – спросил он Комара.

– Я не люблю сладкие сливы, – кокетливо ответил Комар, жадно глядя на них. Коля принялся невозмутимо поджевывать сливы.

- Вкусные? – спросила я любезно.
- Да, – ответил Коля. Комар молча наблюдал, как исчезают сливы. Когда осталась последняя, он схватил ее и целиком отправил в рот.
- Ты же не любишь сладкие! – улыбнулся Коля.
- Ничего, – проговорил Комар с набитым ртом, – я и сладкие съем.

Комару всегда хотелось, чтобы я уделяла внимание Коле, но если я при этом пренебрегала им самим, он обижался.

После угощения я достала из пакета карандашный портрет, нарисованный мною.

– А это – Коля, – сказала я, поворачивая рисунок к ребятам. Оба воззрились на него с удивлением.

– Похож? – спросила я. Комар взял портрет, отставил руку и, посмотрев внимательно, весело констатировал:

– Хороший фоторобот получился!

Коля тоже был доволен.

Затем я предложила:

– Показать вам фокус?

– Конечно! – заинтересовались оба.

Дело фокусника я только начинала осваивать (ради Артёма), и мои первые фокусы были весьма простыми. Сейчас я достала карты и положила на столик в ряд четыре из них: пиковую даму, короля бубен, валета черв и валета крестей.

– Теперь я отвернусь, – сказала я, – а вы тем временем переверните любую из этих карт вверх ногами: не обратной стороной, а вдоль.

Я отвернулась, и деловитый Комар принялся копошиться над столиком.

– Готово, – вскоре возвестил он.

– Ты перевернул короля, не так ли? – спросила я.

Коля
Ольга Кавецкая, карандаш, 30 августа 2015 г.

Комар
Ольга Кавецкая, карандаш, 22 марта 2015 г.

– А как ты узнала? – изумился Комар.
– Наверное, карты были замечены, – предположил Коля. Мне не хотелось раскрывать секрет, но любознательный Комар настоял, и я объяснила, что положение карт можно запомнить по боковым полосам, которые различаются по ширине.

Потом я показала еще два фокуса, с картами и монетами, после чего дала почитать отрывки из своей автобиографии. Они были озаглавлены «Странные случаи».

В моей жизни не раз происходили события, не поддающиеся рациональному объяснению. Так, однажды, когда мне было девять лет, бабушка пожаловалась, что у нее болит спина. Я незаметно подошла сзади и начала водить руками над больным местом, не касаясь его. Бабушка ничего не заметила. Спустя несколько минут она сказала маме, что спина больше не болит. А у меня неожиданно началась сильная ломота в пояснице.

Другой случай произошел в сентябре 2010 года. Я занимаюсь по ночам, а сплю днем. В тот день я проснулась в 13 часов. Посмотрела на будильник и, решив, что можно еще поспать, повернулась на другой бок и тотчас провалилась в сон. И мне приснилась городская улица, клубы дыма, искореженные остатки машины, паника... Я резко проснулась: было 13.30. Вечером я узнала из новостей, что в 13.20. во Владикавказе, куда я ездила с 2005 года, была взорвана маршрутка.

Иногда подобные явления происходили наяву. В ночь на 24 июля 2013 года я верстала свой сборник стихотворений, как вдруг в сознании возникло название «Сантьяго де Компостела». Подняв голову от клавиатуры, я почему-то даже повторила его

вслух. Это название города в Испании. Как я узнала позднее из новостей, вечером 24 июля в 6 км. от этого города скоростной поезд, двигавшийся со скоростью 190 км/ч., сошел с рельс на крутом повороте возле бетонного ограждения моста. Локомотив, оторвавшись, опрокинулся на бок и промчался так некоторое расстояние (машинист при этом выжил), а следовавшие за ним несколько вагонов врезались в ограждение.

Вечером 7 марта 2014 года я, устав от работы над своими книгами, легла спать. И увидела сон: большое помещение, в нем толпа народа, я в длинном черном одеянии наподобие монашеской рясы решительно прохожу сквозь толпу (передо мной расступаются) и говорю: «Готовьтесь хоронить». Потом я узнала, что тем вечером (по московскому времени) бесследно исчез Боинг-777 малайзийских авиалиний с 239 людьми на борту...

Отрывки зачитывал Коля. Комар ловил каждое слово, а некоторые эпизоды просил прочитать еще раз. После чтения он со смешанным чувством изумления, восхищения и восторга принялся пожимать мне руку.

Комар был хорошо знаком с событиями в мире. Так, он помнил о катастрофе испанского поезда, а о «Боинге» уточнил:

– Это сон про тот самый «Боинг», малайзийский? А его так и не нашли?

– Не нашли, – ответила я. – Недавно обнаружили флаперон на острове близ Мадагаскара, и более ничего. Наверное, ищут не в том месте.

Посерьезневший Комар проговорил:

– Не может быть, чтобы такой самолет просто пропал. Он где-нибудь приземлился, и люди живы.

И повторил настойчиво, глядя в сторону:
– И люди живы.

Помнил он и о другом, гораздо менее громком деле: исчезновении небольшого самолета в Сибири. Его искали на огромной территории, а нашли спустя год в километре от аэродрома.

После чтения Комар сказал, что они могут посидеть еще. Я объявила, что хочу сделать ему небольшой подарок. Комар заинтересовался. Я достала из сумки маленькую зеленую коробочку и, держа ее, произнесла с сомнением:

– Только подарок, наверное, не очень подходящий. Родители спросят, откуда это, а в школе не поймут. Так что я только покажу его, – и я подала Комару коробочку. Комар принял ее бережно и, улыбаясь в предвкушении, открыл. В коробочке было кольцо – скромное, серебряное, с несколькими маленькими гранатами.

К моему удивлению, Комар не удивился. Осторожно взяв кольцо, он внимательно рассмотрел его, а затем принялся примерять. К его огорчению, оно оказалось мало. Комар не растерялся и надел кольцо Коле, на правый безымянный палец. Полюбовавшись, снял и опять стал рассматривать. Потом снова попробовал надеть себе, но опять безуспешно. После положил на место, закрыл коробочку и не без сожаления вернул. Надежно убрал ее в сумку, я произнесла с загадочной улыбкой:

– А теперь – самое главное, – и подала Комару бирочку от кольца. А там значилось: «Цена – 586.900 руб.». Комар онемел и, замерев, уставился на меня. Довольная произведенным впечатлением, я взяла у него бирочку и показала Коле. Коля онемел и, замерев, уставился на меня. Я любова-

лась полученным результатом. Наконец, Комар пробормотал:

– Откуда такие деньги?

– Накопила, – беззаботно ответила я.

Комар призадумался, после чего сказал:

– Лучше было бы отдать мне эту сумму деньгами.

Тут его осенило, что я не могла столько накопить, и он опять спросил пораженно:

– Но откуда такие деньги?

Я рассмеялась:

– Съездите в Белоруссию, – весело сказала я, – там все становятся миллионерами после обмена валюты.

Цена на бирочке была в белорусских рублях, а в российских составляла полторы тысячи. Комару очень понравился мой розыгрыш.

Так проведя около часа, мы попрощались – до осенних каникул, по словам Коли: в том учебном году он должен был учиться во вторую смену и поэтому не собирался гулять с Артёмом столь часто, как раньше.

Наша вторая осень

Время без Комара было унылым. Наконец, 1 ноября пришла моя «шпана», в прошлогодней куртке и с радостной улыбкой. Возле него присутствовал неотделимый Коля. Все трое были рады встрече. Неизменившийся Комар сиял во все проволочки (которые скоро должны были снять) и смотрел на меня с живейшим интересом в ожидании новостей. Я первым делом вручила ему

шоколадку и две конфеты – на двоих. Он дал Коле конфету и несколько кусочков шоколада (так как тот не очень любил сладости), а остальное умял сам. «От души!» – подытожил Комарик удовлетворенно и погладил себя по пузику.

Затем мы беседовали, сидя на нашей скамейке: сначала Коля сидел рядом со мной, потом Комар занял его место.

Я спросила Комара об учебе.

– Все нормально, – бодро сказал он и поинтересовался, чем занимаюсь я.

– Пишу автобиографию, – ответила я и немного рассказала о ней. В автобиографии несколько глав были посвящены Комару и Коле.

Затем я упомянула о том, что опять пыталась найти друзей. Мальчишки, сидя рядом со мной на скамейке, молча понурились. Не желая огорчать их, я заговорила о другом.

После беседы мы возились: Комар с Колей, Коля – со мной (впервые), я – с Комаром.

– Эх, жалко, что у тебя нет сегодня твоей торбушки, – сказала я Комару, – а то я забросила бы ее на дерево и посмотрела бы, как ты здорово лазишь по деревьям.

Комар решил, что я хочу это увидеть, и с готовностью полез на небольшой дуб, росший во дворе. Но ему удалось только подтянуться на руках, тогда как ногами было не зацепиться за ветки, и он попросил Колю подсадить его. Коля взял его за ноги и попробовал забросить их на ветку.

– Не там берешь, – пропищал Комар, вися на руках между веток, – возьми выше.

Коля подхватил его за талию и подсадил на дерево. Комар уцепился за ствол и горделиво встал

во весь рост. Так покрасовавшись перед нами, он грациозно прошелся по наклонному суку, держась за более тонкие ветви. Коля полез к нему, а я осталась внизу, сожалея, что в новой куртке на дерево не заберешься...

Комар установился на ветке и, повернувшись спиной к Коле, спросил не без доли кокетства:

– Посмотри, я чистый?

Коля пробубнил утвердительный ответ, осторожно пробираясь по толстому суку к краю. Комар направился так же по другому.

– Вот, нормальные живые люди! – сказала я, наблюдая за ними и вспоминая предыдущие знакомства с их ровесниками, которые были чопорными, как барышни. Коля, бывший в необычно игривом настроении, принялся бросать в меня сухие листья.

– Не надо, – остановил его Комар, – вдруг в лицо попадешь.

У меня тоже было отличное настроение, и я, найдя под дубом небольшой сучок, прицелилась бросить его в Колю. Однако Комар стоял ближе ко мне и спиной, так что я воспользовалась случаем и удачно шлепнула его сучком по мягкому месту.

– Ой-ой-ой, – с нарочитым испугом проговорил Комар, – в меня бросаются, я слезаю, – и он ловко полез по суку обратно. При этом задел спиной ветки и – опять, кокетливо:

– Коля, посмотри, я чистый?

Когда они слезли, я предложила им помериться силой со мной. Комар с радостью согласился, и мы направились в домик, где был столик. Там мы с Комаром расположились друг против друга и, поставив локти на стол, взяли за руки. Лапка

Комара была чуть меньше моей, и я боялась крепко сжимать ее. Но, несмотря на хрупкость лапок, Комар оказался силен, и я, уже не робея, изо всех сил попыталась повалить его руку. Однако не смогла сдвинуть ее ни на миллиметр. Равно как и ему не удалось пошевелить мою.

Затем я померилась силой с Колей. Его руки были еще более хрупкими и очень нежными, но оказались столь же сильными, как у Комара. Испытание тоже закончилось ничьей.

После я баловалась с Комаром. Неожиданно сняв с него шапку (было +6° С), я убежала от него, а он ловил меня. Возня с шапкой навела меня на мысль поиграть в жмурки. Комар и Коля радостно приняли мое предложение. Водить вызвался Комар. Завязывать глаза было нечем, и он придумал натягивать шапку на нос, только почему-то взял для этого шапку Коли, желтую, а ему отдал свою, чтобы тот не замерз. Мне удалось бы долго уворачиваться от Комара, если бы я не залюбовалась им – с желтой шапкой на лице и растопыренными лапками в черных перчатках.

Когда настала моя очередь водить, я попросила у Комара его шапку.

– Возьми у Коли, – предложил он, кокетничая.

Я настаивала на его, он мило отказывался, Коля протягивал мне свою, пока меня не осенило, что у меня на голове есть собственная. Опустив ее на нос, я приступила к делу и довольно скоро наткнулась на Колю.

Когда опять стал водить Комар, Коля внес изменения в его внешний вид, натянув ему на лицо его шапку, которая при развороте была черной. Для большего впечатления он поднял Комару тон-

кий серый капюшон от куртки. Так Комар и бродил за нами по двору: стройная фигурка в сером капюшоне, с черной мордочкой, одетая в темно-синюю облегающую куртку и обтягивающие джинсики и пытающаяся поймать нас маленькими лапками в черных перчатках. Мы веселились.

В забавах незаметно прошли два часа. Мы были бы вместе и дольше, если бы Комару не позволили.

Когда я приехала на следующий день, мальчишки уже были во дворе. Стоя возле скамейки, Комар с заливистым смехом держал перед Колей руки, тогда как тот пытался распутать проволоку, которой связал их. Так они развлекались в ожидании меня.

После того, как Комар был освобожден, я решила немного подразнить его и сказала:

– Каждый день одно и то же: шоколадик да шоколадик. Надо что-нибудь новенькое. И я придумала новенькое...

– Что? – с интересом спросили клопы в один голос.

– Отсутствие шоколадика! – весело ответила я.

– Ка-ак?! – прозвенел Комарик в нарочитом изумлении. – Ты не принесла шоколад?!

– Не принесла.

Комар деловито полез в мой пакет. Там он обнаружил только бутылку воды – и то неполную.

– И это все?! – воскликнул он патетически.

– Да, – невинно отозвалась я.

– А шоколадик?..

– Ишь ты, харчами перебирает! – вспомнила я старый анекдот. Комар понуро опустил на скамейку рядом со мной и сказал шутливо:

– Ну все, мы грустные, – и сделал унылую мордочку.

Выждав паузу, я торжественно достала из сумки плитку шоколада. Клопы преувеличенно обрадовались и принялись за дело.

После приема пищи Комар опять достал проволоку и связал руки Коли. Тот должен был освободиться, что и сделал с необычайной ловкостью.

– Прямо, как Гудини! – отметила я.

Затем Комар связал проволокой свою левую ногу с правой Коли и принялся прохаживаться по двору. Но шагать в ногу было сложно, и они спотыкались, весело смеясь. Потом мы опять играли в жмурки.

В конце я попросила Комара подставить щечку для прощального поцелуя. Он закокетничал:

– Поцелуй сначала Колю!

Я не растерялась:

– Лучше ты.

Комар с готовностью чмокнул друга в щеку, чем заставил его покраснеть. После я с улыбкой спросила Комара:

– Хочешь на следующую встречу шоколадика?

– Хочу! – радостно ответил он.

– А чипсов?

– Да, – произнес он осторожнее.

– А воды, чтобы все это запить? – продолжала расспрашивать я, хитро улыбаясь.

– Да, – отозвался Комар настороженно.

– А пятьдесят рублей на телефон?

– Хочу! – опять оживился он.

– Хорошо! – весело сказала я, потирая руки. – Тогда подставляй щечку.

Комар с удовольствием подставил, и я четыре

раза поцеловала его «нектаринку» – уже не столь круглую, как год назад. На этом мы и расстались – до следующего дня.

Следующий день, 3 ноября, был солнечным и необычно теплым: + 11° С. Хорошая погода благоприятствовала нашим встречам, и я радовалась. Но, к моему огорчению, когда я ехала, позвонил Комар и, спросив, где я, сказал: «Мы выйдем на встречу, а то мы спешим».

Выйдя из автобуса, я направилась старыми улицами к нашему двору. Ребят не было видно. Пройдя одну остановку, я повернула на пересекающую улицу и пошла по ней. До двора оставалось метров сто. Там я краем глаза заметила, как из переулочка выезжает человек на велосипеде, а рядом с ним бежит мальчик. Не обращая на них внимания, я решительно направилась по улице. Вдруг позади послышалось «Привет!» – голосом Комара. Я оглянулась и увидела его самого. «Взрослый человек» оказался Колей, на Комарином велосипеде. Они поравнялись со мной, и мы вместе пошли во двор.

– Как дела? – поинтересовался Комар.

– Хорошо, – ответила я и добавила:

– Даже очень.

– А что случилось? – встревоженно спросил Комар.

– Ничего, – успокоила я его. – С вами общаюсь.

Комар несколько раз бросил на меня взгляд, после чего принялся открыто любоваться.

– Хорошо выглядишь, – с искренним восхищением сказал он, не сводя с меня глаз. Так он и шел, обратившись ко мне, пока невозмутимый Коля не

въехал между нами со словами:

– Тёма, что ты мне под колеса лезешь?

Тёма посторонился, а Коля продолжил ворчать:
– И когда же ты купишь, наконец, нормальный велосипед?

Дойдя до двора, мы расположились в домике. Я вручила Комару чипсы, шоколадный батончик и два кусочка французского мятного шоколада – все на двоих. Комар принялся сосредоточенно делить пропитание. Коля получил кусочек батончика, чипсы были оставлены для обоих на потом.

Мальчишки собирались играть в футбол в парке (Колю пригласил знакомый, а Комар уступил). Комар предложил мне сходить с ними:

– Только мы пойдем быстро, можешь подойти попозже.

Я с радостью согласилась, но Колю что-то осенило, и он отозвал Комара. Вернувшись, Комар передал, что мне лучше не ходить, а то Коля будет стесняться играть.

Напоследок Комар, стоя передо мной, по-хозяйски заглянул в мой пакет, который я держала в руках. Там было кое-что приготовлено для них.

– Это остается на завтра, – сказала я.

Нападение на Комара

Мы увиделись на следующий день, 4 ноября. Это был пасмурный туманный день, довольно холодный (+5° С) и сырой. Но моей «шпане» любая погода была нипочем, и они были, как всегда, веселы и забавны.

Сначала я вручила им белые картофельные мешки, предложив попрыгать в них (именно это было накануне в моем пакете). Клопы с энтузиазмом забрались в мешки и, наметив финишем ограду двора в двадцати метрах, бодро запрыгали туда. По дороге Коля ухитрился выскочить из мешка и запутаться в нем, тогда как Комар ловко добрался до цели. Там он развернулся и, не вылезая из мешка, направился обратно. Коля, взяв свой в правую руку, как флаг, весело устремился ко мне. Я, тем временем, снимала их на видео.

Потом я предложила поиграть в «Чепуху». Суть этой игры в том, что участники по очереди пишут ответы на вопросы, заворачивая листок так, чтобы остальные не видели написанного. Вопросы следующие: «Кто? С кем? Где? Во сколько? Что делали? Кто видел? Что получилось?» Мысль у всех троих работала в одном направлении, и получалось вполне правдоподобно: «Комар с Колей во дворе играли в футбол. Видела Оля. Было весело». Иногда бывало интереснее: «Комар с Колей на дереве делали математику...»

После игры я опять забавлялась с Комаром, отбирая у него шапку. На этот раз он не уступал мне и, подойдя ко мне под предлогом, что хочет что-то сказать на ухо, снял шапку с меня. Шмыгнув за Колю, он куда-то быстро спрятал ее. В поисках пропажи я оцупала всего Колю – как обычно, невозмутимого, пока не заметила, что Комар ходит с пузиком.

Наигравшись, мы устроились в домике. Комар не хотел уходить, а идеи уже исчерпались. Поэтому я решила посмотреть, нет ли чего-нибудь занятного у меня в сумке. Там обнаружился склад-

ной ножик, которым я обычно пользуюсь в дороге. Конечно, мальчишки заинтересовались. Коля внимательно рассмотрел ножик, развернул лезвие и открывашку, потом сложил и передал Комару. Тот вытащил лезвие и, посверкав им на свету, решил опробовать, как оно режет. Ничего иного, кроме края крыши домика, поблизости не было.

– Не надо, – остановила я его. – Этим ножом я нарезаю продукты.

Комар сложил ножик и вернул мне. Я убрала его обратно в сумку и повернулась к Комару, чтобы что-то сказать, как вдруг к нему снаружи протянулись чьи-то руки, схватили за шиворот и потащили из домика. Комар, не издав ни звука, ловко вывернулся и дал стрекача. Владелец рук тоже исчез: видимо, погнался за Комаром. Все это было столь неожиданно и произошло так быстро, что мы с Колей остались сидеть пораженные.

– Кто это? – пробормотала я.

– Не знаю, – ответил потрясенный Коля.

Через минуту незнакомец вернулся и, наклонившись к окошку, возле которого сидела я, набросился на нас со словами:

– Что вы делаете с ножом на детской площадке?

Теперь я могла видеть его. Это был невысокий полный мужчина средних лет. Я бездумно накрыла ладонью сложенные руки Коли, как будто защищая его, и, в свою очередь, атаковала незнакомца – спокойно, но решительно:

– А почему Вы набросились на ребенка?

– Но он был с ножом на детской площадке! – гневно вскричал незнакомец. – Здесь гуляют мои дети!

– Сейчас здесь нет Ваших детей, – ответила я, не повышая голос. – А этот мальчик – тоже ребенок,

и Вы не имели права набрасываться на него.

– Но он был с ножом! – негодуяще повторил незнакомец, опасливо отступая от окошка.

– Он с этим ножом ни на кого не нападал. Какое Вы имели право нападать на ребенка? Это мои дети, я за них отвечаю, а что Вы здесь делаете?

Незнакомец замолчал и ретировался. Мы с Колей озадаченно посмотрели друг на друга, после чего вышли из домика и огляделись в поисках Комара. Его не было ни видно, ни слышно.

– Где же Тёма? – произнесли мы задумчиво в один голос и медленно направились в сторону скамеек. Там его тоже не оказалось, и мы растерянно остановились под березой. Коля, привычно невозмутимый, неспешно достал телефон и позвонил ему. Комар ответил тотчас.

– Ты где? – спокойно спросил Коля. – Иди сюда. Почему «нет»? Он уже ушел, – Коля сохранял хладнокровие. – Повторяю тебе: он уже ушел, иди сюда.

Комар упирался.

– Ну-у, дура-а-ак! – протянул Коля, не повышая голоса. – Еще раз говорю: он уже ушел. Ну-у, дура-а-к!

Коля отключил телефон и аккуратно убрал его в карман.

– Не идет? – спросила я.

– Придет, – заверил Коля. Тут у меня зазвонил телефон, и на экране высветился номер мамы, которая ожидала меня в магазине неподалеку от двора.

– Да! – отозвалась я. На другом конце раздался встревоженный голос Комара:

– Он уже ушел?

- Ушел, – успокоила я. – Возвращайся.
- Давай лучше в третий двор, – предложил осторожный Комар.
- Это где?
- Коля знает.
- Ладно, только возвращайся.

Я положила телефон на место, и мы с Колей стали ждать нашего беглеца. Откуда он появится, было неизвестно.

Перед нами находился пятиэтажный жилой дом с аркой на улицу, справа от нас была улица старых частных домов, отчасти скрытая флигелем этой пятиэтажки, позади нас располагались небольшая школа и двор с домиком, слева – другая пятиэтажка, примыкавшая к первой. Мы посмотрели во все стороны и остановили взгляд на арке.

Через несколько минут из-под арки осторожно вышли оранжевые кроссовки – единственно яркие пятна в сплошной серости. Они остановились на мгновение в нерешительности, робко ступили вправо, потом неуверенно – влево, после чего крадучись направились к нам.

– Ишь, подбирается! – с усмешкой заметил Коля. Комар подошел бледный.

– Он ушел? – спросил Комар, глядя на меня огромными глазами.

– Ушел, – заверила я, не без иронии созерцая эту испуганную мордочку.

– А что он сказал?

– Ничего особенного, – беззаботно ответила я.

– А что вы сказали ему?

– Ничего особенного.

– Он угрожал вызвать полицию! – воскликнул Комар, все еще не могущий прийти в себя.

– Ну и что? – отозвалась я. В разговор вступил Коля:

– Надо знать свои права, – прогудел он наставительно, взирая сверху вниз на съежившегося Комара. – Он не имел права даже трогать тебя: ты же несовершеннолетний.

– Правильно говоришь! – поддержала я, довольная тем, что мои слова, сказанные после случая в университете, не прошли даром.

– А ты сразу – бежать, – продолжал Коля. – Права надо знать! – и добавил учительским голосом:

– Вместо того, чтобы неприличные видики смотреть, лучше бы кодекс почитал.

Комар слегка улыбнулся, представив, как он читает кодекс. Потом опять вспомнил про угрозу незнакомца:

– Но он собирался вызвать полицию!

– Ха! – усмехнулась я. – Пустые слова! – и добавила наставительно:

– Свои права надо знать!

Комар оставался бледным. Для того чтобы успокоить его, я предложила:

– Давай щечку поцелую!

Комар охотно подставил щечку, стоя ко мне левым боком. Я приобняла его за плечи, держа в одной руке пакет с картофельными мешками, а в другой – сумку. Все это оказалось на Комаре, который не обратил никакого внимания на неудобство. Рядом с нами стоял Коля.

– Подержи-ка! – я повесила ему на руку пакет, после чего крепко обняла Комара за плечи и чмокнула в щеку. Он мягко улыбнулся, и я отпустила его. Взяв у Коли пакет, я пожала ему руку, мы с Комаром договорились о встрече и попрощались.

Позднее моя мама рассказала то, что для нас с Колей осталось за кадром. Она была возле магазина, когда из-под арки пульей выскочил Комар. Заметив маму, он притормозил и поздоровался.

– Уже расходитесь? – спросила та, ни о чем не подзревая.

– Да у меня тут дела... – неопределенно ответил Комар и бросился к переходу. Дождавшись зеленого света, он со всех ног помчался на другую сторону улицы. «Наверное, его отправили в “Чикен-Хауз”», – предположила мама: так спешить Комар мог только за пропитанием. Однако он, не сбавляя скорости, устремился в сторону МЧС. Там он остановился и достал телефон. Мама отвлеклась от него и неспешно пошла ко входу в магазин. Вдруг из-за ее спины выскочил Комар.

– Можно позвонить Оле? – попросил он. Мама дала ему телефон, и обеспокоенный Комар попытался набрать мой номер на экране кнопочного телефона. Мама напонила, что это «Nokia». Комар перешел на кнопки и, дозвонившись до меня, спросил встревоженно:

– Он уже ушел?

Закончив разговор со мной, Комар поблагодарил за телефон и покрался под арку к нам...

«Недотыкомки»

Следующая встреча должна была состояться 7 ноября, в 15 часов. Когда я приехала, мальчишек во дворе не оказалось. Я позвонила Комару:

– Вы где сейчас?

- Играем в парке, – сказал он и добавил:
- Встретимся в четыре.

Я направилась в парк, раздосадованная тем, что встреча откладывается. Там по футбольному полю проворно бегали оранжевые кроссовки. Я гневно посмотрела издали на их обладателя (он меня не видел), затем – на его неотлучного Колю (который тоже меня не видел) и пошла прочь. На пол-пути я решила не уходить ни с чем и набрала номер Коли, желая вызвать их и сказать все, что думаю. На их счастье, он не отозвался. Я ушла.

В 15.40. позвонил Комар и спросил, где я (он обычно звонил пару раз, пока я добиралась до двора). Я ответила, что на проспекте за парком.

- А мы уже на старом месте.
- Вот и сидите там, – мрачно бросила я и неспешно пошла в сторону нашего двора. На месте я была через десять минут.

Комар и Коля встретили меня настороженно, стоя возле скамейки под березой. Комар, предчувствуя дурное по моему сердитому тону, робко сказал без обычной улыбки:

- Привет.
- Здравствуйте, недотыкомки, – холодно отозвалась я, направляясь мимо них к скамейке.
- Кто-о?! – протянули удивленно недотыкомки.
- Кузнечики? – предположил Коля.
- Недотыкомки.
- А что это такое? – поинтересовался Комар, пристраиваясь ко мне слева.
- Вы. Недотыкомки серые, – я поставила на скамейку сумку и пакет и посмотрела на клопов. Они стояли передо мной, нерешительно глядя на меня в ожидании неприятностей.

– Так что, – неожиданно браво произнесла я, потирая руки и шагнув к ним, – здорово, недотыкомки!

Комар расцвел от облегчения и радостно подал мне лапку в черной перчатке:

– Здорово!!!

Я пожала лапку нарочито сильно, и Комар затряс ею – радостно. «Головойка миновала», – решили недотыкомки. Я отступила от них на пару шагов и произнесла негромко:

– Мне всегда нравилось то, что вы держите свое слово. Назначили встречу – пришли, а если что-то изменилось, – позвонили и сообщили. Но теперь я вижу, что вы ничуть не лучше других, – я отступила еще и добавила пренебрежительно, поправляя сумки:

– Такое же барахло.

Коля засопел возмущенно, а Комар осторожно попытался оправдаться:

– Мы же не договаривались о времени.

Я напомнила, как договаривались:

– Когда я 4-го пожала руку Коле, ты сказал: «Увидимся в субботу в пятнадцать часов».

– Я не помню, – искренне удивился Комар. Забывчивость была ему несвойственна, и я предположила:

– Значит, ты так испугался того дядьку, что все забыл.

Комар постарался вспомнить тот разговор, но безуспешно. Я сказала:

– Кстати, видела вас в парке, когда шла мимо корта.

– А что ж мимо? – спросил Комар разочарованно. – Надо было постоять, посмотреть...

– Не хотелось, – уклонилась я от ответа. Комар миролюбиво перешел к другому предмету:

– А шоколадки принесла?

– Принесла, – ответила я и решила подшутить над моим сладкоежкой:

– Хочешь покажу? – и достала из сумки шоколадный батончик.

– Это и все? – протянул Комар с нарочитым разочарованием.

– Есть второй, – я продемонстрировала его и шутливо добавила:

– Подставляй «нектаринку» – получишь оба!

Комар влез на скамейку и, кокетничая, отказался.

– А чипсы принесла? – мило поинтересовался он, не спускаясь вниз.

– Да, но они у мамы.

– А где мама?

– Далеко. На пешеходной улице.

– Мы сходим возьмем! – вызвался Комар.

– Попробуйте, – улыбнулась я.

– Ну, дай тогда батончик! – попросил Комар, пританцовывая на скамейке.

– Не дам.

– Это же наша прощальная встреча! – патетически произнес Комар в шутку и добавил для правдоподобия:

– Я завтра уезжаю.

Коля удивленно воззрился на него:

– Ты мне ничего не говорил...

– Куда же ты уезжаешь? – усмехнулась я. Комар опустил голову и жеманно проговорил:

– Это секрет.

– С родителями? – уточнил Коля.

– Да.

Комар вздохнул от драматичности момента и печально посмотрел на меня:

– Дай батончик!

Я молча дала, не желая дразнить его дальше. Комар отковырял кусочек Коле. Тот принялся мрачно жевать:

– Даже не чувствую, чем жую: у меня нижние зубы замерзли.

Против своего обыкновения он был в тонких трениках и без шарфа. Комар тоже мерз, но держался браво. Мигом умяв батончик, он спросил о втором:

– Коля хочет...

– Ты ведь сам всё съешь, – ответила я, не двигаясь. Комар скорбно посмотрел на мою сумку.

– Мне холодно, – простучал зубами Коля, стоя перед нами, как замороженная мумия.

– Попрыгай, – посоветовала я, понимая, что после футбола прыгать ему явно не хочется. Коля чуть шевельнулся и шутливо попросил меня:

– Дай мне свои штаны.

– О, джинсики у меня хорошие, – проговорила я и отвернула штанину:

– Флисовые. С начесиком.

«Недотыкомки» в трениках с завистью взглянули на мои флисовые джинсы.

– Хо-о-лодно! – прогудел Коля, чуть пошевеливаясь.

– А ты попрыгай! – повторила я.

– Дай лучше свою куртку! – пошутил он.

– Да, куртка тоже теплая, – я подняла повыше воротник, демонстрируя искусственную шерстку на нем. «Недотыкомки» посмотрели на шерстку с

завистью.

– Кстати, я получила новую книгу, в которой написано о тебе, – сказала я Комару и достала из пакета сигнальный экземпляр моей объемистой автобиографии (528 страниц). Комар заинтересованно воззрился на фолиант, а Коля произнес ревниво:

– Почему у тебя обложки однообразные?

И добавил:

– Прихлопнуть бы его этой книжищей!

– Верная мысль! – в шутку согласилась я и стала искать в книге фотографию, на которой были мы трое. Найдя, подала раскрытую книгу Комару. Он взял ее бережно и принялся с растроганной полуулыбкой любоваться фотографией.

– «Комар», – умиленно прочитал он в подписи и спросил:

– А куда эти книги пойдут?

– По российским библиотекам, включая Российскую Государственную в Москве.

Комар продолжил любоваться снимком. Коля пристроился сбоку и прочитал название главы на том развороте:

– «Комар в университете».

– Что? – не понял Комар. Коля повторил. Комар не понял.

– В книге так написано, – объяснил Коля. Комар, закончив любоваться, бережно вернул мне автобиографию, явно довольный. И спросил о втором батончике. Я отделалась шуткой. Он опять попросил батончик. Я опять отделалась шуткой. Так мы некоторое время торговались. Коле наскучило наблюдать за нами, и он неспешно отправился прочь. Комар забеспокоился.

– Дай батончик! – повторил он, с тревогой поглядывая на Колю. Я отказала. Коля удалялся. Батончик лежал в сумке. Комар прыгал то в сторону Коли, то ко мне. Я не хотела давать ему много сладкого, а он не хотел покидать шоколадик в сумке. Наконец, я придумала, как остановить моего сладкоежку:

– Поцелуй меня! – сказала я, думая, что Комар постесняется. Но он с готовностью чмокнул меня в левую щеку.

– Молодец, – в удивлении пробормотала я и нерешительно подала ему вожделенный батончик. Вдвойне довольный Комар (и поцелуй, и шоколадик!) радостно ухватил его и помчался к Коле.

– Прода-а-жный! – протянул тот шутливо.

– Все-таки получил! – торжествовал Комар, следуя за Колей...

Вторая зима с Комаром

В декабре я прочитала несколько глав этой книги под музыку на диктофон и выслала Артёму и Коле. Главы им понравились, и на встрече 20 декабря Коля с удовольствием вспоминал их. В тот день мы опять играли в жмурки, беседовали, Комар питался сладостями. Когда конфеты и шоколадки из сумки были съедены, Комар обратил свой взор на мой пакет.

– А там что? – с живейшим интересом спросил он.

– Фотографии, – ответила я и добавила по привычке:

– Будете?

Снимки были иллюстрациями к моей автобиографии, отпечатанными на больших типографских листах – для предварительного просмотра автором. Комар внимательно рассмотрел все. Этот мальчик был единственным свидетелем моей творческой деятельности.

Позднее Комар играл с Колей, ловя его на другой стороне двора. Я ожидала их возле домика. Мне в глаз попала соринка, и я достала платок убрать ее. Комар тотчас оказался возле меня.

– Ты что, плачешь?! – встревоженно спросил он. Я объяснила, что нет, и успокоенный Комар вернулся к другу. Артём заботился обо мне, словно ангел-хранитель...

Та встреча стала последней в 2015 году. В новогоднюю ночь, в половине первого, Артём прислал мне красивое поздравительное СМС-сообщение в стихах, оказавшись единственным, кто поздравил меня по своей воле, а не в ответ на мои письма.

На Новый год Комару и Коле были припасены конфеты – около полутора килограммов. Отправившись на встречу 4 января, я взяла только малую часть, опасаясь за здоровье моего сладкоежки. Напрасно: стоял пятнадцатиградусный мороз, и Комар, пришедший с Колей во двор, как обычно, раньше назначенного времени, основательно промерз и почти потерял интерес к питанию.

– Что нового? – бодро спросил Комар, пританцовывая от холода рядом с неподвижно стоящим Колей – закутанным, как египетская мумия.

– Потом расскажу, – ответила я, – сначала вручаю приготовленное, – и я преподнесла Комару фиолетовый пакет со сладостями. Комар оживился и,

усевшись на обледеневшую скамью под березой, принялся с шутливой деловитостью делить подарки между собой и Колей.

– Это мне, – он отправил в карман конфету, – ты не любишь такие. И это мне: ты такие не ешь. И это мое...

Четвертая конфета досталась Коле.

– А это опять мне, – Комар положил себе еще одну конфету и вытащил Коле следующую:

– Ну, а эту можешь взять: я такие не ем.

И вернул мне пакет (там еще оставались кукурузные палочки и немного конфет). Поскольку Коля не очень любил сладкое, в отличие от сладкоежки Комара, он обычно получал поменьше (и то не всегда съедал до конца).

– Может, перейдем в предбанник? – с надеждой спросил меня замерзший Комар. Так он называл пространство между дверей магазина, где мы обычно стояли в непогоду. Коля отказался – и с каким-то злорадством: должно быть, Комар приложил немало усилий, чтобы уговорить его на встречу в мороз.

– Давай в предбанник, – поддержала я, сочувствуя Комару.

В «предбаннике» Комар умял выбранные конфеты, взял у меня пакет, съел несколько кукурузных палочек и вернул оставшееся. Холод неблагоприятно действовал на его способность поглощать сладкое.

Мы немного поговорили. Я упомянула о своей новой идее – провести творческий вечер в какой-нибудь школе.

– Вот бы у нас! – оживился Комар, но почти тотчас погас. Наверняка он хотел бы, чтобы я показала

книги, в которых говорилось о них с Колей, но понимал, что ему будут только завидовать. Позднее я отказалась от своего намерения.

Незадолго до той встречи мое случайное и краткое знакомство с одним пустяковым восьмиклассником стало новой причиной для ревности Комара и небольшой размолвки с ним. По случаю размолвки я отправила ему эпиграмму:

Накрылся Тёмик медным тазом,
И решены проблемы разом:
Все шоколадки – при мне,
Никто не бродит в моем сне,
Не надо повесть продолжать
И можно мирно отдыхать...
Но замечаю краем глаза
Обеспокоенность под тазом...

4 января я упомянула это стихотвореньице. Коля рассмеялся, а Комар заулыбался невесело, явно сожалея о наших напрасных спорах.

Больше встреч зимой не было: на каникулах стояли сильные морозы, а в учебное время ребята не гуляли. Как бы то ни было, я в конце января пригласила Комара с Колей на встречу. Комар ответил с очаровательной, Комариной, опечаткой: «Мы не *гулям* в школьное время». Не гуляли они по решению Коли.

В конце февраля мне приснилась унылая местность, отчасти покрытая тающим снегом, и я, сжимающая комок снега: «Так и не поиграла с ними в снежки в этом году...» – как будто вместе со снегом безвозвратно исчезло нечто важное.

Январь и февраль 2016 года я провела за работой над своими книгами. В одной из них была фраза: «Тёма оказался благодарным слушателем». В слове «благодарный» я сделала опечатку. Получилось: «Тёма оказался *благодарным* слушателем». Комар, узнав об опечатке, весело смеялся.

В начале апреля, когда любимая команда Артёма, «Реал-Мадрид», одержала очередную победу, я написала ему: «Молодцы ребята! Отлично сыграли! Показали, что они лучшие в мире футбола, и порадовали того, кто для меня лучший в целом мире». Артём ответил: «Спасибо», – и добавил растроганно: «Ближе к лету встретимся».

Тревога

18 мая 2016 года, в 6 часов утра, я внезапно проснулась от странного беспокойства: меня как будто осенило, что я могу потерять Артёма. *Никакого* повода для волнения не было. Артём относился ко мне по-прежнему, мы переписывались, он мог бы и приходить на встречи, если бы я пригласила. Но мне казалось, что ему приятнее, когда мы втроем, и поэтому не предлагала приходить одному. Он, в свою очередь, думал, что мне нужно присутствие Коли. А поскольку Коля подолгу не встречался с Артёмом и тот ничего не мог с этим поделать, я неделями не видела своего друга. На весенних каникулах Артём пытался вызвать Колю, чтобы встретиться втроем, но тщетно. Так что я сочла тревогу последствием того, что мы виделись редко.

2 июня я случайно увидела Артёма на футболь-

ном поле в парке. Я остановилась у ограды. Артём шел большими шагами за мальчиком, гнавшим мяч, и настойчиво твердил: «Дай! Дай! Дай!» Должно быть, он заметил меня и хотел показать мне свою игру. На нем были те же джинсовые шорты, та же серая футболка, те же оранжевые кроссовки. К моей радости, голос и прическа тоже оставались неизменными.

Я попросила одного из стоявших поблизости мальчишек позвать Артёма. Тот исполнил просьбу, но Артём не подошел: он показывался мне только в прибранном виде. Я еще немного постояла и ушла. Вскоре Артём прислал сообщение: «Извини, я не смог подойти сегодня. Скоро встретимся!!!»

На следующий день, в 15 часов, я вдруг оставила дела и заглянула в почту. Там было сообщение от Артёма с приглашением на 16.00.

И вот мы, наконец, встретились. Тот же двор, та же скамейка под березой, тот же Комар. Конечно, он подрос, но значительной перемены не было. На нем были новые облегающие джинсовые шорты до колена, новая серая футболка и оранжевые кроссовки. Волосы были вымыты и аккуратно причесаны, на правую сторону.

Коля сидел слева от него, в широкой футболке цвета бензинового пятна и с замечательным мохнатым «ершиком» на голове.

При моем появлении Артём расцвел в радостной улыбке. Я сама была чрезвычайно рада встрече.

Мы весело поговорили, я вручила мальчишкам шоколад, а затем показала пару фокусов. Первый из них состоял в следующем. Я встала в метре от Комара, держа бумажную салфетку и обычный

Артём Кузнецов. 5 июня 2016 г.

Артём. 14 июля 2016 г., Тверь.
Фото Коли

карандаш фиолетового цвета. Показав эти принадлежности со всех сторон, я завернула карандаш в салфетку, оставив открытым один край (чтобы зрители видели, что карандаш действительно там), после чего легко смяла салфетку. Комар пришел в восторг, но попросил посмотреть карандашик. «Потом еще раз покажу этот фокус, тогда и рассмотришь», – ответила я, садясь рядом с ним.

Второй фокус был с веревочкой. Я поручила Комару завязать каждый ее конец у меня на запястьях. Комар бережно исполнил, стараясь не сдавливать руки, но узлы затянул с таким усердием, что я задумалась, как мы будем их развязывать.

Будучи связанной, я отвернулась на мгновение, после чего продемонстрировала на середине веревочки крепко привязанное кольцо. Комар страшно заинтересовался тем, как оно там оказалось. Развязав мне руки (не без труда), он обнаружил, что для того, чтобы привязать кольцо, надо освободить хотя бы один край веревки. Но как я могла сделать это одной рукой, если он сам еле развязал меня?

Комар решил повторить фокус. Я связала ему руки и дала кольцо. Он увлеченно повозился с кольцом несколько минут, но не преуспел. «Не получается», – констатировал он, улыбаясь. Конечно, ему хотелось узнать суть трюка, но я не стала раскрывать секрет.

Мы провели вместе всего восемнадцать минут: кто-то позвонил Коле, и тот заторопился. Мы попрощались до 10 июня: как объяснил Артём, у него были экзамены по 9-е. «Может быть, что-нибудь пересдает», – подумала я. Какие могли быть экзамены после 8 класса? Хотя Артём еще в августе

2014 года сказал, что родился в 2000 году, я ему не верила: он выглядел несколько младше.

10 июня приглашение не пришло. «Когда вы придете?» – спросила я в соцсети. «Не знаю», – ответил Артём. Мне было неизвестно, что Коля заболел, и я в досаде написала Артёму все, что думала. Он не парировал, но я зачем-то заявила, что мы, может быть, больше не увидимся. И замолчала.

Из-за этой внезапной заминки у меня вдруг появилось странное ощущение конца. Я старалась избавиться от этого, смотрела документальные фильмы на испанском по древней истории, писала на английском стихи об Артёме, слушала музыку, но сквозь все длилась непонятная мучительная тоска: как если бы я теряла своего друга. 17 июня я записала в дневнике, предполагая, что будет, если мы расстанемся: «Эта потеря станет для меня духовной катастрофой».

Как я узнала позднее, Артём тоже скучал. Он заходил на мою страницу в соцсети и смотрел мои фотографии.

18 июня я написала Коле, чтобы они пришли. С конца мая я почему-то тянулась к нему, писала даже чаще, чем Артёму, хотя Артём откликался мне несравнимо лучше.* Коля обещал встречу через несколько дней.

Недоразумение было разрешено, но и это не

* Артём всегда тотчас отвечал на мои сообщения, если я писала, когда он был в сети, а если сообщения приходили в его отсутствие, то он читал их и писал ответ сразу же, как только заходил в соцсеть.

помогло: меня не покидала мысль о расставании с Артёмом, хотя *никаких* предпосылок этому не было. 20 июня я предполагала в дневнике: «Как бы мы ни расстались – мирно или со ссорой, с его уходом уйдет часть моей жизни, исчезнет часть меня, не будет моего вдохновения и отдохновения. За два года – срослась с ним. Теперь жду исхода, как будто голова на плахе...»

Удивительный факт о Комаре

Мы встретились 22 июня. Как только я увидела своих мальчишек, сидевших на скамейке под березой, все мои страхи исчезли. Артём был весел и оживлен, а Коля – серьезен и рассудителен.

Я вручила Артёму большой бумажный сверток. Он принялся увлеченно разворачивать его, откладывая бумагу на колени Коли. Бумаги было много, и по мере продвижения интерес Артёма все возрастал. Он чувствовал подвох и улыбался в предвкушении. Коля, накопив целый ворох упаковочного материала, пошел выбрасывать его. Наконец, Артём снял последний лист бумаги и обнаружил бутафории консервов, шоколада и сока: игрушечные маленькие упаковочки. Коля в это время возвращался от мусорки.

– Что ты выбираешь: красную икру, шоколад или сок? – задорно спросил его Артём, демонстрируя коробочки. Коля посмотрел на них с удивлением и молча сел рядом с Артёмом. Тот сложил бутафории в карман.

– Дай мне, – попросил Коля. Артём аккуратно

высыпал коробочки ему в ладонь и заинтересовался тем, что я вынимала из сумки. Я достала оттуда шоколадку для него и большую конфету для Коли. Коля съел треть и отдал оставшееся Артёму, увлеченному поглощением шоколадика.

Потом я показала им фокус: завязала концы небольшой веревочки на запястьях Коли и затем так же связала Артёма, перекинув его веревку через Колину. Задачей Артёма было освободиться от «привязанности» к Коле, не развязывая веревки. Он принялся весело копошиться вокруг него, подныривая под его руками, но так и не преуспел. Когда Артём, наконец, сдался, я показала, как можно легко и быстро освободиться, не развязывая узлов (по-особому просунуть одну веревку под другую, где та привязана на запястье).

Затем я показала Артёму сигнальный экземпляр своего третьего сборника стихотворений, в котором было семнадцать стихотворений о нем. Тёма просмотрел книгу с живейшим интересом и радостным удивлением. Он был рад тому, что я делала для него, и благодарен мне. Это было для меня наивысшей наградой за мою работу.

После мы еще поговорили и расстались.

На следующий день Артём написал: «Встретимся примерно 1 июля. Я уезжаю в Питер на выпускной». Я не поверила. Что за выпускной в восьмом классе? И почему в Питере?

Заочно поругав Артёма, я решила узнать у ребят из его школы, действительно ли учащихся возят на выпускные в Петербург и после какого класса. Мне ответили, что возят и только после девятого. «А в какой класс перешел такой-то?»

Ответ меня поразил: «В десятый». Я спросила, сколько же лет Артёму. «В августе будет шестнадцать». Я удивлялась два часа. Артём говорил в августе 2014 года, что родился в 2000-м, но я не верила и давала ему на год меньше. Так и считала, что он 2001 года рождения. Неужели теперь ему почти шестнадцать?! «Голос неизменившийся, только стал потверже; на щечках – легкая детская пухлость, несмотря на стройность; кожа – нежнейшая... Изумительно сохранился!»

Новое неожиданное открытие

Артём уехал на выпускной, и моя необъяснимая тревога вернулась. Она привела к гипертоническому кризу. Я вызвала «скорую», но в уколе мне отказали. В негодовании я через силу поднялась с дивана и произнесла любезно: «Давайте я покажу вам, где выход». Ошеломленные врачи не двигались с места. «Вставайте, вставайте, – мило поторапливала я. – И чемоданчик свой не забудьте». Выставив горе-врачей, я полезла в соцсеть писать Коле. Он отозвался. Мне стало лучше.

Коля тоже стал нужен мне, хотя и неизмеримо меньше, чем Артём. Почти два года Коля был для меня нейтральным присутствием, и лишь в конце мая 2016 года я почувствовала, что мне нужно это «нейтральное присутствие». Нужно потому, что он был нужен Артёму. В те дни я увидела Колю во сне: он сидел с Артёмом, обняв его за плечи, и говорил мне: «Не скучай, все будет хорошо, мы с тобой». Мне хотелось, чтобы Коля был таким с на-

ми наяву...

28 июня Артём вернулся и назначил встречу на следующий день. 29-го мы встретились. Про вы-
пускной ему было нечего рассказать. Коля сказал,
что Артём там скучал.

Мы весело побеседовали, я дала мальчишкам
на прочтение свой новый рассказ про них, шутли-
во нащелкала Колю по носу «в знак дружбы»... Все
трое много смеялись в тот день. Время от времени
я, сидя рядом с Артёмом, обнимала его за талию
и, держа ладонь на стройном, крепеньком боку,
старалась запомнить его на ощупь. Как будто мож-
но было сохранить тепло Артёма на память, взять
с собой – на остаток жизни... «Чувство обреченно-
сти. То ли он ускользает, то ли я уйду, но за радо-
стью, за смехом – пронзительным обертонотом –
мучительная тоска».

30 июня мы опять увиделись. В тот день мне и
Коле, независимо друг от друга, пришла на ум од-
на и та же идея: надеть серое, под цвет Комара. Так
в нашем дворе появились трое серых: в серых фут-
болках одинаковой длины и облегающих джинсо-
вых шортах до колена. Только у меня футболка
была с кружевами на вырезе декольте, а шорты
спереди – со стразами и модными дырочками.
Комарику понравились эти дырочки, и когда я
стояла перед ним, сидевшим на скамейке, он осто-
рожно потрогал пальчиком две над коленом.

Мне нравилось придумывать забавы для моих
мальчишек. В тот раз я задала им задачку: поло-
жила на скамейку четыре спички и предложила
превратить их в три. Артём задумался, а Коля, по-
морщив лобик, переложил спички в цифру 3, что и

следовало сделать. Затем я поместила на руку две монеты, в два рубля и один рубль и, держа их перед Артёмом, сказала:

– Положи рубль под два, не трогая последний.

Артём улыбнулся и, взяв с моей ладони рубль, поднес его под мою руку.

Потом я «погадала» ребятам по так называемому «Квадрату Пифагора». Там нужна полная дата рождения. Из нее путем математических действий получают группу цифр, которые позволяют охарактеризовать данного человека. Конечно, это игра. Я так и сказала мальчишкам, но они все равно отнеслись к занятию с долей серьезности. В характеристике Артёма получилось, что его здоровье под угрозой. Коля рассмеялся: «Да ну, он ведь такой здоровый!» Артём ничего не ответил.

Гадая на Колю, я указала 2001 год. Артём сказал: «Поставь 2003-й. У него есть сестра, давай на нее погадаем». Я знала, что у Коли нет младшей сестры. По возвращении домой я письменно спросила у приятеля Коли, в какой класс тот перешел. «В седьмой», – был невероятный ответ. Этим летом менялось все.

Комар-режиссер

В апреле 2016 года я подумала, что было бы хорошо снять фильм о моих мальчишках, – если бы имелась такая возможность. Артём как будто услышал мои мысли: в том же месяце он завел канал на Ютубе, а с 29 июня, когда они с Колей стали регулярно видаться, начал снимать неболь-

шие ролики. Так он хотел позабавить меня и Колю. Коля поддержал его затею и со всей своей серьезностью и основательностью принялся сниматься в фильмах на Комариные темы, а также иногда выступать в качестве оператора.

Фильмы подразделялись на два направления – юмористическое и гастрономическое. В первом Комар играл роли руфера, дальнобойщика, ведущего новостной программы и т.д. В одном видео у него была роль героя-любownika: встав под случайно выбранным балконом, где не было никого, он взывал к несуществующей пассии. Позднее я в шутку сказала ему:

– Тёма, чем вопиять под окнами, призывая неизвестно кого, лучше бы исполнил серенаду под моим балконом.

– Нет, серенада – это неинтересно, – ответил Тёма с видом знатока. На следующий день он поинтересовался:

– А что такое серенада?

В роликах второго направления Комар готовил шаверму, ягодный коктейль, рассказывал зрителям о том, какие конфеты и газировка лучше. Отдельный подраздел составляли серии о дегустации мороженого (снимались оба).

Все фильмы получались увлекательными благодаря творческому воображению и артистическим способностям Артёма, а также его задору и непосредственности. Мне особенно понравился ролик «Дальнобойщик Тёма», снятый в июле 2016 года: очень добрый по настроению. Под соответствующую песню Тёма изображал водителя большегруза и улыбался в камеру – зрителю – мне... Из всех его фильмов этот был самым трогательным,

Стоп-кадры из
фильма Артёма,
где он в роли ве-
дущего новостной
программы.
Лето 2016 г.

Сосредоточен...

Размышляет...

Стоп-кадр из фильма Артёма, в котором он в роли ведущего новостной программы. Лето 2016 г.

заставляя улыбаться в ответ, но вместе с тем вызывая странную печаль: как видеозаписи с людьми, которых нет в живых.

Был фильмик о том, как Артём купался в притоке Волги. Коля снимал его, стоя в воде у берега, и время от времени рассматривал через объектив воду вокруг себя – в поисках неведомого двухметрового «волоса», про которого я однажды пошутила ему. Потом они вместе шагали по длинному старому мосту через Волгу: просто две минуты над сияющей солнцем водой, в сияющий счастьем день... Просто кусочек Тёминого счастья...

А вот что я писала Коле после просмотра первой серии о мороженом: «Здорово получилось! Можно делать анонс: “Рацион Комарика и Коли: теперь во всех кинотеатрах страны,” – ну, или в данном случае – на Ютубе. Гвоздь программы – снятый крупным планом указующий перст Комара, завидевшего вдалеке каких-то пацанов. Вообще – весело сделано! Главное – ваша непринужденность перед камерой: это один из ключей к успеху».

Канал на Ютубе фактически принадлежал Артёму, но он обозначил его как общий с Колей.

Веселость

Когда я ехала на встречу 1 июля, небо заволокли тучи, и начался довольно сильный дождь. Однако к тому времени, когда я добралась до двора, небо прояснилось. Вскоре подошли припозднившиеся мокрые мальчишки, и мы устроились на

скамье, расстелив там пакеты. Мы немного поговорили, и Комар отправился в магазин за чипсами. Я, тем временем, побеседовала с Колей, рассказав ему о недавно появившейся у меня совочке. Вскоре вернулся Комар с большим пакетом чипсов. Устроившись между нами, он предложил чипсы мне. Я отказалась, и он принялся увлеченно похрустывать своим пропитанием. Немного подождав, я проявила шутливый интерес к синему мешочку, висевшему на его спине – тому самому, что я отбирала у него прошлым летом. Комарик перебрался за Колю. Тот невозмутимо забрал у него чипсы и принялся сам увлеченно похрустывать.

Я взглянула на Колю. У него была великолепная прическа: густые волосы, аккуратно постриженные и тщательно причесанные, стояли на макушке дыбом.

– У тебя голова, как ершик для мытья бутылок, – сказала я. Коля мягко улыбнулся. Комар живо взглянул из-за его плеча и шутливо спросил:

– А что такое ершик для мытья бутылок?

Коля наставительно прогудел:

– Ершик, которым моют бутылки.

Комару нравилось давать Коле возможность проявить свои знания в какой-либо области.

Потом Комар попросил у меня воды. Я с готовностью достала небольшую бутылочку, встала перед ним, любезно открыла и... намеренно брызнула на его пузико. Мокрый Комар вскочил с восторгом:

– Что ты стала такая смешная?

– От тебя научилась, – ответила я. Мне нравилось быть веселой. А Тёма был этим доволен.

Затем я забавлялась, тщетно пытаюсь отобрать

Комарик (смотрит на Колю).
Во дворе, где встречались. 1 июля 2016 г.
Фото автора

Артём Кузнецов. Во дворе, где встречались; 1 июля 2016 г. Фото автора

его мешочек. Там лежал футбольный мяч, завернутый в махровое полотенце. Комар вынул его и немного погонял с Колей. Мне осталось только пожалеть, что у меня неподходящая обувь. Поиграв, Комар бережно обтер мяч полотенцем, заметив деловито про полотенце «Потом постираю», убрал мяч обратно в мешочек и повесил на спину. Весело смотрелся это синий мешочек на сером Комарике. Я сделала несколько фотографий Комарика,* и мы попрощались до следующего дня.

«Недостатки воспитания»

На следующий день Коля был не в духе и потому неуклюже отозвался на какую-то мою затею. Комар деликатно попытался поправить дело, но я, обиженная на Колю, вдруг против всякой логики принялась ругать Комара, указывая ему на несуществующие «недостатки воспитания». Комар миролюбиво оправдывался: чувствовалось, что ему не хочется ссориться. Тем временем, причина ссоры невозмутимо сидела на скамейке между нами, уткнувшись в телефон. Я подробно прошла по вымышленным «недостаткам воспитания», пару раз для убедительности столкнув «негодника» с края скамейки, где он висел рядом с Колей, и перешла к «недостаткам» его школы:

– У вас вовсе не элитная школа. Просто там много

* Фотографии на стр. 269 и 270.

богатеньких, наверняка дают взятки и так переходят из класса в класс.

– У нас не все богатенькие, – спокойно объяснял Комар.

– Значит, списывают, и никто не проверяет, – не отступала я.

– Проверяют... – Комару вовсе не хотелось спорить о школе, с которой его уже ничто не связывало (он ушел оттуда после девятого класса). Однако я продолжала от души громить престижную школу со всеми учениками, учителями и директором. Между тем, Коля по-прежнему невозмутимо копался в телефоне. Это был непорядок.

– Не удивляюсь, что ты такой дурак, – я постучала пальцем по плечу Коли. Он продолжал невозмутимо копаться в телефоне. – Про вашу школу один мальчик говорил мне, что там все какие-то странные, – я опять постучала по плечу. Коля сидел непоколебимо, и я снова принялась критиковать Комара.

Спустя минут двадцать мне все это надоело, и я замолчала, мрачно глядя в землю. Комар, присев к Коле, что-то зашептал ему.

– Вон то облако, – прогудел Коля лирически, – похоже на лебедя.

– А у тебя «лебеди» бывают? – мило спросил Комар.

– Бывают.

Я сидела угрюмо. Комар, желая поднять мне настроение, начал расспрашивать меня о моих божьих коровках. Я немного рассказала и опять стала сидеть угрюмо. Комар спросил, почему бы мне не завести кошку. Я ответила и снова стала угрюмой. Коля, тем временем, переместился на

ограждение песочницы перед нами. За разговором туда перешел и Комар.

– А когда мы встретились? – спросил он, возвышаясь над песочницей на фоне голубого неба. Этот вопрос тронул меня, и я, ответив, смягчилась. Тёма сказал дружелюбно:

– Я понял, почему ты сегодня сердитая: у тебя зуб болел, – я в начале встречи говорила, что всю ночь страдала от зубной боли.

Больше никто никогда не искал объяснения моим настроениям: никому не было дела до моего настроения, как и до меня самой...

Потом я предложила посмотреть мои фокусы. Ребята с готовностью согласились, и я показала пару. После я задала им несколько головоломок, а затем продемонстрировала свой трюк, бывший у меня в четырнадцать лет наказанием для себя: рассыпала по скамейке десятка два кнопок остриями вверх и встала на них босыми ногами. Пораженный Комар смотрел во все глаза. Что до Коли, то он всегда был слишком спокоен, чтобы по нему можно было понять его впечатление.

В конце я, сидя рядом с Артёмом, обняла его за плечи и сказала:

– Если бы ты был мягким и деликатным, ты был бы идеальным.

Он слегка улыбнулся. Мягким и деликатным он как раз и был, но после ночи зубной боли я этого не воспринимала.

Затем мы попрощались, и мальчишки не спеша пошли по улице – не в том направлении, что обычно. Через пару кварталов они повернули назад. Должно быть, «воспитательная беседа» произвела на них сильное впечатление.

«Плохая примета»

4 июля весь день шел дождь. К назначенному времени, 18.00., он внезапно прекратился. Небо оставалось беспросветно-серым, но было тепло. Первым делом я отправила Комара в магазин за чипсами для него и Коли, а сама осталась с Колей. За те десять минут, что не было Комара, я рассказала про загадочные висячие гробы Китая, извержение Кракатау в 1883 году и болотные мумии Северной Европы.

Вернувшись, Комар устроился между нами с большим пакетом чипсов и, указывая на помещенное на нем изображение футболиста Месси, спросил меня шутливо:

– Правда, я красивее него?

– Конечно... – заверила я, – ... ты красивее пакета с чипсами.

Потом мальчишки затеяли возню, и Коля умчался на другую сторону двора. Комар с видом заговорщика попросил у меня бутылочку воды, из которой я на днях поливала его, и бросился за Колей. Я осталась наблюдать, как Комарик весело бежит за другом, стремясь освежить его.

Позднее я показала им карточный фокус. Тёма, улыбаясь мне, ловко продемонстрировал в ответ пару фокусов на пальцах и с картами, чтобы позабавить меня.

Артём не оставил без внимания мои слова, сказанные накануне, и на этой встрече старался быть «мягким и деликатным». Для того чтобы порадовать меня, он отметил, что у меня в соцсети на заставке больше лайков, чем у Коли и чем у него самого (Коля добавил на эту заставку свой лайк –

должно быть, по совету Артёма). Когда мы заговорили о футболе и я упомянула не самого известного игрока «Реала», Артём сказал, что я разбираюсь в футболе «лучше Коли». Я скромно ответила, что хорошо разбираюсь только в литературе, искусстве и музыке, а в футболе знатоки они.

Так на протяжении всей нашей дружбы Артём прислушивался к моим замечаниям и старался соответствовать моим требованиям. Он дорожил этой дружбой – как и я.

В конце мы с Комаром мирно сидели на скамейке, а Коля стоял в паре шагов перед нами, любуясь идиллией. Идиллия была неожиданно прервана: я обнаружила на плече Комара нечто.

– Иди к Коле, пусть снимет, – давя смех, сказала я. Комар, с выражением ужаса, покорно направился к Коле. Тот, увидев мое открытие, рассмеялся и объявил устрешенному Комару, что на него кое-что уронил воробей. Комар успокоился (главное, что там был не паук) и, со смехом сняв футболку, попросил у меня влажную салфетку. Я дала, и он принялся стирать следы воробьиной проделки. Я сказала нарочито серьезно:

– Это дурная примета: к смерти.

– У меня было то же самое три года назад, – ответил Коля, – и ничего, жив до сих пор.

– Но ты же все равно умрешь, – заверила я.

– Это не к смерти, – возразил оптимистично настроенный Комар, старательно отчищая футболку, – это к деньгам.

Закончив чистить, он оделся и попросил у Коли телефон. Тот дал, и Комар удалился на несколько метров. Мы с Колей остались стоять посреди двора, посмеиваясь над происшествием. Комар в

это время деловито копошился на телефоне. Вдруг Коля почувал недоброе:

– Что он там делает?

Комар, повозившись еще немного, весело направился к нам:

– А я Ангелине* написал с твоего аккаунта, что ты ее любишь!

– Дурак! – возмущенно прогудел Коля. Комар только посмеивался.

Так проведя час, мы расстались до следующего дня.

На следующий день Артём позвонил мне, приглашая раньше назначенного. Я не захотела спешить и отказалась. Мы договорились встретиться на другой день, и я принялась готовиться к его именинам, приходявшимся как раз на 6 июля. Но праздновать не пришлось: наутро Артём из-за дел, связанных с семьей, перенес встречу на три дня. Я, не понимая, огорчилась и с досады отсрочила еще. Поэтому мы встретились только 14-го. Я вручила мальчишкам сладости, что были приготовлены к Тёминым именинам.

15 июля я пришла намного раньше назначенного времени. Мальчишек еще не было, и я с удивлением заметила, что во дворе очень тихо. Присутствие веселого Комарика создавало впечатление цыганского табора вокруг.

В тот день я впервые сидела между моими неразлучными друзьями: когда я была подле Коли, Артём сел с другой стороны от меня. Я настолько

*Родственница Артёма, немногим старше него.

привыкла к их неразделимости, что в тот момент мне показалось, будто у нас все идет прахом. Но только показалось: через несколько минут Артём привычно устроился между нами.

В конце Тёма ласково обнял меня за плечи, обещав встречу на следующий день.

Муза в изгнании

16 июля, праздник поэзии в Твери. Возле дома ее имени, верно покрашенного в желтый цвет, под заунывную музыку расхаживают чинные толпы празднующих. Это почитатели поэзии или, точнее, почитыватели. Глядя на них, мне хочется возложить венок на ее могилу. Бабульки, дедульки, какие-то скучные лица... Я равнодушно прохожу мимо последнего пристанища местной поэзии. Во дворе, в сотне метров отсюда, меня ждут мои ребята.

Они мирно сидят под березой. Я хочу поговорить с Колей о Тёме и делаю вежливую попытку устранить последнего. Тот подозревает что-то недоброе и не устраняется.

– Уйди! – говорю я своему вдохновению. Оно удаляется на два метра.

– Дальше уйди!

Оно отходит еще на пару метров. Я негодующе направляюсь к нему. Вдохновение съезживается:

– Что ты хочешь?

– Уйди прочь! – грозно требую я. Вдохновение переходит на другую сторону двора. Этого недостаточно: я хочу, чтобы оно скрылось вовсе. Оно не

скрывается. Я возмущенно ухожу сама.

На улице какофония. От Дома поэзии доносится какая-то подходящая песня в темпе похоронного марша. С другой стороны, от церкви, звучит мерная мелодия колоколов. Я останавливаюсь между этих двух миров и звоню Коле:

– Вы еще во дворе? Тогда отошли Артёма, я хочу поговорить с тобой.

Спустя минуту возвращаюсь во двор. Коля невозмутимо сидит на скамейке. Мое вдохновение исчезло.

– Где Тёма? – интересуюсь я.

– Вон там, за машиной, – показывает Коля за наши спины. – Одни ноги торчат. В следующий раз скажу, чтобы засел получше.

Я опускаюсь рядом с Колей, и мы тихо беседуем. Вдалеке, за домами, разбредаются местные почитатели поэзии. В Москве, Оксфорде, Лондоне, Варшаве стоят мои сборники со стихами о Тёме. За моей спиной сидит в изгнании мое вдохновение.

Я расспрашиваю Колю об Артёме: по-прежнему ли Тёма привязан к нему, не появилось ли у него новых друзей или даже предмета увлечения... Коля отвечает, что всё так же, как было. Единственное изменение – это то, что Артём осенью будет учиться в колледж на строителя.

Я рассказываю вкратце, как беспокоилась из-за Артёма, беспричинно боясь потерять его, и даже хотела избавиться от привязанности к нему. Коля молча слушает.

Через пять минут мы прощаемся. Коля встает неспешно, улыбается мне и подает на прощание руку:

– Теперь пойду поговорю с Артёмом, – говорит он,

собираясь пересказать ему наш разговор.

В следующий раз мы встретились 18 июля. Комар был тихим и приветливо выглядывал на меня из-за плеча Коли (я иногда садилась к последнему). Я спросила Комара, не желает ли он шоколадика. Он задумался, не забыв заметить, что не ел с утра. Я подала ему плитку. Комар обрадовался и поблагодарил. Затем поделился с Колей (напомнив, что тот не любит сладкое) и, как обычно, предложил шоколад мне. Я вежливо отказалась.

Мы договорились встретиться 19-го, во вторник. Вечером Комар написал: «Мы завтра не придем». Я ответила из досады: «А в среду и четверг я не обещаю». – «А я в пятницу», – парировал Комар, чтобы я не отказывалась от среды и четверга. Я прочитала невнимательно и, сочтя это за вопрос, отправила ему сообщение: «Не знаю». – «Это я в пятницу стопроцентно не приду», – объяснил Комар. «А зачем спрашиваешь?» – удивилась я. Комар понял, что дело глухо, и написал: «Ладно, забей».

Фельетон

20 июля была вторая годовщина нашего знакомства. Как и год назад, я отправила Артёму открытку с незабудками.

На следующий день – звонок:
– Привет! Приезжай к 16 часам.

Я не смогла определить по голосу, кто говорит, и спросила:

– Это Тёма или Коля?

Говоривший повторил в сторону мой вопрос. Ему что-то ответили, и он сказал:

– Коля.

И мило добавил:

– Привези по шоколаду.

Когда я приехала, мальчишки сидели возле домика: наша скамейка была покрашена. Я приветствовала их и вручила по зефиринке в подарочных пакетиках. Коля отказался. Я отдала оба пакетика Комару, и мы пошли в домик. Способность Комара к поглощению сладкого была невероятной: когда мы забрались в домик, находившийся в десяти шагах, Комар держал только обертки.

Я дала ему двадцать рублей на воду. Комар вышел из домика, но тотчас остановился в нерешительности, глядя на нас, как на заговорщиков.

– Лучше потом схожу, – проговорил он. Но я отправила его в магазин.

Вернулся он очень быстро и устроился на своем месте в углу напротив меня. Коля сидел, уткнувшись в телефон.

– Убери телефон! – велел ему Комар, зная, что я могу обидеться на такое невнимание. Коля нехотя повиновался.

У меня был приготовлен для них фельетон – о том, как мое вдохновение сидело в ссылке за машиной. Я принялась читать вслух:

– «... Во дворе меня ждут две приятные мордочки: мое вдохновение по имени Тёма и его друг Коля. Тёма прекрасен [Тёма скромно потупился]. У него замечательные большие карие глаза и восхитительные темные бровки, каждая ворсинка которых по какой-то веселой причуде природы стоит дыби-

ком. Все это превосходно сочетается со светлыми волосами. Фигурка у него изящная, с тонкой талией и стройными ножками [Тёма, скромно потупившись, довольно улыбался]. Одним словом, он похож на комара [оба весело фыркнули].

У Коли умный вид, красивые руки и отличные густые волосы, делающие его похожим на ершик для мытья бутылок.

Коля много знает, но мало говорит. Комар тоже много знает и много говорит. Особенно хорош он в задавании вопросов. Его вопросы отличаются оригинальностью. Что такое сумерки? Что такое опушка леса? Что такое ершик для мытья бутылок, на который похож Коля? И – очаровательное: “Тёма, чем вопиять под окнами, призывая неизвестно кого, лучше бы исполнил серенаду под моим балконом.” – “Нет, серенада – это неинтересно.” На следующий день: “А что такое серенада?” [Смех Коли]. Тёма бесподобен [«О да!» – ироничная ремарка Тёмы].

В целом, Тёма – это нечто серое, беспокойное, с очаровательными глазами, неожиданными вопросами и страстной любовью к пропитанию. Еще оно очень живое. Однажды, придя в наш двор раньше моих мальчишек, я с удивлением заметила, что там тихо. Присутствие Тёмы создает впечатление цыганского табора вокруг.

Зато Коля необыкновенно спокоен и невозмутим, как египетский сфинкс. Это хорошо, что в нашей компании есть один нормальный человек».

– А ты? – искренне удивился Тёма, глядя на меня.
– Если бы я была нормальным человеком, то не дружила бы с тобой, – пошутила я и продолжила чтение:

– «Мы познакомились случайно, на улице возле кафе. Это символично: мое вдохновение любит поесть. Я умиляюсь на то, как оно питается, и потому с готовностью приношу шоколадки, чипсы и конфеты. Раньше, если я забывала принести пропитание, вдохновение живейше интересовалось: “А похавать принесла?” Если я медлила с ответом, оно деловито лезло в мой пакет и само находило то, что можно схавать. Теперь оно подросло и скромно ждет, когда я предложу вкусенькое.

Что до Коли, то обычно он сидит невозмутимо, в таинственном молчании. Так он сидел с нами с самого начала. Для Тёмы он был своего рода плюшевым мишкой, с которым можно повозиться, а для меня являлся “бесплатным приложением” к Тёме, которое при необходимости можно было удалить. И он покорно удалялся.

Коля вообще был претерпевающим. Тёма, закончив питаться, деловито вручал ему обертки: “На, выбрось!” – и Коля смиренно шел выбрасывать [«Было так?» – уточнил Комар у Коли]. Если я сердилась на Тёму, доставалось и Коле. Он хранил свое неколебимое спокойствие».

Дальше следовала уже известная читателю история о том, как мое вдохновение было отправлено в ссылку за машину.

– Погоди, перебью, – оживленно сказал Комар, подпрыгивая и заглядывая на меня через лист. – А ты пишешь сейчас что-нибудь?

– Нет.

– А напиши про нас еще!

Исполняя желание Комара, я пишу продолжение этой повести.

Вброд по улице

24 июля Комар назначил встречу на 14.00. следующего дня и добавил: «Не опаздывай». Я написала Коле, чтобы Артём перенес встречу на вечер, но Коля не согласился с предложением.

Через несколько часов Комар напомнил еще раз: «Ты только не опаздывай». Поскольку я приезжала вовремя, эти напоминания показались мне подозрительными. Я спросила у Коли, что задумал Комар. Коля, по своему обыкновению, промолчал. Я отправила Комару сообщение: «Завтра в 12.00. я позвоню Коле – узнать, почему ты так волнуешься из-за опоздания. Если он не ответит на звонок, я не приеду».

Коля бестревожно бодрствовал до утра. Утром обеспокоенный Комар сообщил ему о моем письме. В 11.40. Коля, любивший поспать, уже был в соцсети. Я позвонила ему в назначенное время. Он отозвался сонно и с трудом понял, о чем я спрашиваю. Что задумал Комар, ему было неизвестно. «Ладно, я приеду», – сказала я.

Через час я с изумлением обнаружила в соцсети двадцать одно сообщение от Комара. В первом говорилось: «Ты во сколько приедешь?» Меня уже давно не было в сети, но система показывала, что я сижу. Поэтому Комар продолжал: «Скажи! Срочно! А то я ухожу». Ответ, конечно, не приходил. «Ну!» Потом опять: «Ну!» И опять... После двенадцатого «ну» Комар прислал несколько сообщений с произвольным набором букв – просто шутливо пробежался по клавишам. Обнаружив все это, я позвонила Коле, чтобы он передал Комару, что я приеду в 14 часов (у Артёма не работал теле-

фон, поэтому мы иногда связывались через Колю).

Погода стояла солнечная, и я не взяла зонтик, который обычно носила с собой. Когда же до нашего двора оставалось три минуты ходьбы, хлынул ливень со шквалистым ветром. Я укрылась на крыльце одного магазинчика и позвонила Коле:

– Вы где?

– В домике.

– Сидите там. Я приду, когда дождь утихнет.

У них тоже не было зонтиков, и им ничего не оставалось, как сидеть в домике.

Спустя пятнадцать минут небо начало проясняться, но мелкий дождь продолжался. «Не беда, дойду, – решила я. – Дождь – это весело». Я сбегала с крыльца и бодро завернула за угол магазина, чтобы тотчас остановиться в замешательстве. Мостовая обратилась в поток, полностью скрывавший колеса машин. Он заливал тротуары и заканчивался на газонах. От проезжавших машин вздымались грандиозные фонтаны, а на тротуар катились «прибои».

Я прошла сотню метров по газонам мимо домов, пока путь не преградил проезд к офисному зданию. Он превратился в мутное озеро, на поверхности которого плавали березовые семена. С одной стороны от меня находилась дорога, где плыли машины, с другой – железные ворота этого здания. Прохода не было, кроме как вброд через «озеро». Я уже изрядно намокла под дождем и промочила ноги по щиколотку. Терять было нечего, и я браво ступила в воду, чтобы оказаться в ней почти по колено. Выбравшись на тротуар (где вода доходила до щиколотки), я услышала телефонный звонок.

- Ты где? – спросил Комар с телефона Коли.
– Близко, сейчас доплыву! – смеясь, ответила я.

Неподалеку от нашего двора мне пришлось преодолеть вброд еще один поток, и к домику я пришла хорошенько промокшая и в березовых семечках. Оставалось только смеяться, и я смеялась от души.

- Ну, Коля, это последний день твоей жизни! – объявила я, заглядывая в домик. – Ты почему не согласился, чтобы встречу перенесли на вечер?

Коля что-то пробормотал невозмутимо.

Мальчишки стояли в домике, сгорбившись из-за низкого потолка. Комар выглядел так, будто вышел из-под душа, у Коли был мокрым один бок.

- Я чувствовала, что в 14 часов что-то произойдет! – смеялась я. Коля улыбался робко. Комар попросил у меня салфетки и тщательно протер скамейки для всех нас, начав с моей. Я забралась в домик.

Как выяснилось, Комар не задумывал ничего подозрительного, и тревожилась я напрасно.

Ливень смыл все мои идеи, и мы только шутили и баловались. Я закладывала Коле за шиворот фантики, отбивала ногтями *allegro* на его голых коленях и ерошила его замечательные волосы. Ему все это нравилось. Потом я обнаружила, какие нежные у него руки (раньше не обращала внимания), и несколько минут поглаживала их. Комар наблюдал довольно и время от времени сам ерошил Колю. Теперь тот стал нашим общим «плюшевым мишкой», чему был весьма рад.

Комар-рэпер

26 июля был смутный и жаркий день. Небо скрывала белесая пелена, как от горящих торфяников, хотя запаха гари не ощущалось. Уличные термометры показывали в 18 часов +35° С. Мы этого не заметили.

Появившись во дворе, я первым делом показала ребятам фокус с бананом.

– Вот совершенно целый банан, – сказала я. – Сейчас я сделаю над ним несколько взмахов ребром ладони, и он будет нарезан.

Коля усомнился в возможности этого, а Комар попросил банан на проверку. Я дала. Он внимательно осмотрел его, но не нашел ни единого повреждения. Забрав у него банан, я пару раз взмахнула над ним рукой, как будто нарезая, после чего принялась неспешно чистить его. Комар смотрел во все глаза. Как я обещала, банан оказался нарезанным – на три части. Срезы были идеально ровными, а на внутренней стороне кожуры остался след от чего-то острого. Комар опасливо пересел от меня за Колю.

– Хочешь бананчик? – спросила я Комара. Он отказался, и я съела банан сама. А чтобы такая замечательная холодная и гладкая кожура не пропадала, я положила ее Коле за шиворот. Тот лениво вытащил кожуру, выбросил грациозно за спину и продолжил невозмутимо сидеть. Что до Комара, то ему было страшно интересно узнать, как я смогла нарезать банан, но я не раскрывала секрет.

– А покажи еще раз! – попросил Комар оживленно. – Вот, можешь на руке, – и подал мне левую.

– Нет, больно же будет, – отказалась я.

– Ничего, я потерплю, – настаивал Комар, горя желанием разгадать таинственный фокус.

– У меня магические силы закончились, – пошутила я и предложила Коле:

– Будешь конфету?

Не успел тот ответить, как Комар радостно взглянул на меня из-за его плеча:

– Буду!

Большую конфету он поделил на двоих.

Затем Комар вспомнил мое «оружие», испробованное накануне на коленях Коли, и спросил шутливо:

– А ты ногти не «побрила»?

Я рассмеялась:

– Побрила?

Комар с серьезным видом повторил:

– Да, не «побрила» ногти?

Комарику не нравились длинные ногти, и он хотел, чтобы я подстригла их. Он часто давал мне правильные советы касательно внешнего облика, и я всегда прислушивалась к ним. У него был хороший вкус и верное представление о красоте; к тому же мне нравилось делать что-либо для него, поэтому я охотно следовала его советам. Он был единственным, чье мнение имело для меня значение.

Потом я решила разыграть Комара. Достав закрытую коробочку старых монет, я сказала:

– Вот деньги. Можешь взять их себе.

– А они старинные, – ответил Комар, бросив взгляд на коробочку. Мне оставалось только удивиться.

Коля, в свою очередь, тоже решил удивить меня и попросил два рубля. Это было ему несвойст-

венно.

– Вот дает! – изумилась я со смехом и сказала нарочито серьезно:

– В воспитательных целях не дам. Сейчас два рубля, а потом на шею сядешь.

И мы с Комаром заговорили о чем-то. Через минуту Коля, драматически сведя неприбранные бровки, повторил:

– Дай два рубля!

Я отшутилась и продолжила говорить с Комаром. Немного позднее Коля опять попросил два рубля. Это вдохновило Комара, и он, встав перед нами, принялся импровизировать в стиле рэпа на тему двух рублей, пританцовывая в такт. Получалось у него необычайно ловко. Коля присоединился к нему, время от времени гудя какой-то несложный припевчик, сочиненный на ходу. Я веселилась.

Затем по предложению Комара мы перешли в домик. Там Коля сел на столик, оказавшись между нами. Я поставила на него свой пакет и – пониже – сумку. Он обхватил все это обеими руками. Комар, сияя белыми зубками, продолжал «рэпить» новые вариации на тему двух рублей. Коля покорно сидел с моим багажом, улыбаясь мне. Я поправила пакет, и его ручки оказались на носу Коли. Он перестал улыбаться и посмотрел на меня жалобно. Я убрала ручки, бережно заправив их под его подбородок. Коля опять заулыбался.

Комар вдохновенно «рэпил»:

– Два рубля... По одному... На двоих... Два рубля...

Я ткнула пальцем ему в пузико. Комар только прибавил громкость. Я аккуратно постучала пальцем по его носику. Он мило улыбнулся и начал

новый куплет.

Через десять минут Комар заметил:

– Что-то я немного оглох, – и продолжил задорно «рэпить». Все это время Коля восседал на столике, изредка поддерживая Комариные песни о двух рублях... Потом мы поговорили о чем-то, поиграли и в семь часов вечера попрощались.

Почти на всех встречах мы веселились и много смеялись. Хорошее настроение создавал Артём. Он умел находить в жизни положительное, радовался малому, никогда не падал духом и не жаловался. Он был настроен на хорошее и передавал мне свое настроение, заряжая бодростью и оптимизмом. С ним *никогда* не было скучно. Мне даже было не обязательно придумывать, во что поиграть или о чем поговорить: Тёма всегда умел развлечь меня и Колю. Нам с Тёмой было хорошо вместе.

Розыгрыши и маленькое интермеццо

Мы должны были увидеться 29 июля, но Артёму пришлось перенести встречу на следующий день. Я, досадуя, без причины отругала его по телефону, после чего отправила Коле такое сообщение: «В ночь на 28 июля на Московском шоссе в пяти остановках от моей произошло ДТП с участием фуры, перевозившей сто шестьдесят свиней. Они разбежались, и МЧСовцы все утро их ловили. Не всех удалось найти: одна исчезла».

Мы встретились 30-го, в 18.00. У меня были припасены сюрпризы для Комара. Сначала я пред-

ложила ему отыскать на ограниченной территории сторублевую купюру: «Если найдешь, оставишь себе». Комар сразу догадался, что «ограниченная территория» – это Коля (а купюра – у него за шиворотом).

Затем я достала из сумки французский мятный шоколад и подала Коле, сидевшему на скамейке возле меня. Он не взял:

– Мы не любим мятный.

– Ничего, с чаем съедите, – настаивала я, протягивая плитку. Комар, стоявший перед нами, сказал, жадно глядя на шоколад:

– Бери, я съем с чаем.

Коля колебался.

– Такой хороший шоколад, – хвалила я. – Мой любимый.

– Вот и оставь себе, – отвечал Коля. – Давай я возьму и отдам Артёму, а он подарит тебе.

– Бери, бери! – убеждал Комар, обеспокоенно расхаживая перед нами. – Я съем с чаем.

Коля колебался.

– Возьми, Комар съест!

Наконец, Коля неохотно уступил. Комар облегченно опустился рядом с ним. Коля принялся размеренно зачитывать состав шоколада.

– Состав хороший, – авторитетно подытожил он.

– Я съем с чаем! – живо напомнил Комар и на всякий случай забрал шоколад у Коли. Он хотел положить плитку в карман, но вдруг остановился:

– А почему он крошится? – озадаченно спросил Комар у меня.

– В автобусе помялся, – беззаботно объяснила я. – Отдай Коле, чтобы еще больше не помять.

Комар исполнил. Коля бережно взял плитку и

положил на скамейку рядом с собой. Несмотря на то, что шоколад оказался помятым, сладкоежка Комар все равно был доволен.

Потом мы беседовали. Я смотрела на Комара, сидевшего справа, когда вдруг краем глаза заметила, что к нам весело бежит маленький коричневый шпиц. Поодаль через двор шла его хозяйка. Подбежав ко мне, песик поставил на скамейку передние лапки и посмотрел на меня умильно коричневыми глазенками, как будто предлагая поиграть с ним. У него была забавная мордочка, а сам он представлял собой пушистый комочек. Я не шевелилась, опасаясь, что этот комочек веселости прыгнет ко мне на колени. Он подождал и бодро направился к Артёму. Тот погладил его. В это время подошла хозяйка и забрала песика. Мы возобновили беседу.

Через несколько минут откуда-то возник большой черно-белый кот, мохнатый до невероятия. Он прошелся перед нами, улегся на песке, вывалялся основательно и, встав, радушно направился ко мне, явно желая оставить на мне свой песок и березовые семечки. «Не надо», – сказала я этому нежданному гостю, и он не спеша удалился.

Мы еще поболтали втроем, после чего Артём, желая сделать мне приятное, предложил:

– Может быть, поговоришь с Колей?

Я согласилась, и он отошел метров на пятнадцать, оставаясь в пределах видимости. Я придвинулась к Коле:

– Вчера весь вечер готовила для вас развлечения. Всякие игры, головоломки, споры... В следующий раз будет чем заняться. Вот, кстати, денежка, которую я хочу подарить тебе, – и я подала Коле купю-

ру, сложенную пару раз и завернутую в салфетку. Коля взглянул на меня удивленно.

– Не, не надо, – отказался он.

– Возьми!

Он взял неуверенно и принялся осторожно разворачивать. В салфетке была обычная бумажка размером со сторублевую купюру. «100 рублей», – значилось на ней. Коля улыбнулся.

– Вот, написано же: «100 рублей»! – весело сказала я. – Потом скажешь Тёме, что я тебе денежку дала.

– Хорошо, – ответил Коля, заворачивая бумажку в салфетку, и добавил с легкой улыбкой:

– Кстати, мы вчера смеялись на шутку про «убежавшую свинью».

– И Артём? – уточнила я.

– Да.

Артём не только прощал мне несправедливые замечания, но и смеялся на мои шутки над ним. Другие же воспринимали в штыки даже заслуженные упреки.

Затем Коля рассказал, что они готовят новое видео.

– А сегодня мы будем ночевать вместе, – сообщил он.

– У тебя?

– Да.

– И дома никого больше не будет?

– Не будет: мама уедет.

Я представила, как хорошо побыть с другом, когда никто и ничто не мешает. Можно беседовать, смотреть фильмы, слушать музыку, играть во что-нибудь...

За разговором мне на руку села букашка. Я в

шутку предложила Коле пересадить ее на него:

– Ты же любишь букашек.

Коля вскочил. Я сдула гостя. Коля с облегчением сел на место.

– А у тебя на голове клоп вонючий, – радостно возвестила я. Никого там не было: мне хотелось пошутить. Коля по печальному опыту знал, что такое клопы вонючие... Придя в ужас от моего известия, он принялся отчаянно смахивать несуществующего клопа обеими руками. Когда его волосы были приведены в достаточный беспорядок, я с удовлетворением сказала:

– Всё.

Он чуть пригладил волосы и расслабленно положил руки на колени.

– Нет-нет, – с нарочитым испугом воскликнула я. – Клоп сидит над ухом!

Коля поддал себе по уху.

– Вот теперь всё.

Неверующий Коля перекрестился. Комар издали наблюдал эту пантомиму, не слыша нас и не понимая, что происходит.

Потом Коля спросил:

– Когда встречаемся?

– А когда хочешь?

– Мне все равно, – ответил он.

– Тогда завтра в 15.00.

На том и порешили. Коля встал и протянул мне руку. Я с удовольствием пожала ее. Мне нравилось то, что наконец удалось подружиться с ним.

Коля направился через двор на улицу, по которой собиралась идти я. К нему присоединился Артём. Я дала им немного отойти и пошла неспешно следом.

Мальчишки тоже не торопились. Комар, идя справа от Коли, оживленно расспрашивал его о нашей беседе. Затем оба остановились.

– А в два часа сможешь? – крикнул мне издали Комар.

– Я так и знала, что ты подкорректируешь! – рассмеялась я и добавила шутливо, подходя к ним:

– Попытаюсь.

Мы пошли вместе.

– А что за игры будут? – с живым интересом спросил Комар, неторопливо шагая между мной и Колей.

– Увидишь.

– Не, скажи сейчас!

– Увидишь... Будут не только игры: я еще хочу многое вам рассказать. Немало накопилось – и веселого, и страшного.

– А что накопилось? – любопытствовал Комар.

– Потом узнаешь, – уклончиво отозвалась я и спросила серьезно:

– Коля говорил тебе, что я дала ему сто рублей?

Я видела, что бумажка уже в руках Комара. Но он сделал вид, что только узнал, и заинтересованно обернулся к Коле:

– Сто рублей?!

Коля, подыгрывая ему, прогудел:

– Да. Вот у меня в кармане лежат.

Комар продолжал удивляться, вертя бумажку. Он был в хорошем настроении, радуясь и мне, и моему обещанию игр.

Мы прошли пару кварталов и попрощались. После мальчишки открыли шоколад, который все это время был у Коли. Плитка оказалась розыгрышем: в обертку от нелюбимого ими шоколада я

положила сухие комочки глины.

Вечером последовало лирическое интермеццо. В тот день я вызвала у Артёма ревность, и вечером Тёма взял реванш, стараясь вызвать ревность у меня. Он намеренно прикрепил в соцсети какую-то незнакомую девочку из Тулы. Она мне не понравилась. Желая, чтобы она исчезла, я обратилась к ней. Мне не пришло на ум ничего лучше, как назвать Артёма «моим парнем». Я так и написала: «Имей в виду, что Артём К. – мой парень». На фотографиях в соцсети я выглядела почти ровесницей Артёма, и моя фраза не могла бы звучать странно. Позже Артём поинтересовался у меня в соцсети: «Зачем ты это сделала?». Мне не хотелось объяснять, и я ответила самыми понятными для него словами: «Ты мой. И всё». Довольный Артём понял и сразу открепил ненужную особу.

Когда мы увиделись, Тёма опять спросил, зачем я устранила ту девицу: ему понравились мои слова, и он хотел, чтобы я повторила их при Коле. Но я ответила: «Тема исчерпана». На лице Тёмы отобразилось разочарование.

Игры

31 июля я пришла на десять минут раньше назначенного времени. Был ясный нежаркий день. Я сидела в тени березы, ожидая мальчишек. Они, вопреки обыкновению, не спешили. В 14.05. я позвонила Коле. Он ответил не сразу.

– Ждать вас сегодня?

– Да, мы идем.

Через две минуты они подошли: Комар, как всегда, на пару шагов впереди Коли.

– Привет! – сказал Комар. Он был привычно оживлен, аккуратно причесан и чисто одет – в серую футболку и облегающие джинсовые шорты (неприбранным я не видела его *никогда*, даже на работе в подвале). Не то было с Колей. Его волосы были наспех приглажены, а красная футболка помята и на спине покрыта белой пылью. Он сел справа от меня и погрузился в мрачное молчание. Комар, привыкший к тому, что я теперь часто сижу с Колей, устроился с другой его стороны и заинтересованно выглядывал на меня. Я, тем временем, изумленно рассматривала помятого Колю. Он не выспался и потому был не в духе. Чтобы поднять его настроение, я предложила ему конфету. Коля хмуро отказался. Я отдала конфету Комару, и тот радостно умял ее. Я спросила, не хочет ли он водички. «Хочу!» – живо ответил Комар. Я дала ему деньги, и он пошел в магазин.

– Как провели время с Артёмом? – поинтересовалась я.

– Нормально, – прогудел Коля. – Играли, ели...

Он был сонным. Я решила оживить его и принялась осторожно щекотать ему бока. Он слабо ежилась, мило смеяась. За этим занятием и застал нас Артём.

– Спаси меня! – проговорил Коля сквозь смех. Артём улыбнулся на нас и опять сел рядом с Колей. Выглядывая оттуда на меня, он ждал обещанных развлечений.

– Лучше в следующий раз, – сказала я, слегка по-

глаживая Колю по плечу. — А то Коля сонный.

— Нет, давай сегодня! — попросил Комар.

Я призадумалась, после чего объявила ему:

— Тогда давай поспорим на сто рублей, что ты не сможешь простоять на одной ноге, пока я считаю до трех.

Комар с готовностью вскочил и установился передо мной на одной ноге. Коля с интересом наблюдал, что будет. Я принялась считать:

— Один... Два...

После этого махнула Комару рукой:

— Ты постой пока, а я поговорю с Колей и потом скажу «три».

Суть спора в том, что человека оставляют стоять слишком долго, и потому он проигрывает.

— Постояю! — согласился Комар и облокотился об ограждение песочницы. Опасаясь, что он выиграет беспроегрывный спор, я заметила:

— Ты не так стоишь. Нельзя ни на что опираться.

Комар отстранился от ограждения. Я подумала: «Сейчас он даст нам пару минут, а потом затропит Колю и выиграет спор». И я сказала:

— Нет, ты все равно стоишь не так. Нельзя было опираться.

Комар смиренно сел на место. Коля был теперь немного живее, и я предложила ему:

— А сейчас давай с тобой поспорим — на пятьсот рублей...

Коля окончательно проснулся от удивления, а Комар радостно подскочил. Я продолжала:

— Спорим, что ты не сможешь пройти по этой скамейке в одних носках!

И я встала, освобождая место. Комар тоже поднялся. Коля, заинтригованный тем, почему он не

сможет выполнить такое простое условие, принялся снимать кроссовки. Я улыбалась, наблюдая. Он влез на скамейку и прошелся взад и вперед:

– Вот!

Комар торжествующе посмотрел на меня, ожидая выигрыша.

– Но ты же не в одних носках! – заметила я. Коля понял и, заулыбавшись, спрыгнул со скамейки. Усевшись на нее, он принялся обуваться. Между тем, воображение Комара явно будоражили пятьсот рублей.

– А давай я пройдусь! – азартно вызвался он. Судя по его бравому виду, он был способен выиграть и этот беспроегрышный спор. Я запротестовала, и Комар, отказавшись от своего намерения, уныло сгорбился на скамейке.

– Хотите, я прыгну выше этого забора? – сказала я, указывая на двухметровую ограду неподалеку.

– Как? – заинтересовался Комар. Коля что-то смекнул и решительно направился к забору. Мы наблюдали. Он попытался вскарабкаться на забор, но тот был неудобен для этого, и ему пришлось спрыгнуть.

– Вот так? – спросил Коля, подходя к нам и отряхивая пыль с рук.

– Нет! – весело ответила я. – Вот так, – и я чуть подпрыгнула на месте. – Видишь, прыгнула выше забора! Ведь он вовсе не смог.

– Да-а, задачка не для школоты, – констатировал Комар.

Потом я рассказала, как меня испугал внук соседей, которого я не знала: он неотступно поднимался за мной по лестнице в моем подъезде. Для меня это было забавным случаем, но Тёма забе-

спокоился:

– А это точно был внук соседей? А то подростки всякие бывают, даже в двенадцать лет...

Позднее мы с Артёмом играли и беседовали, сидя в домике, а Коля снаружи монтировал на телефоне их новый фильм. Когда пришло время прощаться, я два раза поцеловала Артёма в левую щеку и обняла за плечи, после чего попросила:

– Пусть теперь Коля придет!

Артём исполнительно полез из домика звать Колю. Тот пришел и сел на его место, заинтересованный. Я шутливо поерошила ему волосы, он заулыбался и, радостно глядя на меня, протянул мне руку. Я пожала, и на том мы расстались.

Не помню, чтобы я говорила им «Пока!». Они неторопливо двинулись через двор на улицу – в магазин за сладостями. Артём шел слева от Коли, обсуждая, что купить. Я пошла под арку.

На улице я направилась в сторону магазина. Ребята как раз обогнули его с другой стороны и теперь подходили к дверям. Артём в предвкушении вкусовостей первым нырнул в магазин, а Коля приостановился на мгновение у дверей, глядя на меня.

Недоразумения

Мы должны были встретиться на следующий день, 1 августа, в 15 часов: так назначил Артём. Но встреча не состоялась...

31 июля Артём упомянул в разговоре, что, когда он был у Коли, то решил пообщаться по скайпу с ребятами в Интернете. Я расценила это как не-

внимание к Коле и обиделась за него. Артёму я ничего не сказала на этот счет и не спросила о подробностях. Только позднее я узнала, что это Коля был невнимателен по отношению к Артёму... То общение по скайпу было такой же попыткой напомнить о себе, как и попытки вызвать у меня ревность, когда Артёму казалось, что я отдаляюсь от него. Артём нуждался в нас, а по нашей неосторожности иногда испытывал страх потерять нас.

Когда позже на той встрече Артём поинтересовался, будет ли для них работа в августе, я ответила: «Если будет, я устрою другого мальчика». Другого мальчика не было: я хотела отомстить Тёме за «небрежность» по отношению к Коле. И преуспела: Тёма опять забеспокоился за меня. И опять воспользовался своим испытанным средством – вызвать ревность. Тотчас после встречи 31-го он скрыл в своем аккаунте тридцать знакомых – в произвольном порядке (включая Колю), тем самым показывая, что якобы собирается скрывать кого-то важного. Я восприняла его действия всерьез. «Неужели он ищет новых друзей?» – встревожилась я и решила в отместку подшутить над Артёмом.

Я нашла в соцсети некоего юного Миколу с Украины и попросила выразить Артёму соболезнования «по поводу кончины любимого хомячка» (которого у него не было). Тот исполнил. Потом я подговорила еще одного мальчика посочувствовать Комарику. Поручение было выполнено.

Через час мне пришло сообщение от Комара. Он пересылал соболезнования Миколы, добавляя: «Тебе что, делать не...» Когда он писал это, пришло следующее соболезнование, и Комар отпра-

вил свое сообщение неоконченным. Письмо Миколы, сопровождавшееся его снимком в черном капюшоне, гласило зловеще: «Не переживай, ему там будет лучше». Если Комар вдруг подумал о Коле, то его первое впечатление от такого послания было сильным...

Минуту спустя Комар переслал мне новое сообщение: «Тёма, привет! Не расстраивайся из-за хомяка! Ему этого не хотелось бы. Лучше заведи нового и назови тем же именем».

Тёма понял, что цель достигнута: я забеспокоилась, а значит, боюсь потерять его. Кроме того, он оценил саму шутку с «соболезнованиями». Чуть позже он попытался поговорить со мной в соцсети, чтобы окончательно уладить это недоразумение, но я не отозвалась...

Я продолжала верить трюку Артёма. Утром 1 августа я написала Коле: «Артём, скрывая знакомых в соцсети, показал, что собирается заводить новых. Значит, он не нуждается в моей дружбе. Зачем тогда продолжать общение с ним? Но мне не хотелось бы терять тебя. Если невозможно общаться без Артёма, тогда я буду терпеть его. Решай сам, как лучше». Хотя я знала тактику Тёмы, равно как и его отношение ко мне, изредка я все же попадалась на его уловки.

Днем Коля сказал Артёму о моем письме. Тёма не отменил встречу, но я не приехала. Он подождал до вечера, а потом хотел пригрозить мне в соцсети: «Если не приедешь, мы не будем общаться». Так он иногда говорил, чтобы я не отказывалась от встречи. Однако я, продолжая нервничать, опередила его, написав сгоряча, что он мне «не нужен»...

Жаль, что у нас возникали размолвки из-за беспричинной ревности, как и другие, о которых рассказано ранее, но было в них и что-то хорошее: они были проверкой на прочность – проверкой, которую наша дружба всегда выдерживала.

Примирение

Тёма поверил, что «не нужен» мне, и уже не пытался вернуть меня, смирившись с разрывом. В своих маленьких фильмах он выглядел не веселым.*

Примирение зависело от меня, и 30 августа я отправила Коле сообщение: «Приходите завтра или в выходной». Я ожидала, что они придут на следующий день.

31 августа было ясно и прохладно, а в пространстве ностальгической ноткой уже сияла первая позолота осени. Коля молчал, не сообщив Артёму о приглашении. Я подождала до трех часов дня и написала ему: «2-го приеду в школу». Коля боялся такого визита. Он не хотел предавать огласке, что знаком с писателем и, к тому же, является персонажем книги: это вызвало бы зависть его одноклассников. Поэтому мои слова возымели действие, приглашение было передано Тёме, и через десять минут с номера Коли раздался звонок.

– Да! – отозвалась я.

* И снял всего три за месяц.

- Алё, – робко произнесли в трубке.
- Это кто? – вежливо поинтересовалась я.
- Артём, – слышалось нерешительно.
- А-а, Тёма! – радостно сказала я. – Привет!
- Привет, – голос на другом конце стал увереннее. – Сегодня в пять.
- Хорошо, в пять, на старом месте.

Вскоре пришло СМС с указанием другого места. Я отправила в ответ сообщение, что хотела бы встретиться на прежнем. Артём позвонил, но я не услышала и потом перезвонила. Артём осторожно отказался встречаться там, где всегда. Я предложила аллею, на которой мы сидели после примирения 25 августа 2015 года. «Хорошо, – согласился Артём. – На аллее, на первой лавочке. Мы будем ждать. Пока!»

Когда я шла старой улицей к назначенному месту, Комар заметил меня издали. Аллея, на которой он с Колей ждал меня, была продолжением этой улицы. Чтобы пройти к Комару, надо было пересечь дорогу. Я свернула влево к переходу. В той стороне находился наш двор. Комар направился ко мне. Возможно, он подумал, что я иду не туда, или же просто вышел навстречу. Он был в новых облегающих синих джинсах, белых кроссовках и светло-серой толстовке с изображением тигра.

Когда я ступила на переход, Комар вернулся к Коле. Тот сидел под высокими ясенями на скамейке с подлокотниками. Я подошла, улыбаясь. Комар устроился в углу скамьи, слева от Коли. Оба смотрели на меня ожидающе.

- Ну, здравствуйте! – произнесла я, протягивая руку Коле. Он рассмеялся:
- Артём знал, что ты так скажешь!

Я села рядом с Колей и, взяв его правую руку, шутливо погладила ее. Отпустив, сказала:

– Всё, теперь могу уходить. Это я просто соскучилась по моим любимым лапкам.

На лице Коли отобразилось удовольствие, но для благоприличия он спокойно спросил:

– Мы приходили только для этого?

– Я пошутила, – объяснила я и, облокотившись о спинку скамейки, поинтересовалась:

– Как поживаете?

– Нормально, – ответил Коля, глядя вдаль. Комар ждал, что будет. Я продолжала расспрашивать:

– Что нового?

– Завтра в школу, – сообщил Коля.

– Да, тебе. А Тёме – в колледж.

Тёма не выдержал:

– А что ты хотела?

Я начала неторопливо:

– У меня были две идеи – одна на случай, если все пойдет хорошо, а другая – если плохо.

– Начни с хорошей, – сказал Комар, глядя на меня заинтересованно. Я улыбнулась и положила руку на плечо Коли:

– Предлагаю помириться!

Ссорилась я не с Колей, а с Артёмом, но для меня они были единым целым.

– Это надо с ним решать, – Коля указал на друга. Тот в некотором замешательстве смотрел на меня из-за его плеча. Я рассеянно взглянула на него и похлопала Колю по плечу:

– Ну, давай помиримся!

Артём, явно не понимая, почему я пренебрегаю им, оторвался от спинки и произнес обиженно:

– Тогда встретимся только через девять месяцев – летом. Ну, или в лучшем случае – на зимних каникулах.

– Хорошо, – ответила я нарочито бодро. Коля, опасаясь, что мы с Комаром в попытке помириться опять поссоримся, прогудел:

– На осенних каникулах.

Комар с готовностью согласился.

– А какая вторая идея? – спросил он.

– Хотела забрать у вас книгу, которую дала 31 августа 2014 года.

– Она у Коли, – напомнил Комар (Коля взял книгу у него после того, как Комар прочитал ее).

– Ее у меня нет, – насмешливо возразил Коля. Я знала, что книга у него, но не отозвалась ничем...

– Кстати... – я загадочно улыбнулась Артёму. – Я буду преподавать у вас.

Он, с широкой счастливой улыбкой, живо взглянул на меня из-за плеча Коли:

– Да ну, врешь!

– Нет, правда.

– А по какому адресу наш колледж?

– Сам знаешь.

– А что будешь вести? – Комар сиял и вертелся.

– Узнаешь...

Комар в радостном замешательстве откинулся на спинку.

– Я пошутила, – призналась я.

– Я так и понял, – вздохнул Комар.

– А я поверил, – сказал Коля.

– А зачем ты так странно повел себя после встречи 31 июля? – спросила я у Артёма, глядя на него.

– Как? – не понял он.

– Мы хорошо провели время, потом вы отправи-

лись в магазин за сладостями, а позднее ты принялся скрывать в своем аккаунте знакомых.

– Да это просто так... – с досадой ответил Артём, опираясь локтями о колени. Он был недоволен теми действиями. Я добавила:

– Я написала «Ты мне не нужен», потому что мне показалось, что тебе не нужна наша дружба.

Артём слушал серьезно.

– Поэтому я хотела расстаться с тобой и продолжить общение с одним Колей.

Артём, увидев выход, весело полез на плечо друга:

– Он без меня не будет ходить! Вот скажи, что не будешь!

Это означало «Не отбрасывайте меня». Коля, ничего не говоря, оторвался от спинки скамьи. Я шутливо полезла на его другое плечо:

– Не говори, не расстраивай!

Коля прогудел:

– Мы – только вместе...

– Да вы мне и не нужны по отдельности, – пошутила я. Коля опять оперся о спинку, а Комар задумался над моей сентенцией.

У Комара на коленях лежал его синий мешочек на веревочках. Я в шутку предложила Коле забросить его на дерево.

– Давай забросим, – отозвался Коля, неспешно забирая мешочек у Комара и перекладывая себе на колени. Но забрасывать было некуда. Я взглянула на высокий ясень перед нами, и у меня вдруг мелькнула мысль, что, может быть, мы никогда больше не будем играть и смеяться, как раньше. Что если это лето – наше последнее?..

В 17.15. Артём сказал, что им пора идти, и

встал. За ним поднялся Коля. Я встала и подала руку Артёму.

– Я не здоровался... – произнес он, ревнуя меня к Коле и обижаясь на мою сентенцию. Я протянула руку Коле. Тот пожал, и мы разошлись в разные стороны. Мне хотелось оглянуться, но я только посмотрела на часы, чтобы запомнить время.

Развлечения для Тёмы

2 сентября я начитала для Тёмы на диктофон три главы этой повести и одно из стихотворений о нем, написанное 20 мая 2016 года. Стихотворение заканчивалось словами:

Ты со мной рядом, ты – моя душа,
Ты не изменишься, как и воспоминанья.
Мир все еще хранит твой след, что не спеша
Теряется в глуби закатного сиянья.

Стихотворение я зачитала под один из моих любимых похоронных маршей (странная идея!), а также написала его на темной открытке с розой. Все это я отправила Тёме в соцсети.

Следующим вечером я выслала Тёме еще одно стихотворение о нем – на черном фоне с каллой – и приложила аудиозаписи этого стихотворения, прочитанного мною под музыку на итальянском, испанском и латинском языках.

На третий вечер я порадовала Комарика очередным стихотворением про него, тоже 2016 года. Сначала был выслан текст на черном фоне с белой

розой и добавлен аудиофайл, где я читала его под романтическую музыку:

Когда я смотрю назад,
в прошлое,
я вижу твои большие карие глаза
с золотистым сиянием –
отсветом янтаря,
твои мягкие светлые волосы,
твои вишневые губы,
улыбающиеся задорно:
твой порывистый радостный облик –
образ юности из слоновой кости и золота.
Я вижу только тебя,
как звезду в разрыве туч
над пепелищем.

Затем следовала вторая аудиозапись, где это стихотворение было немного изменено...

Лирически:

Когда я смотрю назад,
в прошлое,
я вижу твои большие карие глаза
с золотистым сиянием –
отсветом янтаря,
твои мягкие светлые волосы,
твои вишневые губы,
улыбающиеся задорно...
Я вижу твой порывистый радостный облик –
образ юности из слоновой кости и золота –
и слышу...

Комариным оживленным голосом:

«А похавать принесла?»

Это была пародия на мое стихотворение для того, чтобы позабавить Тёму. В действительности он спросил так в шутку один раз, зимой 2015 года.

Артём был не только другом для меня, но и вдохновением. И мне нравилось, что мое вдохновение было не благопричесанным выхолощенным пустяком, а веселым сорванцом, который мог шутливо попросить «похавать» и, относясь ко мне как к равному, понимал, уважал и ценил меня.

«Всякое шоу»

Позднее я сделала еще несколько аудиозаписей для Тёмы. Тем временем, он снимал маленькие фильмы – теперь без Коли, который в учебное время не гулял с ним. Вся работу над ними выполнял Артём. Фильмики были качественно сняты, мастерски смонтированы, отличались сюжетной целостностью и завершенностью, а музыкальное сопровождение идеально соответствовало сюжету.

Всего их было девять. Четыре из них представляли собой забавный мини-сериал, где играли юные родственники Артёма – его девятилетний брат и две племянницы того же возраста. Другой раздел составляли две серии «Вызов принят», в которых Артём выполнял различные задания. В первой серии он поставил себе целью пройти двадцать метров, неся на лбу книгу, а также прочеканить мандарином семь раз. Обе задачи были ловко выполнены.

Во второй серии мы узнаём, что Артём задумывал снимать эти ролики в соавторстве с Колей, но...

– Сегодня мне должен был дать задание Коля, – говорит Тёма, сидя на широком пустом подоконнике в своей комнате и держа в руках бутылочку воды. – Это мой друг, – он мягко улыбается, – тот пацан, что снимался со мной в летних роликах, – Тёма слегка вертит бутылку в руках. – Так вот, – Тёма серьезнеет и закручивает пробку на бутылке, – этот ленивый болванчик ничего не сделал, – пробка от бутылки громко падает на пол. – Потому что он – ленивый болванчик, – Тёма спрыгивает с подоконника с нарочитым негодованием (за которым явно кроется горечь) и выключает камеру.

В следующем эпизоде он собирается сыграть в виртуальном «Эль-Классико».

– Сейчас я сыграю за «Реал» против «Барселоны», – слышится за кадром чистый и звонкий голос Тёмы. На экране появляется изображение футбольного поля с фигурками игроков.

– Итак, матч начинается.

Игроки приходят в движение.

– «Барселона» первая...

Футболисты оживленно бегают по полю. За кадром – несколько секунд полной тишины, после чего наш комментатор с изумлением спрашивает:

– А где мяч?!

А его нет.

– Я не понял, где мяч?! – удивляется Комар. – Вот, нам сейчас гол воздухом забили, – пауза в недоумении. – И опять забили... А мяча нет! Ничего не понимаю... Попробую еще раз.

Он запускает игру снова:

– Опять мяча нет.

Комар начинает матч третий раз:

– И тоже без мяча!

Он не сдаётся:

– Четвертая попытка и... По-прежнему мяча нет! Ну все, – вздыхает он за кадром, – плохо дело: нет у них мяча.

Комарик с сожалением меняет команды. Теперь он за «Зенит» против «ЦСКА». Мяч появляется, мы увлеченно играем и выигрываем.

Затем следуют задания для Комара, придуманные им самим: прочеканить теннисным мячиком семь раз на голове, а после показать приемы с футбольным мячом. Все получается ловко и весело.

Кроме того, Тёма снял ролик, в котором давал полезные советы школьникам (видимо, этот фильм посвящался Коле). В другом ролике он показывал трюк «100 слоев воска на руке».

Все эти фильмы Артём поместил на своем канале, называвшемся «Всякое шоу». Начало каналу было положено роликом, в котором Артём в свой шестнадцатый день рождения гулял с Колей неподалеку от нашего двора. Был ясный летний день, Коля пребывал в хорошем настроении, тогда как Тёма выглядел невеселым. В конце значилось: «А потом мы пошли в кино».

Последним на канал был помещен ролик, где брат Артёма и одна из племянниц отвечали на школьные вопросы, которые Артём задавал за кадром. Ролик датировался 17 декабря 2016 года.

Большинство фильмов было снято, когда мы с Артёмом опять стали видеться – после преодоления одного препятствия...

Препятствие во встречах

С осени 2015 года мы не встречались в учебное время, но только на каникулах. Меня удивляло, что мальчишки не гуляют вместе даже по выходным, однако я считала, что какие-то причины препятствуют встречам, и уныло жила от одних каникул до следующих.

В октябре 2016-го я узнала, что препятствием был Коля. С осени 2015 года он отдалялся от своего друга. Видеоигры, которым он мог посвящать до восьми часов в день, постепенно заменили ему все, вытеснив все взаимоотношения – и дружеские, и романтические. Коля замыкался в себе.

В то же время привязанность Артёма к нему оставалась неизменной. Для него друг, то есть кто-то близкий, был необходимостью. Как и для меня, братство являлось для Артёма наивысшей ценностью и всепревосходящей потребностью. Эта особенность соединила нас, но не могла соединить их. Артём не находил полного отклика своему стремлению, обижался, подавлял обиду, звал Колю на встречи... На весенних каникулах в 2016 году он написал приглашение Коле даже на его стене в соцсети, но тот просто удалил его. Летом того года Артём говорил мне, что Коля нередко не отвечает ему в соцсети, а иногда даже блокирует его. В октябре 2016-го Коля признался, что Артём пишет ему каждую субботу и воскресенье «Пойдем погуляем», но он не выходит. В январе 2017 года я, с трудом вызвав Колю на встречу, заметила: «Вот так ты и к Артёму не выходил». Он ответил: «Да, с ним надо было ходить, а так можно было сидеть», – в тепле, с пропитанием, за видеоигрой – вместо

того, чтобы пройти по городу, как любил Артём, а также встретиться со мной в нашем дворе.

Без Коли мы с Артёмом виделись только один раз. Я считала, что ему приятнее, когда мы вдвоем, и не предлагала приходить одному, а он думал, что мне нужно присутствие Коли...

Присутствие Коли постепенно стало устраивать меня. Когда мы были вдвоем, возникало ощущение семьи (это была заслуга Артёма, умевшего объединить нас троих). Мне не посчастливилось с семьей и родственниками, а дружба с моими мальчишками восполнила эту брешь. Про себя я называла их «мое семейство». Артём ощущал то же: ему было не очень уютно дома, а мы с Колей стали для него родными.

21 октября 2016 года мне надоело скучать, и я поехала ждать Колю у школы после уроков, чтобы поговорить о встречах. Коля был ошарашен моим внезапным появлением. Он краснел, бледнел, вертелся то в одну сторону, то в другую и твердил растерянно: «Потом, потом...». Разговор не удался.

Вечером я смогла договориться с ним в соцсети о встрече 23-го в 15.00., во дворе. Это стало радостной вестью для Тёмы, соскучившегося по нам.

Препятствие преодолено

23 октября я приехала в наш двор на пять минут раньше назначенного времени. Был пасмурный темный день, довольно холодный, береза над нашей скамейкой стояла вся в желтых листьях, во

дворе не было ни души. Я остановилась у входа на детскую площадку, где мы обычно сидели.

Ровно в 15.00. появились мои Комары. Я стояла в стороне, где они не ожидали увидеть меня, и они важно прошествовали мимо, увлеченные разговором. Оба были без шапок, куртки расстегнуты, руки в карманах, уши и носы красные. Я подошла к ним, поздоровалась и, пристроившись возле Коли, произнесла с изумлением:

– Ты – без шапки?!

Для Коли, который всегда был герметично упакован, быть без шапки – это нонсенс.

Мы подошли к нашей скамейке. На ней было насыпано немного песка. Комар принялся сдувать его. Я предложила салфетку, чтобы песок смахнуть, но Комар отказался и продолжил сопеть на скамейку. Немного почистив ее таким образом, он сел и усадил Колю. Я встала перед Колей, сняла перчатки и, протянув к нему обе руки, сказала:

– Ну, давай!

Он понял, неспешно вытащил из кармана левую руку и подал мне. Я погладила ее с нарочитым усердием, после чего надела перчатки:

– Все. Именно из-за этого я ездила к школе.

Коля молча убрал руку в карман, осознавая услышанное. Комар проговорил удивленно:

– Ты собиралась там при всех руки ему гладить?! Ему же было бы неудобно!

Я рассмеялась на его серьезность и, садясь рядом с ним (он сам уступил мне нагретое место), объяснила, что пошутила, а к Коле приезжала из-за него. Комар растрогался.

Затем я спросила у Комара:

– Ты сытенький?

– Нет, – ответил он, и на его мордочке появилось мечтательное выражение.

– Хочешь сладкого?

– Хочу.

Я подала ему шоколадный шар с сюрпризом. Комар взял его и принялся рассматривать. Я вручила ему плитку шоколада. Комар принял, удивленный от количества сладкого. Я улыбнулась и произнесла задумчиво:

– Было что-то третье... Ах да, хотела поделиться с вами гонораром, но забыла его дома.

Комар изумленно подскочил, а Коля выглянул на меня с несвойственным ему интересом.

– Каким гонораром? – спросил Комар, глядя на меня во все глаза.

– За мои книги, которые размещены на Амазоне.*

Комар смотрел радостно-удивленно:

– А сколько там денег?

– Достаточно. Я довольна.

– Ну, хоть намекни!

– Не буду, так интереснее.

Комары начали подсчитывать, какая доля им причитается. Артём понял, что я шучу, и считал, подыгрывая мне, но его друг был серьезен и заинтересован по-настоящему.

– Сорок процентов, – гудел Коля. Артём спорил:

– Нет, так нечестно. Она же писала, старалась... Тридцать процентов.

* Книги я разместила на Амазоне для того, чтобы развлечь Артёма: они были ему знакомы, и в их числе был сборник со стихами о нем. Я давала Артёму ссылку, чтобы он посмотрел мою страницу на Амазоне. Что до гонорара, его на тот момент не было.

Я не возражала. К слову я объяснила, что автору полагается с продажи только часть средств, остальное идет магазину. Комары принялись пересчитывать, а затем условились со мной о доле (Артём играл, но Коля был уверен, что они действительно получают процент от гонорара). Я обещала поделиться. Артём шутливо объявил, что из полученной доли он заберет большую часть:

– Потому что я в книгах главный герой.

И добавил всерьез, не без удивления на оказанную им честь быть в книгах:

– Надо же, ведь просто сидели...

После чего радостно-мечтательно – Коле:

– Представь, году в 2070-м книгу* о нас, может быть, будут в школах проходить. Мы уже старенькими будем, а о нас будут читать.

За разговором Коля незаметно упаковался и теперь сидел привычный, в капюшоне с мохнатой серой опушкой. У него была новая коричневая куртка и синие джинсы. Руки он держал в карманах: перчаток не было. Артём был в осенней «парке» серо-табачного цвета, прежних облегающих джинсах и белых кроссовках. Волосы по сторонам головы были коротко подстрижены, что замечательно подчеркивало пунцовые от холода ушки. Носик у него тоже был красный, шмыгал время от времени, но Комар сохранял бравый вид. Я надела ему капюшон и поправила волосы надо лбом, пригладив их направо. Комар улыбнулся растроганно-довольно.

Мы продолжили беседовать. Я спросила

* Речь о «Комарике».

Комара о впечатлении от учебы в колледже. Ему было нечего рассказать: там не было ничего интересного. Коля тоже ничего не мог сказать о своей учебе, кроме того, что у него две тройки.

Комар согрелся и сбросил капюшон. Пользуясь возможностью, я осторожно опустила туда свой телефон. Комар, не заметив моих действий, говорил о чем-то смешном. Через пару минут ему опять стало холодно, и он одной рукой натянул капюшон. Телефон едва не выпал, но, на мое счастье, капюшон застрял на левом ухе, и Комар отбросил его обратно. И продолжил рассказывать смешное. Мы с Колей молча слушали, сидя по обе его стороны.

Во дворе царило полное спокойствие, и не было ни души. Вдруг в капюшоне Комара раздался веселый смех. Комар испуганно пригнулся и посмотрел назад, ожидая кого-то увидеть. Но за спиной не было никого. На Комариной мордочке отобразился почти мистический ужас. Между тем, смех не прекращался и теперь звучал со стороны Коли, к которому Комар повернулся спиной. Комар вскочил и принялся вертеться, пытаясь определить источник смеха. Я встала и с удовольствием наблюдала за ним. Коля тоже поднялся, улыбаясь: он понял, в чем дело. Комар что-то смекнул и, стараясь выглядеть беззаботным, растегнул куртку до середины и, спустив ее с плеч, обратился к Коле:
– Коля, убери!

Тот заглянул в капюшон, но спасать Комара не спешил. Комар делал веселый вид и просил Колю все-таки убрать то, что на спине. Наконец, Коля, налюбовавшись, вынул из капюшона теле-

фон и отдал мне. Мы все, смеясь, сели на скамейку. Комар сказал с облегчением:

– Я думал, что у меня крыша поехала: какой-то смех в голове звучит...

– Это такой будильник на телефоне, – пояснила я.

– Если бы я такой завел, – отозвался Коля, – я бы умер от страха.

У меня был приготовлен сюрприз и для Коли. Я спросила его:

– Тебе нужен скорпион сушеный?

Коля недоуменно прищурился на меня, склонив голову набок. Комар с готовностью ответил за него, ожидая новой игры:

– Нужен!

Я вынула из сумки маленькую коробочку, откуда достала нечто, завернутое в носовой платок. Комары вскочили со скамейки и отошли на пару шагов. Я предложила Коле взять «скорпиона». Тот великодушно отказался:

– Лучше дай Артёму.

Артём с интересом протянул руку, но, приблизив ее к «скорпиону» на моей ладони, отдернул с нарочитой опаской.

– Ну, что ты боишься, – сказала я, – он уже десять лет как сушеный...

Комар опять решительно протянул руку, я поднесла «скорпиона», и рука отдернулась.

– Ну, если он вам не нужен, – подытожила я, – тогда оставляю его себе, – и я убрала свой сувенир в сумку. Для Комаров так и осталось секретом то, что под видом скорпиона был всего лишь маленький «крабик» для волос.

В конце встречи Комар попросил у меня восемьдесят восемь рублей на чипсы. Я открыла в сум-

ке отделение, где лежали купюры: ничего. Заглянула в то, где мелочь, и начала неспешно выгребать ее. Комар услужливо запустил туда лапку:

– Дай помогу!

Я отказалась и отсчитала ему рублей сорок, по рублю и по два. Коле, наверное, стало жалко меня – писателя с большим гонораром, и он сказал:

– погоди. Может быть, у меня есть.

Он пошарил в карманах и обнаружил около пятидесяти рублей. Артём добавил деньги, которые дала я, и Коля убрал всю эту мелочь в карман.

Потом мы с Артёмом нехотя встали прощаться. Коля, стоявший перед нами, подал мне руку. Я пожала, и он отошел. Я крепко обняла Артёма за плечи – первый раз с 31 июля. Коля, тем временем, неторопливо удалялся. Я отпустила Артёма, и он, радостный от моей ласки, весело пошагал к другу с шутливым вопросом: «Куда ты пошел с моими деньгами?»

Уходили они не спеша, молча, оба в капюшонах. Артём шел справа, почти вплотную к Коле. Старая улица, ни людей, ни машин, только желтые листья перелетали на ветру по дороге, как мертвые бабочки. А над головой было серое небо с яркосиними просветами: будто неземная шартрская лазурь сияла сквозь унылую пелену мира.

Сюрприз под кроватью

Следующая встреча – 4 ноября, в 14.00.

Мокрый снег под ногами, мокрый снег с неба, серость и сырость. Прихожу во двор под зонтиком.

На скамейке кто-то сидит. Останавливаюсь за двадцать метров и рассматриваю сидящих, пытаюсь признать в них своих. Некто, похожий на Колю, машет мне. Направляюсь к скамейке. Да, это они.

– Привет, Комары!

– Привет, – отвечает Артём. Он в той же «парке», на голове капюшон, руки в карманах, нос красный; Коля в коричневой куртке и вечной желтой шапке с помпоном. Артём встает. Я складываю на Колю зонтик, пакет и сумку. Он все покорно принимает. Я достаю из пакета покрывало, взятое для того, чтобы постелить на скамейку. Мне приходит мысль попросить Колю расстелить покрывало, но я вспоминаю про его багаж и стелю сама, для себя и Артёма (Коле достаточно куртки). Потом замечаю, что Артём мерзнет, и с удивлением обнаруживаю у него отсутствие шапки:

– Ты опять без шапки?!

– Перерос, – гордо отвечает Комар, шмыгая носом. Он садится рядом с Колей и любезно усаживает меня слева от себя. Я сажусь, и мы с Комаром оживленно беседуем. Затем я вручаю ему мешочек из сияющей синей парчи, в котором лежат два шоколадных шара и плитка шоколада. Мешочек я сшила одной ночью для того, чтобы принести Комару сладости. Комар, поблагодарив, отмечает, что мешочек красивый, откапывает сладкое и быстро поглощает, поделившись с Колей.

После того, как Комар расправился со сладким, я сообщила ему, что отправила письмо Криштиану Роналду, чтобы получить для него автограф.

– А где ты нашла его адрес? – удивился Комар.

– Я написала ему через канцелярию «Реала», – объяснила я и добавила:

– А вот канцелярия «Барселоны» похожа на Колю. Тоже молчит, как он обычно во «ВКонтакте», когда мы пишем ему.

Для того чтобы не обижать Колю, я хотела достать ему автограф его любимого игрока из «Барселоны», но на мое письмо не ответили.

Потом я предложила Комару погреться, играя в снежки:

– Прошлой зимой так хорошо играли!

– Тогда тепло было, – замечательно ответил Комар. Он встал («Так теплее»), за ним – Коля, и мы трое принялись щебетать о чем-то, перемежая беседу веселыми шутками.

Комар был оживлен, как всегда с нами, и старался не подавать виду, что мерзнет. Я предложила ему свои перчатки. Он радостно согласился и попросил меня надеть их, чтобы самому не порвать. Я надела ему на правую руку, на левую – не той стороной. Он покопошился сам, натягивая.

Когда Комар немного согрелся, я показала фокус. Я продемонстрировала платочек (его я пошила специально, из зеленого крепа), в котором ничего не было. Затем я сложила его пару раз. А когда развернула, в нем лежала монетка. Тёма, как всегда в таких случаях, смотрел во все глаза. Коля был близок к разгадке, но я опровергла его предположение.

После мы болтали о разном, стоя. Коля за разговором сделал аккуратный снежок, Комар забрал его и осторожно бросил в меня. Его живость изрядно подмерзла, и этим снежком игра закончилась.

Мне пришла на ум новая идея, и я спросила Колю:

- Ты спишь на кровати или на диване?
- На кровати.
- А под ней есть свободное пространство?
- Коробками заставлено.
- Но немного места есть?
- Есть.
- Тогда сегодня... – я посмотрела на часы. – Так, сейчас 14.25. Сегодня, в 1.30., тебя ждет под кроватью сюрприз.

Коля и Комар удивились.

- А ты что, у него дома была? – обеспокоенно спросил Комар. Я загадочно промолчала. Коля прогудел, что под кроватью не будет ничего, кроме пыли.

- Пыль надо убирать, – заметила я.
- Но я же не сплю под кроватью, – ответил Коля. По его логике, единственно непыльным местом в доме может быть только кровать.
- А мне сюрприз будет? – живо поинтересовался Комар, глядя на меня во все глаза.
- Будет, но позднее.

Коля был настроен скептически, а Комар увлечен моей затеей. Конечно, он понимал, что я не могу приготовить сюрпризы у них в квартирах, где никогда не была, и просто подыгрывал мне. Он иногда подыгрывал, чтобы мне было интереснее или для того, чтобы мои старания не пропали зря.

В 14.35. настало время прощаться. Артём подал мне руку, я пожала и не отпустила. Он накрыл мою руку своей левой, я – левой – его правую, и так, крепко держа руки друг друга, мы стали договариваться о встрече.

- В воскресенье, – сказал Артём. Коля подумал о следующем воскресенье, которое было через де-

вать дней, и спросил с недоумением:

– В следующее?

Артём объяснил, что в ближайшее, через два дня. Мы отпустили руки друг друга, и Артём собрался уходить.

– Перчатки верни, – напомнил ему Коля. Артём поковырялся с ними, после чего протянул руки к Коле:

– Сними!

Коля снял перчатки, вернул их мне, подал мне руку, и они с Артёмом ушли.

В 1.30. Коля исправно влез под кровать с фонариком и телефоном, включил видеозапись, чтобы зарегистрировать появление сюрприза, и принялся усердно искать его между всеми коробками. Нашел пыльный носок и вылез.

Когда Коля появился в соцсети, я спросила:

– Нашел?

– Нет. Только пыль и носок.

– Жалко. Видимо, он убрел куда-нибудь.

– А что там было?!

– Да паук экзотический.

Коля наверняка поежился и спросил, как тот мог попасть к нему: ведь я не была у него дома.

– Это большая тайна, – ответила я. И добавила:

– Ты только не задави его. Он стоит 800 рублей.

Коля, должно быть, поежился еще раз.

– Но как он мог попасть ко мне именно в 1.30.? – недоумевал мой товарищ.

– Он ведет ночной образ жизни.

Наверное, Коля опять поежился и написал, чтобы ободриться:

– Да нет там ничего, только пыль. Но с пауком

хорошо придумано. Я почти поверил.

Я отправила ему довольный смайлик и предложила:

– Надо сделать так Комарику.

– Он не поверит. Откуда, мол, у него может взяться паук?.. Вот бы запустить ему настоящего!

Мы помечтали, как Тёма ищет сюрприз под кроватью, и попрощались.

Письмо от «Реал-Мадрида» и другое

В следующий раз я встретила с Артёмом и Колей 6 ноября. Было пасмурно, двор заметен снегом, а береза стояла вся в желтых листьях, как застывший солнечный свет.

Я постелила на скамейку покрывало для себя и Комара, после чего вручила ему два шоколадика.

– Будешь? – предложил он Коле.

– Нет, – равнодушно отозвался тот.

– Ничего, я съем, – заверил Комар и рассмотрел угощение:

– «Сникерс» белый.

– Белый? – оживился Коля. – Я такого не ел.

Комар отдал ему один.

– Приготовили мне что-нибудь интересное? – спросила я.

– Да, фокус, – шутливо ответил Комар, разворачивая плитку. – Вот есть шоколад, а сейчас исчезнет.

– Ты этот фокус мне каждый раз показываешь! – рассмеялась я. – Никогда не успеваю заметить, как шоколад исчезает.

Комар встал перед нами и, с удовольствием от-

кусив шоколадик, стал комментировать, каков он на вкус. Коля, неспешно поглощая свой, отметил немного капризно, что «вкус слабоват».

Потом Комар спросил у меня:

– О чем будем говорить?

– Когда доедите, я задам вам вопрос на засыпку.

Заинтересованный Комар засунул в рот оставшийся кусочек шоколада, проделал то же с Колей и сел возле меня. Я задала свой вопрос:

– Догадайтесь, что общего у меня с Артёмом?

Артём, задумавшись на мгновение, предположил:

– Фамилия?

Такая проникательность была невозможна. Я изумленно взглянула на него. Он пояснил:

– Фамилия на одну букву?..

– Нет, дело не в букве.

Ребята задумались. Артём высказал еще два предположения, у Коли версий не было вообще. Я раскрыла секрет:

– Общее – действительно фамилия. «Кавецкая» – фамилия польская, образована от слова «кавец». А «кавец» по-польски означает «кузнец».

Значение фамилий у нас оказалось одинаковым. Этот факт был еще удивительнее оттого, что Кавецкой я стала по своему выбору, в июле 2013 года.

– Это судьба, – подытожил Коля.

Затем я встала и, достав из сумки небольшой сверток, положила его на колени Комара:

– Вот тебе подарок. Угадай, что в пакете!

Комар пощупал:

– Какая-то ткань?

Я взяла пакет и, вынув оттуда нечто неопре-

деленное с серебристой чешуей, начала неспешно разворачивать это перед Комаром. У него от удивления подпрыгнули брови. Коля, сидевший справа от Комара, воззрился на мой подарок с недоумением. Я развернула его полностью: это была широкая полоса прозрачной черной ткани с нашитыми на нее удлиненными серебристыми пайетками.

– Это мне?! – спросил изумленный Комар.

– Да, – я пошуршала тканью перед ним. – Новая форма «Реал-Мадрида»!

Ребята рассмеялись. Я подошла к Коле. Комар встал, наблюдая. Я набросила ткань Коле на плечи и аккуратно расправила:

– Хорошее отпугивающее средство против нежелательных поклонников.

– А что, правда колется? – Комар осторожно потрогал «воротник» Коли и, убедившись в некоторой колючести, подхватил мою шутку:

– Роналду надо такую форму пошить, чтобы поклонники не лезли.

– Ага, всей команде надо сшить! – добавил Коля. Он сидел не шевелясь и сиял серебристой «чешуей». В сочетании с его желтой шапкой она смотрелась замечательно.

– А ты даришь ее мне? – уточнил Комар.

– Нет, это был розыгрыш, – сказала я и сняла ткань с Коли. Убрав ее, я достала распечатанное из моей электронной почты письмо от канцелярии «Реал-Мадрида» и копию своего письма к Роналду. Оба были на испанском. Комар заинтересованно пристроился слева от меня, глядя на листы в моих руках, и я перевела ему оба письма. Канцелярия писала: «Мы очень рады, что у нас *такие* поклонники...»

- Они всем так пишут? – спросил Комар.
- Нет, только нам, – заверила я.
- А «Барселона» не ответила? – уточнил он.
- Нет, – я положила листы в сумку. – Думаю, что к Новому году придет ответ от Роналду.

Я села на скамейку возле Коли, Комар остался стоять перед нами. Мы стали беседовать, время от времени тормоша Колю. Комар забрасывал на него комочки снега, а я забиралась руками за шиворот.

- Не надо, – мягко протестовал Коля, закрываясь от меня.
- Нет, надо! – веселилась я.
- «Надо, Федя», – шутливо вторил мне Комар.

Наконец, Коля поднялся и, отойдя к песочнице, устроился на ее ограде. Я встала возле него, Артём – перед нами.

Комары попросили меня спросить их о чем-нибудь, и я задала давно интересовавший меня вопрос:

- Как вы познакомились?

Комары оживились и принялись рассказывать наперебой.

- Я встретил его на улице, – сказал Артём.
- ... когда он гулял с Ангелиной, – продолжил Коля.
- ... а он играл в мяч с приятелем. Это было в 2010 году.
- Да, в 2010-м. Или даже в 2009-м, – Коля призадумался. Артём шагнул к нему и, положив руки ему на плечи, произнес с мягкой улыбкой:
- В 2010-м! Я точно помню.

Они вспомнили, как Артём принял участие в игре и какой был у них счет. Тёма улыбался сча-

стливо, глядя на друга и не убирая рук с его плеч, а я любовалась ими...

У меня в комнате, под нарисованными мною портретами Артёма, хранится в вазе девятнадцатого века кусочек их лета – десяток серых пушистых травинков, сорванных однажды на прогулке.

Замечательное качество Тёмы

13 ноября я пришла в наш двор в 14.05. Была оттепель, и я запыхалась, пока пятнадцать минут шла по глубокой снежной каше. Ребята ждали меня, расположившись у качелей неподалеку от березы: на нашей скамейке лежал снег в треть метра высотой. Коля с хмурым видом сидел на качелях, а Тёма стоял перед ним.

– Ну, Кузнецов, ты рехнулся! – сказала я вместо приветствия.

– А что такое? – спросил Тёма миролюбиво, поворачиваясь от Коли ко мне.

– В такую погоду – и без шапки!

Тёма не стал спорить. Я встала возле качелей. У меня были сумка и большой пакет. В пакете лежала распечатка новых глав этой повести, листы с вопросами к ребятам и покрывало для сидения. Пакет я поставила Коле на колени.

– Зачем всё на меня? – проворчал тот, не двигаясь.

– Потому что ты сидишь, – объяснила я.

– Да, ты сидишь, – поддержал меня Тёма, стоя перед Колей. Я ухватила за опору качелей: после прогулки по снежной каше у меня часто билось сердце. Тёма взглянул на меня и велел товарищу:

– Встань и посади Олю.

– Не надо, я постою, – сказала я и поставила Коле на колени сумку. Тот принял молча и продолжил сидеть угрюмо. Он был не в духе: для того чтобы прийти на встречу, ему надо было проснуться раньше обычного и пройти несколько кварталов (а Тёма жил за семь остановок от нашего двора). Коля был, как всегда, тепло одет, но это не утешало его: ему хотелось только долго спать, а затем играть на компьютере.

Из-за угрюмости Коли у меня исчезло желание делать то, что было задумано на эту встречу. Я немного помолчала, после чего спросила Тёму:

– Будешь сладкое?

Он ответил утвердительно, и я вручила ему черничный шоколад.

– Спасибо, – сказал Тёма и мягко добавил полупрошлым тоном, глядя на меня:

– Мы съедим потом.

Я кивнула, и он убрал шоколад в карман. Чтобы мои старания не пропадали, я предложила Коле почитать новые главы из повести.

– Не-е, – отказался Коля, не поднимая головы и сохраняя свое хмурое настроение. Тёма, посмотрев на него, произнес с оттенком иронии:

– Нет, читать – это не для нас...

– Значит, я зря писала это три часа ночью? – обиделась я. Тёма осторожно попробовал исправить положение:

– Но мы не просили... – мягко заметил он. Сам Тёма почитал бы охотно (он всегда интересовался тем, что я пишу), но я не предлагала ему.

– Не просили, однако мне хотелось сделать что-нибудь, – ответила я и замолчала в досаде на

Колю. Воцарилась тишина. Коля сидел неподвижным комком утюжности. Я стояла, опираясь одной рукой о качели. Тёма смотрел то на него, то на меня, думая, как поправить дело.

С самого начала нашей дружбы я отмечала в Тёме миролюбивую черточку. Даже, когда мы ссорились, и он в ответ на незаслуженные упреки отчаянно оправдывался (так было два раза), я замечала, что ему не хочется ссоры – хочется ее скорейшего прекращения. *Он никогда ничем не обидел меня*: он не хотел обижать. Даже в ссорах Артём был бережен со мной.

Артём *никогда* не начинал спор первым. Все наши немногие неурядицы – 9 ноября 2014-го, 14 декабря того же года, 3 августа 2015-го и другие – происходили с моей подачи. Тёма сносил от меня все – и горячность во время спора, и несправедливые упреки. Сносил все, ибо любил меня и знал, что я тоже очень люблю его.

Что до меня, то я смогла сразу почувствовать сущность этого мальчика, но многие месяцы не понимала его отдельных поступков. Так, оживление от хорошего настроения я поначалу принимала за попытку вывести меня из себя, а привязанность – за «корысть». Даже благодарность за устройство на работу в 2015 году я ухитрилась истолковать в дурную сторону. Иногда такие истолкования вели к моим упрекам.

В моей автобиографии есть пассаж, за который теперь стыдно – не перед Тёмой, ибо он понимал причины моих ошибок и прощал меня, а перед его образом, который я создаю в своих книгах. Читатель не знает Тёму и может судить о нем лишь по моему описанию. В этой книге я стараюсь быть

объективной. Но в некоторых стихах и отдельных местах автобиографии я ошибалась. Объясню к слову один эпизод, который я истолковала превратно в автобиографии.

В начале августа 2015 года я позвонила Артёму вскоре после того, как мы попрощались, и попросила вернуться во двор: я скверно почувствовала себя от недосыпания и усталости, и мне хотелось видеть Артёма. Туда зашла за мной моя мама, и мы сидели на скамейке. Артём прибежал. Я попросила его посидеть со мной, не сказав, зачем. Он ответил, что спешит, помялся и, попрощавшись, ушел. Я позвонила опять, повторив просьбу, но он не вернулся. *Не объяснив* Артёму причину своей просьбы, я рассердилась на него... А вот как он поступал, когда знал, в чем дело:

31 августа 2015 года мне стало нехорошо с сердцем вскоре после того, как Коля объявил, что они придут только на осенних каникулах: так сильно я не хотела расставаться с Тёмой надолго. Мальчишки уже собирались уходить. Я сказала о своем состоянии (не назвав причину). Артём остановился, держа за руль свой велосипед и обеспокоенно глядя на меня. «Может, твою маму позвать?» – предложил он. Я отказалась. Он не уходил. Я сказала, что они могут идти. Артём не двигался. «Идите, идите, ничего страшного». Коля пошел прочь, Артём, катя велосипед, – очень медленно за ним, то и дело оглядываясь на меня... Потом он сказал моей маме, где я.

Если бы не мои неверные истолкования, то почти всех недоразумений можно было бы легко избежать.

Однако именно недоразумения стали дополни-

тельным доказательством нашей взаимной привязанности и преданности. Слабые взаимоотношения были бы порваны после первого же упрека; нашу дружбу не смогло разорвать ничто. Размолвки нас – сплачивали.

В размолвках и проявились замечательные качества Тёмы – незлобивость, умение прощать, терпение, миролюбие (со временем я переняла все это, кроме уже присущего мне свойства прощать). Этот мальчик сумел понять – творческого человека, смог понять всю сложность его личности. Остальные отступались, видя непостижимую для них поверхность; Артём оставался со мной, видя и *целя* сущность. Не было в моей жизни равных ему.

В 2016 году миролюбивая черточка проявилась в Артёме сполна. Он сглаживал острые углы, когда Коля бывал несколько небрежен в отношении меня; избегал ссор со мной и еще больше старался поступать так, как хотелось мне, быть таким, каким я желала видеть его. Он хотел, чтобы его поведение нравилось мне; хотел, чтобы мне тоже было хорошо с ним. Так он обычно уступал и желаниям Коли (если они не касались нашей дружбы). А ведь Артём был независимым по природе.

Артём любил нас обоих, мы оба были его миром, и никто другой не был нужен ему. В мире внешнем у него не было привязанностей. В школе и колледже у него были только приятели; по школе он не скучал, колледжу не радовался. Дома ему не было уютно. С родителями отсутствовало полное доверие; при упоминании некоторых родственников он в лице менялся... Артём был счастлив только с нами и заботился о наших взаимоотношениях.

... Сейчас ему не хотелось, чтобы возникла ссора.

– Ну, мы пойдем? – полувопросительно и мягко произнес Тёма, глядя на меня. В данном случае лучшим способом избежать ссоры было сбежать от нее. Но я не дала:

– Разве я для этого приходила?

Опять воцарилось молчание. Коля сидел неподвижно, я мрачно взирала сверху вниз на него, Тёма думал, что делать. Я вдруг рассердилась:

– Да какого черта я буду спрашивать! – и, взяв с колен Коли пакет, достала прозрачную папку с вопросами:

– Артём недавно просил спросить что-нибудь; вот я приготовила вам вопросы, – и я подала их Коле.

– Да не хочу я, – прогудел тот, сидя нахохлившись.

– Домой возьми, – спокойно сказала я.

– Что я, так и пойду с этим? – проворчал Коля, нехотя принимая папку. Тёма тотчас оказался слева от него и с живым интересом заглянул на папку. Коля тоже проявил к ней некоторое внимание и, не вынимая из нее листа, начал читать вопросы вслух.

Сначала шли двенадцать вопросов к обоим – об интересах и вкусах. Коля прочитал несколько, не ответил ни на один, и инициативу перенял Тёма. Он отвечал старательно и с увлечением, радуясь возможности поправить дело. А оно поправлялось: я приоживилась от его ответов и заинтересованности.

Затем следовали девятнадцать вопросов отдельно к Коле: «Что для тебя самое важное в жизни?», «На кого тебе хочется быть похожим?», «Что для тебя важно в людях?» и несколько о дружбе с

Артёмом.

– Вопросы какие-то сложные, – констатировал Коля. И ответил только на пять, что были попроще.

После я вытащила из папки второй лист, где были девятнадцать вопросов к Тёме. Я спрашивала о его любимом футбольном клубе «Реал-Мадрид», о дружбе с Колей и разных мелочах. Тёма отвечал на все с готовностью. Одним из вопросов было: «Обижаешься ли ты на промахи Коли или относишься к нему снисходительно?» Тёма играючи приобнял Колю и сказал с любящей улыбкой:

– Обижаюсь.

Коля, слушая ответы Тёмы, избавился от своей угрюмости и на следующий вопрос ответил сам:

– «Стоит ли уделить Коле в книге больше внимания или же оставить его второстепенным персонажем?» Оставить второстепенным.

Когда вопросы на странице закончились, Тёма искал в папке, нет ли еще листов: ему понравилась затея с вопросами (и то, что я повеселела).

Потом я хотела рассказать свой сон, в котором видела Колю мертвым: «Сегодня мне приснился труп Коли...» Тёма, никогда не перебивавший меня, тотчас перевел разговор на что-то другое.

Мы еще поговорили и расстались – все трое в хорошем настроении благодаря миролюбию Тёмы.

«Вредоносный» Коля

В конце ноября 2016 года неожиданно потеплело, снег стал быстро таять, нередко светило солнце, а небо было пронзительно-синим: как будто не

осень заканчивалась, а весна началась. Мы встречались тогда трижды, проводя вместе по два часа и более. Хорошо нам было, уютно и весело.

А 29 ноября у меня произошло недоразумение с Колей. За пару дней до того я обидела Тёму излишним вниманием к Коле. Тёме показалось, что я, играя и шутя с его другом, забываю о нем (сам Коля говорил, что Артём обижается, если я уделяю ему мало внимания). Желая напомнить о себе, Тёма сделал вид, что ищет новых друзей. Его испытанный способ сработал: зная, что в действительности он никого не ищет и, более того, боится потерять меня, я возмутилась и написала ему что-то сгоряча. Цель Тёмы была достигнута, и он тотчас поправил дело.

Меня огорчило то, что Артём переоценил мое внимание к его другу, и вечером 29-го я поехала к Коле. Я рассчитывала увидеть его по дороге из школы и поговорить об Артёме. Коля, не любивший такие визиты, сильно занервничал и не стал разговаривать. Позднее Коля в отместку выразил в соцсети пожелание прекратить общение со мной. Возмущенная его поведением на улице и этим неожиданным намерением, я что-то саркастически заметила ему в письме насчет его действий. Так завязалась умеренная перепалка, в ходе которой я написала, что, если он будет так небрежен, у него не останется друзей и даже Артём не станет его терпеть. «Мы с Артёмом уже шесть лет дружим», – ответил Коля. «А ты знаешь, сколько вам осталось общаться?» – в сердцах бросила я...

2 декабря я отправила Тёме длинное письмо, в котором объясняла, что он мне нужен, а внимание к Коле происходит из желания того, чтобы между

всеми троими были крепкие отношения. В том письме я впервые назвала Артёма братом.

18 декабря 2016 года

Через несколько дней я предложила Артёму встретиться в ближайшее воскресенье, 11 декабря, в нашем дворе. Артём с готовностью согласился. Однако у Коли возникли какие-то препятствия, и ребята отменили встречу.

Ночью на 15 декабря меня охватила непонятная тоска. «Тёма, помоги», – невольно попросила я мысленно, глядя из неосвещенной комнаты в окно, обращенное на запад – туда, где жил Тёма. Следующей ночью он, к моей радости, написал, что они придут 18-го в 13.30., на старое место.

18 декабря был пасмурный день с легкой оттепелью. Я приехала пораньше и была у двора в 13.25. Из-под арки увидела, что ребята уже ждут меня. Коля сидел на ограждении песочницы, а Тёма стоял перед ним. Коля заметил меня и сказал об этом Тёме. Тот обернулся и сделал пару шагов в мою сторону. Я пошла навстречу через двор.

По пути мне бросилось в глаза, что неподалеку от нашей березы выкопана яма – примерно метр на два. Свежая земля по ее краям выглядела странно на контрасте со снегом. Яму выкопали из-за работ на водопроводе (на тот момент они были приостановлены), но мне не понравилось, что кто-то нарушил привычный вид нашего двора.

Подойдя к ребятам, я весело сказала:
– Привет, букашки! – и встала на равном расстоя-

нии от обоих.

– Привет, – живо ответил Тёма. Коля молчал и боялся пошевелиться, ожидая головомойки за то, что не стал разговаривать у школы. Я встала рядом с Тёмой и, глядя испытующе на окаменевшего Колю, спросила с величайшей серьезностью:

– Ну, и какова трансцендентальная концепция консенсуса вашего консилиума?

Коля склонил голову влево и, сморщив нос, переспросил недоуменно:

– Чё?

Мы с Тёмой весело рассмеялись. Тёма сказал:

– Я сам понял только «консилиум».

Коля догадался, что я разыграла его, слегка улыбнулся и расслабился: головомойка миновала.

Конечно, мне хотелось многое поставить ему на вид, но я еще до встречи решила не бранить его. Во-первых, он, в отличие от Тёмы, не так легко поддавался воспитанию; во-вторых, я не желала портить встречу выговорами.

Потом я спросила:

– Будете сладкое?

Коля отказался, а Тёма с готовностью ответил «Да». Я достала из сумки швейцарский шоколад, сделанный в виде трехгранного батончика, и подала Тёме. Он поблагодарил, спросил, нет ли такого же лично для Коли, и принялся разворачивать шоколад. Обертка была прочная, и он, повозившись с ней, попросил:

– Коля, помоги!

Но Коля сидел не шевелясь, наблюдая, как Тёма борется с упаковкой. Тёма оторвал зубами краешек обертки и с облегчением снял ее. Под ней оказалась вторая.

– Как матрешка! – улыбнулся он и положил уже снятую обертку на колени неподвижного Коли. Отправив туда вторую, Тёма обнаружил, что шоколад упакован еще и в фольгу. Тёма, пребывая в отличном настроении, играючи поснимал зубами полоски фольги и легко сдул их на колени Коли.

– Он у тебя сейчас вместо мусорной корзины, – пошутила я. Тёма предложил шоколад Коле:

– Будешь?

Тот кивнул, и Тёма дал ему откусить батончик. Коля ухитрился отломить сразу два весьма внушительных кусочка. Довольный тем, что его не ругают, он теперь дурачился, держа оба соединенных кусочка во рту, как ворона добычу. Тёма с готовностью пришел на помощь и засунул Коле в рот сразу оба кусочка. Тот принялся тщательно зажевывать их. Сам Тёма стал уминать оставшуюся часть шоколадки – как всегда, тихо и быстро. Когда они закончили питаться, я торжественно объявила, стоя возле Тёмы и глядя на Колю:

– Я написала для тебя стихотворение. В первый раз именно тебе.

Я достала из сумки сложенный тетрадный листок и вручила Коле. Тот стал вдумчиво читать. Тёма пристроился слева от него, я – справа. Вскоре Тёма забрал листок у Коли и, встав перед ним, принялся с удовольствием зачитывать стихотворение вслух. Это была эпиграмма, в которой рассказывалось о том, как Коля повел себя у школы 29 ноября. Она начиналась словами «Был у меня один Болванчик – // Весьма надежный с виду мальчик...»

– Хорошая рифма! – отметил Тёма, весело взглянув на друга. Он выразительно дочитал стишок и

вернул листок Коле, сказав не без иронии:

– Возьми! В школе прочитаешь.

Коля взял листок с нарочитым равнодушием и не глядя передал мне. Он явно чувствовал себя в дураках из-за своего странного поведения у школы, а Тёма торжествовал, что Коля хотя бы немножко наказан за свою глупость.

Затем я расспросила Тёму об учебе. Он ответил, что у него только три тройки, а остальные четверки. Казалось, успехи в учебе удивляли его самого. Я сказала:

– Кстати, если на втором курсе вы будете писать реферат или курсовую по архитектуре, я могу помочь тебе в этом.

Тёма почему-то ничем не отозвался.

Позднее я вспомнила о заказанном для него автографе Роналду:

– К Новому году, может быть, придет.

И рассказала к слову, что на днях получила по электронной почте письмо от всемирно известного египтолога Захи Хаваса. Я обращалась к нему с вопросом о том, какая мумия может принадлежать Нефертити. Профессор Хавас обстоятельно изложил мне свою версию.

Тёма слушал, глядя на меня во все глаза.

После мы вдвоем поговорили о Ютубе. Я спросила у Тёмы, не снимают ли они сейчас видео. Оказалось, что на их общем канале недавно появился маленький ролик – единственный с августа.

На этой встрече я держалась больше рядом с Тёмой, стоя почти вплотную к нему, и только изредка становилась ближе к Коле.

Коля был немногословен и неподвижен, но в добром расположении духа (видимо, оттого, что

головомойка миновала). Мы с Тёмой были радостно оживлены, увлеченно говорили, шутили, смеялись. Мне всегда передавалось его настроение, а оно было у него на встречах хорошим. Ни разу за всю нашу дружбу Тёма не пришел угрюмым или раздраженным. Взволнованным, обеспокоенным он бывал, – когда что-то внезапно нарушало его планы, и он должен был спешить, или когда я затевала спор. Встречи со мной и с Колей были для него радостью, и лишь на этих встречах он был счастливым...

И в этот раз он весь лучился счастьем, сиял открытой улыбкой, сиял радостным взглядом: излучал счастье – был им.

И звенело его неизменившееся ясное сопрано, и звенел его смех – посреди пустынного двора, между белой землей и белым небом.

Все было неподвижно: большая береза с редкими необлетевшими листьями – потемневшими, как сусальное золото старых икон, и сплошные высокие тучи, и темный Коля, нахохлившийся на ограде. И среди этой неподвижности – Тёма: радостный, сияющий, живой. И я была живой в его присутствии – только в *его* присутствии. Никогда, нигде и ни с кем я не ощущала так ясно силу и счастье Жизни – не этой, временной, а бесконечной, настоящей, здесь начинающейся и там продолжающейся. В его присутствии я ощущала – Вечность.

И мы щебетали – о Ютубе и письме к Роналду, о моем «захандрившем» компьютере и каких-то забавных случаях из моей жизни; мы шутили и смеялись... За простой поверхностью скрывалась удивительная глубина.

Мы провели вместе пятнадцать минут. Тёма собирался еще погулять с Колей, пока не стемнело, и снять новое видео: должно быть, проявленный мною интерес к их занятию воодушевил его на продолжение съемок.

Коля слез с ограды и неспешно отправился прочь, в сторону домика, где мы сидели летом. Тёма медлил возле меня. У меня в сумке была приготовлена для него записка, в которой я говорила о его значении в моей жизни: суммировала все, написанное ему раньше.

– Кое-что осталось для тебя, – сказала я Тёме, стоя перед ним, очень близко. Он заинтересовался и, обернувшись к Коле, махнул ему:

– Подожди!

Тот остановился в десяти шагах. Я не хотела задерживать их и произнесла:

– Ладно, когда-нибудь потом.

После я спросила Тёму о следующей встрече, но он затруднился назвать дату и обещал написать. Затем, вдруг поникнув, медленно и неохотно направился к Коле.

– Пока! – сказала я, глядя на Тёму.

– Пока! – ответил Коля издали за обоих. Это был единственный раз, когда Тёма не попрощался со мной.

Невероятный розыгрыш Комара

19 декабря я написала Коле: «Было бы здорово, если бы вы подписали мне на Новый год открыточку. И не подскажешь ли, что подарить Тёме на

Новый год? А тебе?»* Коля промолчал. Я обиделась за Тёму и принялась готовить подарки для него по собственному замыслу.

Первой идеей было сделать несколько художественных фотографий (я увлекалась фотосъемкой). Несмотря на все старания, у меня не получилось ни одного хорошего кадра. На следующий день я решила нарисовать для Тёмы открытку. Хотя рисовать пейзажи, натюрморты и простые изображения для поздравлений мне было не в новинку, эта затея тоже окончилась неудачей. На третий день я принялась искать в Интернете готовые открытки, намереваясь сделать на них соответствующие надписи и распечатать. Две попытки ни к чему не привели...

22 декабря мне приснился сон: в моей комнате сидят Артём и Коля. Артём в светлой одежде и словно бесплотный. Он собирается уходить куда-то. Я спрашиваю у Коли: «Ты тоже уйдешь?» — «Нет, я могу еще больше часа быть здесь». Позднее мы с Артёмом оказываемся на светлой, широкой лестнице. Артём, сильно припадая на левую ногу, увлекает меня за левую руку вниз по лестнице. Я не очень хочу следовать за ним и смотрю вверх. Пролетом выше стоит человек. Я думаю, что лучше было бы идти туда. Мы с Артёмом спускаемся до конца пролета, и я вижу справа от лестницы высокие двери. Одна створка открыта, и видны богатые портьеры. Артём идет дальше (я этого не вижу), а я оказываюсь в своей комнате с Колей.

* Я писала Коле об открытке: обычно мы обменивались электронными поздравлениями и СМС, не открытками.

23 декабря, в 18 часов, меня вдруг охватывает непонятная тревога за Артёма. Считая, что это всего лишь переутомление, продолжаю искать в Интернете новогодние открытки для Артёма и Коли.

В 19 часов внезапно сдают нервы. В сильном волнении я потерянно блуждаю по квартире. Отец видит мое беспокойство и, думая, что причина – в каких-то моих делах, подает советы. Я бросаю в сердцах что-то странное: «Если бы этими разговорами можно было вернуть то, что я потеряла!» Он растерянно удаляется, а я, спешно одевшись, ухожу на улицу.

Унылый свет тускло-желтых фонарей, тающий снег, сырость в воздухе. Иду к остановке. Пять минут стою в почти полной темноте возле непроглядной березовой рощи. Наконец, подходит автобус, и я еду в город – без всякой цели, лишь для того, чтобы успокоиться. Но езда меня не отвлекает. Что с Артёмом?.. На полном ходу правое переднее колесо попадает в какую-то выбоину, и автобус резко встряхивает, отчего сваливается шторка на окне водителя. Я не придаю этому значения.

Через пятнадцать минут я выхожу и пересаживаюсь на обратный автобус. В нем тепло и светло, и я ненадолго успокаиваюсь, глядя в черноту за окном, в которой то и дело мелькают желтые огни. Выхожу на своей остановке и нехотя иду в квартиру. Там обнаруживаю записку отца, обращенную к маме, – о том, что у меня «не в порядке нервы». Это выводит меня из себя, и я очертя голову опять бросаюсь в холодную темноту.

Долго сижу на пустой остановке, закрыв глаза. Холод медленно овладевает мною, но я продолжаю сидеть. По щекам катятся неостановимые сле-

зы. «Открыть бы глаза и увидеть брата. Чувствовать его тепло, а не этот холод...» Открываю глаза: темная глухая пустота, в которой время от времени проносятся справа от меня желтые огни машин. «Артём, что происходит?» Почему мне так плохо?

Мне негде узнать, все ли в порядке с Артёмом: у него самого – проблема с телефоном, а Коля не откликается.

Возвращаюсь домой в 21 час. В своей почте вижу оповещение о том, что на канале Артёма и Коли вышло очередное видео. Вышло оно еще 18-го. Оповещение почему-то запоздало и пришло только 23-го, в 18 часов – в то время, когда я начала беспокоиться из-за Артёма. «Как будто он хотел утешить меня...» В маленьком фильме, снятом после нашей встречи 18-го, Артём и Коля идут по заснеженному берегу Волги вдоль чернеющего Горсада. Артём снимает себя и Колю, держа телефон в правой руке. Довольное лицо Коли, обрамленное серой опушкой капюшона, – против черноты деревьев. Справа от него – улыбающийся задорный Артём, без шапки; его мягкие светлые волосы на фоне белого неба. Глядя на зрителя, Артём весело обещает: «Ко дню рождения этого чудака, – он показывает на друга, – выйдет невероятный ролик. Ждите!» Рукой в черной перчатке он закрывает камеру. Конец.

Фильм успокаивает меня, но потом мною снова овладевает мучительное беспокойство. «У меня такое чувство, будто я потеряла Артёма», – говорю я тем вечером маме.

Ночью я нахожу, наконец, открытки для Тёмы и Коли и делаю к ним подписи. Тёме – золотистое изображение уютного заснеженного домика, Ко-

ле – синяя открытка с усадьбой в лесу. Как мне хочется порадовать их!..

В ту ночь записываю в дневнике: «Артём именно тот, кого я искала, и близок мне. И – единственный у меня. Невыносимый страх потерять его – потерять эту радость, эту вторую юность (а первой и не было!), это вдохновение... Мне дорог он, дорога его дружба с Колей, дороги наши взаимоотношения. Триединство. Только бы Артём и Коля были вместе и были со мной... Остальное – вынесу».

Я хотела знать, как дела у Артёма, но он с 23 декабря отсутствовал в соцсети, и я написала 24-го Коле: «Как Артём сдал сессию?» – «Нормально». – «Пересдачи нет?» – «Нет. Но он заболел». – «Чем заболел?!» – «Не знаю», – и Коля переслал мне сообщения от Артёма. Тот писал ему 19-го: «Мы с тобой вчера так погуляли, что у меня все тело болит. И голова. У меня, наверное, температура 38». А 22-го извещал: «Мы не пойдем гулять в выходные». – «Так плохо? Ты умираешь?» – насмешливо спрашивал его Коля. «Да. Я еле-еле хожу. Левое колено очень болит».

Пораженная, я рассказала Коле свой сон, в котором Артём припадал на левую ногу. Как бы то ни было, я не очень верила в его болезнь. Артём казался необычайно крепким, неподдающимся никаким болезням. За все время нашей дружбы ни разу не было разговора о его недомогании, он *никогда* ни на что не жаловался. Болеющий Комар – это было нелепо. Но и лгать он не мог.

Я решила уточнить и 25-го спросила письменно одну родственницу Артёма о его состоянии. Та ответила, что его положили в больницу (23-го).

Это было настолько странно, что я, прочитав сообщение, рассмеялась. «Наверное, у него случился насморк, и он с непривычки встревожился», – пошутила я сама себе. Женщина обещала сообщить подробности электронным письмом на следующий день, 26-го.

26-го ничего не пришло. Вечером я написала ей: «Как Артём?» Ответа не последовало. Сначала это возмутило меня, но потом я вдруг предположила худшее. «А что если?..»

У меня поднялось давление, до 160 на 120. Высокое давление грозило глазными кровоизлияниями, как уже было в 2013 году. Вызвали «скорую». Врачи приехали через час, поднялись вальсяжно по лестнице в сопровождении моего отца и отказали в помощи. В досаде я бросила при них маме: «Если моего Артёма вот так “лечат,” ему живым из больницы не выйти».

Позднее, глубокой ночью, я решила обзвонить больницы, чтобы узнать, где именно Артём и что с ним. Со второй попытки, в 1.30., удалось найти больницу, в которой он лежал. Там сказали, что у него «грипп или простуда, состояние неопасное». Я успокоилась, изумляясь на то, что с таким пустяком его госпитализировали. Полученные сведения сообщила Коле, добавив: «Будем ждать его». Тот ответил: «Надеюсь, скоро он будет совершенно здоров».

В 9 часов утра того же дня, 27-го, последовал еще один звонок в больницу. Ответ врачей не вызывал серьезного беспокойства, но я, тем не менее, сочувствовала Артёму и переживала, что не увижу его еще недели две...

Помню, как 27 декабря, около 13 часов, я стоя-

ла на остановке, собираясь ехать в город. Было пасмурно, снег таял. Мое внимание привлек круглый разрыв в сплошных серых тучах – ликующий прорыв в глубокую синеву. Он перемещался с запада на восток, над моим домом.

Через час выглянуло солнце. Тучи собрались на севере в одну тяжелую темно-синюю массу, а на юге, низко над горизонтом, сияло старинной позолотой тусклое солнце. Кажется, это был единственный в декабре день, когда появлялось солнце. Вскоре все небо снова скрыли тучи, и начал падать редкий крупный снег – очень медленно, очень легко. Было что-то странно печальное в этом снеге: как если бы он падал над могилой.

Я вернулась из города с тремя еловыми шишками, которые нашла в сквере. Тщательно отмыла их от смолы и положила сушиться, собираясь сделать елочные украшения для Тёмы, Коли и себя. Я надеялась, что Тёма вернется к нам хотя бы под Старый Новый год.

В 20 часов Коля прислал сообщение: «Можно ли где-нибудь отследить состояние Артёма?» Я ответила, что об этом могут сказать врачи. Он продолжал: «Кто-то с аккаунта Артёма написал мне, что Артём умер». – «Глупости», – отозвалась я и даже обрадовалась: видимо, Артёму стало лучше, если он решил подшутить над другом. Я попрощалась с Колей и пошла смотреть документальный фильм об авиакатастрофах. В 22.30. как будто кольнуло внутри: «Надо проверить, не пишет ли Коля...» Но, считая, что с ним и Артёмом все в порядке, я не стала заходить в соцсеть.

В соцсеть я зашла только в час ночи. К тому времени Коля переслал мне сообщения от

Ангелины* и ее друга, которые старательно убеждали его в смерти Артёма. «Мне не по себе, – писал Коля, – и еще ты молчишь». Я ответила: «Не переживай, все это блеф. Как мог умереть крепкий пацан?» И обещала узнать в больнице о состоянии Артёма.

К моему изумлению, в больнице не нашли никаких отметок о пребывании там Артёма: не было записей ни о его поступлении, ни о выписке. Кроме того, мне сказали, что в больнице никто не умирал за последний месяц.

Я сообщила Коле все, что узнала. Он растерялся. Я написала: «Должно быть, Артём поправился и решил разыграть тебя – или нас обоих». Коля согласился и пошел спать.

Днем, 28 декабря, меня осенило: ведь Артём собирался снять ко дню рождения Коли «невероятный ролик»! Его «смерть» была ничем иным, как сюжетом для фильма!

Однако замысел был слишком странным для Артёма. Как он мог заставить нас беспокоиться? Он всегда был столь внимателен к нам...

Я обратилась письменно к бывшей учительнице Артёма, надеясь что-нибудь узнать. «Да, он умер, – подтвердила она. – Похороны завтра в 12 часов, от морга 5-й больницы». Я изумилась тому, что Артём сумел сделать соучастницей в своем розыгрыше даже учительницу, и спросила в соцсети одного из его бывших одноклассников: «Это правда, что Артём умер и завтра похороны?» – «Это бред, – ответил тот. – А кто об этом сказал?»

* Родственница Артёма, чуть старше него.

Я назвала. «Да это же моя классная руководительница! Как он мог подговорить ее?!» Несколько других ребят из его прежнего класса тоже опровергли эти слухи.

Я написала Коле: «Завтра Артём будет снимать из-за угла тех, кто придет его хоронить». Коля выразил надежду, что все действительно разыгрывался.

Я уже не сомневалась, что Артём готовится снимать свой «невероятный ролик», но не могла понять, какую роль там играет Коля. Является ли он сам «заговорщиком», или Артём разыгрывает его так же, как остальных? Коля беспокоился весьма убедительно. Но утешался быстро.

Буффонада со «смертью» Артёма заняла все мои мысли. Я возмущалась: «Как он мог придумать такой странный сюжет? Зачем другу на день рождения дарить видео о своих похоронах? И как он мог так безжалостно разыгрывать меня?!» Последний вопрос не давал мне покоя. Артём всегда бережно и ревностно относился к нашей дружбе. Почему он решил так жестоко обманывать меня? Из убеждения, что я не поверю?

Я продолжила письменно расспрашивать знакомых Артёма о его «смерти», желая узнать масштабы его режиссерской работы. Все единогласно опровергли возможность его ухода.

Мало-помалу некоторые из его знакомых начали верить слухам. Несколько парней из колледжа Артёма собрались на его похороны. «Но если это ложь, ему не поздоровится», – написал мне один из его одноклассников. И я живо представила, как несколько здоровых ребят охаживают траурными цветочками незадачливого режиссера.

На «похороны» решили поехать и некоторые

бывшие одноклассники Артёма, а также его бывшая классная руководительница. «Зачем он все это затеял? – сокрушалась я. – Как он будет потом выпутываться из этой истории?» Коля сокрушался вместе со мной и подумывал, не поехать ли на «похороны» самому.

В три часа ночи 29-го я спросила его: «Неужели ты всерьез собираешься ехать?» Коля ответил, что уже передумал. И попросил уточнить в морге, нет ли там Артёма. «Он дома, – заверила я. – Будем ждать его ролик». – «Но ты все-таки позвони в морг». Я считала это излишним, но решила выполнить просьбу Коли: вдруг он действительно беспокоился? Я нашла в Интернете номер морга и позвонила исправно, в три часа ночи:

– Это морг 5-й городской больницы?

На другом конце женский голос ответил с ужасом:

– Нет-нет!!! Это квартира!

Я набрала другой номер и дозвонилась до охраны сего заведения. Мне сказали, что работники будут на месте только с 9 часов утра. Я дала Коле номер морга на всякий случай: «Едва ли я смогу проснуться так рано». – «Я тоже не встану раньше 12 часов», – ответил Коля и пошел спать.

Затея Артёма была нелепой. Неужели он не мог придумать ко дню рождения друга что-то лучшее? А может быть, он вовсе не собирался снимать фильм, и у него была какая-то другая цель? Я ничего не понимала.

После двенадцати часов бесполезной переписки в соцсети я чувствовала себя совершенно разбитой. В седьмом часу утра внезапно охватил страх: «А вдруг это правда?..» Помню, как заплакала в

темной комнате – от неизвестности. В неизвестности: где мой самый близкий человек?..

В 7.15., собираясь спать, я мысленно сложила одним духом стихотворение об Артёме:

Ты навсегда останешься моим.
Так гладь пруда хранит закатный ответ,
Так в высоту уходит мертвый дым,
Так павший зажимает камень в горсти.

Ты навсегда останешься моим.
Невластна смерть отныне над тобою.
Ты был живым, и будешь ты – живым!
Ты был моим – останешься со мною!

«Потом выброшу эти стихи, – решила я. – Они не нужны».

В тот день, 29 декабря, я спала удивительно спокойно. Проснулась в 14.35. с ощущением тепла. Первым делом спросила у Коли в соцсети: «Узнал что-нибудь новое об Артёме?» – «Нет, я только что встал». Я позвонила своей маме на работу, попросив уточнить в морге насчет слухов. Самой звонить туда не хотелось.

Через час мама приехала. Я вышла к ней в коридор: «Позвонила?» – «Позвонила, позвонила...» – ответила она в сторону. «Это правда?» – спокойно спросила я, ожидая отрицания. «Да».

* * *

У Артёма было воспаление легких и рак костей, поразивший левое колено. С 23 декабря он находился в реанимации, а умер от остановки

сердца при перевозке из одной больницы в другую, 27 декабря 2016 года. Ему было шестнадцать лет. Моя жизнь закончилась.

Артём не был необычайно здоровым, как я считала. «У него всегда что-нибудь болело», – сказал потом Коля. Несмотря ни на что, Артём любил долгие прогулки и до последнего играл в футбольной команде, превосходно выполняя свою роль вратаря. Может быть, счастье от нашей дружбы продлило его жизнь так же, как и мою?..

Он мог бы жить еще, и (думаю) мы победили бы этот рак. Если бы не холод, который всегда был ему нипочем...

Артём не боялся холода, а если даже замерзал, то никогда не простужался. Как бы то ни было, я с самого начала нашей дружбы почему-то беспокоилась о том, чтобы ему было тепло. После ливня в августе 2014 года я согревала его в своих объятиях, в октябре того года хотела связать ему теплый шарф, осенью 2016-го приносила покрывало для сидения на скамье... С самого начала было желание – согреть. Его смертельной болезнью стало – воспаление легких.

Невозможная болезнь того, кто казался невозможен для смерти. Артём был – противоположен смерти, неприемлем для нее, был – самой жизнью. Однако тема его ухода мелькала исподволь всю нашу дружбу – в виде моих дурных снов, наших с Колей шуток о «плохих приметах», забавного недоразумения в соцсети, моих спонтанных фраз... Так, 19 ноября 2016 года я, глядя на Артёма, сказала, что запоминаю его... По отношению к Коле не было ничего подобного.

Уход Артёма оказался подсознательным лейт-

мотивом моих стихотворений. Вот одно, написанное 7 января 2015 года и вошедшее в сборник “Crystals of Pain,” изданный в том же году:

Ты уйдешь, как уходят пути
В бесконечность на горизонте,
Как уходят покой и мечты,
Как мгновение в вечность уходит...

Я останусь, как дерево, ждать
Все-скрывающей нежности снега.
Только – прежде, чем отзвуком стать,
Будь со мною хотя бы мгновенье!

Сам Артём тоже что-то чувствовал. На последней встрече я обратила внимание на то, как он смотрел временами на Колю. Привычный любящий взгляд на друга был тогда особенно долгим, особенно пристальным: запоминающим. Так смотрят перед долгой разлукой... А когда Тёма прощался со мной – на считанные дни, до каникул, он вдруг поник, будто что-то огорчило его. Я потом даже спросила у Коли в соцсети, что расстроило Тёму. Коля не знал.

Артём всегда был бережен со мной, я всегда – с самого начала – ощущала его любовь, но чем ближе к концу, тем еще более мягким и внимательным ко мне он становился и еще сильнее я ощущала его привязанность. Никогда еще до 2016 года (с июня по декабрь) я не чувствовала себя такой любимой...

Мне хотелось согреть его. А он одарил теплом меня – на всю вечность...

После подтверждения вести об уходе Артёма моим первым движением было поддержать Колю. Но он ответил, что несильно нуждается в поддержке.

Что до меня самой, то в ночь на 30 декабря я была очень близка к смерти: отказывало сердце. Помню, лежала тогда одна в своей комнате, глядя на портрет Тёмы – тот, которым он любовался в мае 2015 года... Потом три дня не могла ни спать полноценно, ни есть. Когда попробовала, наконец, какую-то пищу, то не почувствовала вкуса.

Помогли мне мои книги об Артёме: моральная необходимость рассказать об этом необыкновенном мальчике, который был настоящим человеком и стал моим единственным настоящим другом. Уже вечером 30 декабря я работала над своим «Комариком» – писала главу о последней встрече...

Когда я осенью 2014 года узнала о гибели школьной подруги, я сказала об этом Тёме. Он помолчал, а потом взял меня за плечи и проговорил севшим голосом: «Ты держись...» После его ухода меня поддерживала только его Любовь.

Послесловие

Артём был необыкновенным человеком и настоящим мальчиком. Непостижимым образом я с первого взгляда увидела его редкостную сущность и потянулась к нему, как к родному. Он стал моим с того самого мгновения, когда я заметила его в густой тени лип июльским вечером 2014 года. Так же и Артём весь обратился ко мне, почувствовав что-то свое – сквозь всю мою многосложность, творческую и человеческую. Мы с самого начала были – одно.

Для нас не имели никакого значения ни разница в возрасте, ни различие в некоторых интересах. Все это отступило перед тем, что было у нас основным: потребностью в друге. В этом, самом глубинном, мы соприкоснулись – соединились – на всю последующую нашу жизнь и то, что за ней...

Артём узнал то, что не знали другие; понял то, что не понимал никто; стал для меня тем, кем никто иной не был и после него не будет.

Он появился тогда, когда я почти изничтожилась в непреодолимом одиночестве, и своей искренней дружбой спас от физической гибели. К 2014 году мое здоровье стало совсем хрупким от постоянной тоски, а за время дружбы с Артёмом я почти полностью восстановилась. Интересный факт: когда я гуляла по городу после встречи 21 августа 2014 года, я с изумлением обнаружила, что с расстояния в 40 метров вижу окна трамвая, тогда как обычно смутно видела даже сам трамвай.

Кроме того, Артём помог мне сделать то, что казалось невозможным, и достичь того, о чем я не мечтала. Благодаря ему, я стала тем, кем должна

была статья.

Ко времени нашего знакомства у меня было написано шесть книг (только три из которых были изданы, для библиотек России), за шесть с половиной лет. «Почему так мало?» – спросил Артём, когда мы сидели в аллее 18 августа 2014 года. «Мало?» – удивилась я. Эти книги стоили мне такого труда, что казалось невероятным, чтобы я смогла сделать так *много*. Писать новые я уже не собиралась. За время нашей дружбы (два с половиной года) появилось еще семь книг, в том числе три сборника стихотворений. Без Артёма я закончилась бы как поэт еще в 2014 году. Артём стал моим живым вдохновением. Нет, он не имел ничего общего с той поэзией, которую представляет большинство: сентиментальной и высокопарной. Он был противоположен ей по своему существу, невозможен для нее. В нем была иная, превосходящая поэзия – чего-то почти уличного и очень жизнеутверждающего.

При нем мои книги появились в библиотеках Европы и Америки – в лучших библиотеках мира. Благодаря ему, мои работы стали частичкой мировой культуры, а я сама обрела свой уголок в истории. Мой удивительный мальчик помог мне выжить как человеку и осуществиться как писателю. И я рада, что его имя навсегда связано с моим.

* * *

В этой книге я старалась сохранить события нашей дружбы, запечатлеть ее, как на фресках в храме. Здесь Артём предстает таким, каким он был. А был он – лучшим из всех, кого я знала.

Он был искренним и отзывчивым, честным и верным, независимым и сильным. Он всегда держал свое слово, *никогда* не обманывал меня, *никогда* не ранил. Его способность к пониманию и врожденный такт делали его самым приятным собеседником.

Артём не был обидчивым. Легко прощал и никогда не вспоминал ссор. Прислушивался к моим замечаниям и исполнял то, что ему было велено. «Не перебивай меня, я теряю нить разговора», – заметила я ему один раз, в августе 2014 года, и с тех пор он не прерывал меня, а если ему было нужно что-то сказать, он просил: «Подожди, дай скажу». Так же я отучила его сквернословить при мне, сделав замечание 30 августа 2014 года. Он всегда старался выполнять мои требования, ибо уважал меня – как человека, как девушку, как писателя.

Себя Артём оценивал с поразительной беспристрастностью. У него было чувство собственного достоинства, но он никогда не считал, что идеален. Он не пытался *казаться* лучше – напротив, при случае указывал на свои недостатки. «Я не хочу иметь дело с Колей: он сквернословит», – сказала я. «Я тоже ругаюсь». Или: «Я прекратила общение с Н.: он много лжет». – «Но я тоже говорил неправду» (вся его неправда сводилась к тому, что он изменил при знакомстве имя свое и друга).

Артём был свободен от гордыни. Он превосходно играл в футбол, был вратарем в юношеской команде, имел награды, но никогда не хвастался перед окружающими своими успехами. Также он не стал превозносить себя после того, как я начала публиковать посвященные ему произведения. Наоборот, их публикация была для него предметом

радостного удивления и благодарности. Он понимал значение быть героем книг и был доволен, что в них он – вместе с другом.

Артём не гнушался физической работы, какой бы трудной она ни была. Все, что делал, делал хорошо.

Любил чистоту. Его одежда всегда была опрятной, равно как и тело. Одевался он скромно, но со вкусом. Все его вещи шли ему. У него был хороший вкус и чувство прекрасного.

Он был умерен, умел радоваться простому – будь то прогулка или плитка шоколада.

В людях Артём обращал внимание на духовные качества, а не на внешность. Внешние данные были для него на втором месте: он не мог любить лишь за одну физическую привлекательность. Его любовь была сильной и верной. Артём любил только меня и Колю – от начала и до конца.

Он отличался духовной силой и необыкновенной жизнерадостностью. Знал, какова жизнь, но умел находить в ней хорошее, был настроен на хорошее и своим присутствием внушал оптимизм. До знакомства с ним я, из-за многих трудностей, превратилась в трагика, воспринимающего бытие как драму, радостные мгновения в которой – не более, чем иллюзия. Артём изменил меня. Я стала веселым человеком. Даже после ухода Артёма, при осознании, что черта подведена, я пытаюсь найти в жизни что-то хорошее...

Артёму нравилось играть и смеяться; он обожал мои фокусы, которые я с удовольствием учила для него. Он ценил все, что я делала ради него.

И ценил меня. Как он для меня, так и я для него была самой лучшей и самой красивой. Об

этом даже не нужно было говорить: я *чувствовала* его отношение, он самым своим присутствием внушал мне, что я интересна, привлекательна, любима, необходима. Рядом с ним я всегда ощущала себя на высоте. Я могла быть в самой простой, повседневной одежде и чувствовать себя королевой. Ибо не одежда делает нас красивыми, а любящий человек рядом.

Артём был очень привязан ко мне и не хотел делить меня ни с кем. Я неоднократно убеждалась в этом, и об этом же говорил Коля, когда Артёма уже не было здесь. И ему не пришлось делить меня с кем бы то ни было: никто в моей жизни не имел такого же значения, как Артём.

Встречи со мной были для него радостью. Коля говорил после его ухода, что каждый раз, когда они шли гулять, Артём предлагал: «Давай позвоним Оле!» И звонил, несмотря на Колино мнение.

На встречах внимание Артёма было сосредоточено на мне. Он живо интересовался всем, что я рассказывала, внимательно слушал, спрашивал и запоминал (мог вспомнить незначительный факт спустя пять месяцев после рассказа). Другие были в большей или меньшей степени настроены на себя, Артём – весь направлен на меня. Даже когда он говорил с Колей или затевал возню с ним, он не упускал меня из виду. Стоило мне чуть заскучать, он сразу же возвращался ко мне.

Артём заботился обо мне, что также отличало его от остальных. Так, в августе 2014 года я сказала ему, что занимаюсь по ночам, а днем сплю. Однажды, спустя два месяца, я узнала, что им с Колей удобнее гулять утром, и предложила: «Я могу поменять режим». – «Нет-нет, не надо», – поспе-

шил отказаться этот четырнадцатилетний мальчик, явно хорошо представляя, как непросто мне будет перестроить привычный распорядок...

Мы познакомились, когда Артёму было четырнадцать лет: трудный возраст, как принято считать и как я сама знаю по опыту общения с подростками. Но у Артёма не было *никаких* возрастных психологических проблем, никаких сомнений, комплексов или метаний. Напротив, он отличался уравновешенностью, а также поразительно ясным и правильным взглядом на вещи, как если бы хорошо знал жизнь. Он уже был – личностью.

А его основным и важнейшим качеством (отличавшим его от большинства) являлась человечность – способность к пониманию, состраданию, дружбе. Он мог сочувствовать даже тем, кого не знал лично. Его можно было бы определить одним словом: настоящий.

Этот мальчик был самым надежным, самым радостным и самым *жизнеутверждающим* человеком из всех, кого я знала. Он был воплощением жизни – солнечной, счастливой жизни.

Артём был лучше всех своих сверстников, которых я знала, и лучше всех моих взрослых знакомых, среди которых были и художники, и писатели, и прочие интеллигентные господа. Он *был* со мной – был в дождь, метель и мороз посреди двора, тогда как другие не желали прогуляться в хорошую погоду или ответить на письмо. С ним можно было и посмеяться, и обсудить серьезные темы; он слушал меня и *слышал*; с ним было просто и весело; *от общения с ним хотелось жить*.

И я была рада общаться с этим мальчиком – после бесполезных попыток дружбы с «себе подоб-

ными», среди которых не нашла своего равного; была рада ходить во двор к моей веселой, живой «шпане», нежели в расположенный поблизости Дом поэзии к неглубоким и завистливым «собратьям по перу». То, что я ходила *мимо* этого литературного заведения на встречи к мальчику, оказывается символичным. Был в этом своего рода триумф: не только мой – над завистниками, но и моего Тёмы – над взрослыми глупцами, человечности – над себялюбием. Насколько *живее* был он – способный понимать и сочувствовать, радовавшийся мне и моему вниманию! Насколько живее тех претенциозных поэтов, самоутверждавшихся за счет своих стихов и дико завидовавших мне!.. Эта зависть вызывала у меня смех: они полагали, что я благоденствую. Они не могли понять, сколько труда было потрачено на мои работы, и не знали, какой ценой они были оплачены. Зато знал и понимал Артём. Он смог оценить меня как автора и сполна понял как человека, что еще сложнее и – важнее. Именно благодаря своему дару понимания и своей верной дружбе Артём стал для меня лучшим.

Артём смог понять то, что было во мне самым труднопостижимым: мое страстное желание иметь не просто друга, но брата. Однажды, зимой 2015 года, я сгоряча сказала что-то о возможности прекратить общение с ним. «А как же наше *братство*?» – обеспокоенно спросил Артём. А ведь я еще не называла вслух нашу дружбу братством. Он все понял сам. Другие же – подростки и взрослые – не понимали даже простой потребности в дружбе.

И это было удивительно: подросток видел во мне не старшего человека, а своего равного, кото-

рого понимал и ценил и которому полностью доверял. Именно равного: во мне с юности жила душа такого же сорванца – веселого и задорного. Артём общался – с самой моей сущностью.

Другой привязанностью Артёма был Коля. Артём с десяти лет дружил с ним, называл его братом и был самозабвенно предан ему. Друг стал для Артёма категорией мышления. «Расскажи что-нибудь!» – попросила я в августе 2014 г. «О Коле?» – уточнил Артём, устремив на друга взгляд, полный любви и преданности. Так он смотрел на него и в последнюю встречу. Воистину Артём любил Колю таким, каким того задумал Бог...

С начала их дружбы Коля являлся средоточием его мира, смыслом этого мира, условием его жизни. Когда появилась я, Артём столь же сильно привязался ко мне. Однако мы с Колей не стали «соперниками»: Артёму были нужны мы оба. И я тоже ловила на себе его исполненный преданности и восхищения взгляд, который лучше всяких слов говорил о его глубокой и верной привязанности. Больше никто не имел для Артёма такого значения, как я и Коля.

Что до Коли, то на протяжении всего нашего общения он присутствовал невозмутимо рядом с Артёмом – как дополнение к нему, как умиротворенность его живого существа. Они были, будто морская скала и волна, которая стремилась к этой скале, шумела возле нее, разбивалась сияющей живостью о нее: жила благодаря ей. Они казались неразделимыми...

Я привыкла воспринимать своих ребят как единое целое – так же, как сам Артём создавал

себя и друга. «Моему Тадеушу присудили какой-то приз за стихи. Но как я его заберу?» – «А давай мы придем и скажем, что мы – Тадеуш...» Артём не мыслил себя без Коли. Не было эгоистичного и одинокого «я»: было осуществленное и осмысленное «мы». Его редкостная привязанность была предметом моего восхищения, доходившего почти до благоговения. Я не разделяла их даже на фотографиях: поставив в 2015 г. за стекло комода снимок Артёма, я добавила и Колин – из какой-то внезапной острой жалости к Тёме. На встречах я никогда не садилась между ними. На Новый 2017 год я мечтала пожелать им не расставаться...

Артём сумел подружить меня, в конце концов, с Колей. Я и Коля являлись противоположностями, которые расстались бы после первой встречи. Благодаря такту Артёма, между мной и его другом сложились приятельские отношения, хотя и не близкие.

Кроме того, Артём создал Коле «репутацию». При случае он давал Коле возможность проявить свои знания, почувствовать себя серьезным и значимым. Иногда Тёма обращался к другу с маленькими просьбами – например, открыть шоколадку. Он вполне справился бы сам, но, прося Колю помочь, он позволял ему ощутить его необходимость. Исподволь он внушал Коле, что верит в него и рассчитывает на него. У Коли появилась уверенность в себе. Это, при соответствующем отношении Артёма к нему, создавало у меня впечатление, что Коля почти взрослый, умный и серьезный. После ухода Артёма иллюзия исчезла.

Дружба с Колей была для Артёма огромной ценностью, и я благодарна ему за то, что он при-

нял меня в свой мир. Я стала членом его семьи, родным для него человеком. Артём подарил мне самое дорогое для меня: наше братство и возможность быть причастной его восхитительной любви к другу. Когда-то я мечтала о таком, но не могла бы подумать, что узнаю наяву это ощущение родства, единения и безграничного счастья.

Как Артём был единственным, кто сполна понимал меня, так и я оказалась единственным, кто полностью понял его. И он с радостью и благодарностью дарил мне свою самозабвенную любовь к Коле – дарил возможность знать об этом и радоваться за него. И мне очень, очень хотелось, чтобы Коля понимал и любил Артёма так же, как я...

Способность к дружбе – самая ценная и самая редкая. Артём умел дружить, и это было его лучшей чертой. Именно это делало нас равными – поверх всех различий и обстоятельств.

* * *

Для меня Артём был воплощением моего внутреннего образа, отображением природы моего «я». Он был настоящим мальчишкой – задорным и жизнерадостным, и я боялась его взросления – как растворения в унылом взрослом мире...

Я воспринимала его больше на слух, основная часть моих воспоминаний о нем – звуковая, не зрительная. Вспоминая его, я его слышу – слышу это звонкое полнозвучное сопрано, которому следовало бы звучать под сводами величественного храма, а оно раскатывалось по городскому двору... Его голос оставался неизменным, только стал со

временем потверже.

После голоса – его движения: быстрые, ловкие, как языки пламени. Он весь был – огонек, радостный оживленный огонек.

Затем – ощущение его тепла рядом. Одно из первых воспоминаний о нем – как он встает со скамейки, а я, оставаясь сидеть, бездумно беру его теплую ручку пониже локтя и, договариваясь о следующей встрече, медленно провожу по руке обеими ладонями. Будто боялась, что он уйдет, хотя он не спешил. Уже тогда было движение – удержать... Позднее, когда мы сидели на скамье в нашем дворе, я за разговором прикасалась к этим загорелым ручкам, ощущая тепло и мягкую гладкость. Ощущение лета.

И, наконец, его глаза – темно-карие, большие, глубокие, удивительные в сочетании с золотистыми волосами: как удачная рифма. У них был редкостный разрез: словно на мраморной скульптуре точным резцом сделанный или на старинной иконе тщательно выведенный тонкой кистью. Карий цвет где-то в глубине едва уловимо мерцал золотистым, как будто янтарь слабо сиял в сумерках. Глаза обрамлялись чудесными черными ресничками. Взгляд был ясным и умным.

Из сгущающихся сумерек прошлого смотрят на меня внимательно эти глубокие глаза, и звенит серебряное сопрано...

Эта прелесть, эта мальчишеская природа казались мимолетностью, мгновением раскрытия цветка. Я боялась, что завтра все исчезнет, и пыталась всячески запечатлеть его, удержать со мной – во мне, как радостное мгновение... Мгновение истинной жизни. Оно не исчезло.

Два с половиной года мы были вместе – жили своим особым миром, уютным, безопасным, отрешенным от внешнего. Мы встречались в обычном дворе, где на нас смотрели всеми окнами два пятиэтажных дома, но как далеки мы были от этого мира с его нечистотой и бессмысленностью!.. Мы играли, смеялись, болтали, но за этой беззаботностью скрывалась Вечность. 11 ноября 2016 года я записала: «Эти отношения с Артёмом, кажущиеся такими простыми, имеют на самом деле какую-то непостижимую для меня глубину, что-то очень важное под легкой поверхностью. Кажется, что они начались раньше, чем мы увиделись – где-то в моих устремлениях и мыслях, и продолжатся дольше меня земной. Незадолго до встречи мои религиозные убеждения дали трещину, как храм от землетрясения, и я почти потеряла прежнюю убежденность в бессмертии души, в смысле человеческого существования. Но, когда я с ним, я каким-то «сверх-чувством» опять ощущаю, что смерти (конца) – нет. Ни для меня, ни для него. Я чувствую себя так, будто нахожусь на берегу Вечности. Смерти нет, времени нет, враждебного мира нет, есть только он и то глубинное, что соединяет нас вопреки всем различиям и обстоятельствам».

Каким-то «сверх-чувством» я поняла, что мне придется доживать без Артёма. Помню, в шесть часов утра 18 мая 2016 года я внезапно проснулась от страха потерять его. С тех пор этот страх не покидал меня. Артём не собирался расставаться со мной и не давал *никакого* повода для беспокойства, но я не могла отделаться от предощущения разлуки. В своих дневниках я едва ли не каждый день повторяла: «Боюсь потерять Артёма». На встречах

я сознательно запоминала его – движения, голос, слова. Я сохраняла на память бумажки от наших игр в фанты или «Чепуху» и прочие мелочи. Я воссоздавала его образ в своей душе и берегла все, что напоминало о нем. Семь месяцев я жила в тревоге. Когда узнала о его уходе, я не поверила. Подтверждение опрокинуло меня, и только мои книги об Артёме заставили меня подняться. Писателем становиться стоило – ради моего друга.

Все, что я делала в последние два с половиной года, я делала для Артёма. Все было для него, ибо он был для меня всем: источником сил, вдохновением, счастьем, моей жизнью. Я считала его родным и мысленно называла братом. Для меня, как и для него, братство – наивысшая степень человеческих взаимоотношений, самое святое понятие. Сказать «брат» – словно осуществиться и всего себя другому отдать. 2 декабря 2016 года я написала Артёму, что считаю его почти братом. Это «почти» было речевой уловкой от смущения: слишком велико было то, что открыла. Теперь не осталось никаких оговорок и никаких умолчаний: Артём в Вечности – мой названный брат.

15 февраля 2017 г.

Комар

Он был немножко уличным мальчишкой –
Живым огнем, задорным и веселым.
Он мог бы стать героем целой книжки,
А в будущем наверняка – звездой футбола.

Он выполнял все только так, как надо,
Не тяготился черного труда,
Смотрел на мир незамутненным взглядом
И ни о чем не хныкал никогда.

Он лазал по деревьям, играл в прятки,
Любил шутить, шалить и веселиться.
И отдавался дружбе без остатка,
Как если б мог лишь в ней осуществиться.

Он лучшим был из сверстников и взрослых
За один дар так искренне дружить.
Он был со мной, и все было возможным.
Он был со мной – без лишних слов: как жизнь.

4 марта 2016 г., 2.13.

Немногое на память сохраняю,
Немногих помяну я добрым словом,
Но вспомню живость юную твою
И, знаю, захочу вернуться снова
В тот двор, где были мы вдали от вся и всех,
И я была вдали от самой смерти,
И был лишь твой задор, и наш веселый смех,
И теплота мучительная в сердце...

12 марта 2016 г., 22.39.

Артём Кузнецов,
5 июня 2016 г.

Ольга Кавецкая,
13 мая 2016 г.

«Тот двор, где были мы вдали от вся и всех...»
Фотография сделана в 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	11
Знакомство с Комаром	13
Телефонные беседы	17
Неожиданная встреча	20
Первая беседа с Комаром	25
«Живу!»	34
Дворовая идиллия	38
Теплота	51
Мокрые болевые точки	59
Превращение	63
Воспитательная беседа	66
Успехи в воспитании	76
Внезапный поворот	80
Попытка примирения	83
Понимающий чертик	87
Лирические отступления	92
Начало книги о Комарике	97
Маленький начальник	100
Отсветы	103
«Шпана»	105
Второй портрет	113
Смена имен и встреча в темноте	115
«Семейная сцена»	116
Новогодние встречи	118
Комар принимает подарки	123
«Прощай, мой друг!»	131
Уничтожение противника	133
Встреча в метели	137
Живая поэзия	139
Сладкоежка	147
Расставание и примирение	154
Попытки встретиться	160
Комар читает книгу о себе	163
Моя затея	165

Комар в университете	168
Наши беседы	173
Чудо с ракеткой	183
Первый рабочий день Комара	186
Обличительный зонтик	189
Встреча в подвале	191
Сражение за Комара	193
Наши забавы	197
Спор	200
Неверная интерпретация	202
Мои фокусы	204
Испытание	210
Наказание	214
Возобновление	217
День рождения Комара	219
Наша вторая осень	230
Нападение на Комара	237
«Недотыкомки»	243
Вторая зима с Комаром	249
Тревога	253
Удивительный факт о Комаре	259
Новое неожиданное открытие	261
Комар-режиссер	263
Веселость	267
«Недостатки воспитания»	271
«Плохая примета»	274
Муза в изгнании	277
Фельетон	279
Вброд по улице	283
Комар-рэпер	286
Розыгрыши и маленькое интермеццо	289
Игры	295
Недоразумения	299
Примирение	302
Развлечения для Тёмы	307
«Всякое шоу»	309
Препятствие во встречах	312

Препятствие преодолено	313
Сюрприз под кроватью	319
Письмо от «Реал-Мадрида» и другое	324
Замечательное качество Тёмы	328
«Вредоносный» Коля	334
18 декабря 2016 года	336
Невероятный розыгрыш Комара	341
Послесловие	355

Изображение на обложке – фрагмент картины Карла
Фридриха Шинкеля «Врата в скалах».

Text, design, and layout copyright © 2018 by Olga Kawecka

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the author.